

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

**ДОКТОР
ДАНИЛОВ
В РЕАНИМАЦИИ,
ПОЛИКЛИНИКЕ
И СКЛИФЕ**

**ДВА РОМАНА
В ОДНОЙ
КНИГЕ**

+
приемный
покой

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Доктор Данилов в реанимации,
поликлинике и Склифе (сборник)**

«Автор»

2011

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в реанимации, поликлинике и Склифе (сборник) /
А. Л. Шляхов — «Автор», 2011 — (Доктор Данилов)

ISBN 978-5-271-40248-7

Мытарства доктора Данилова продолжают... На этот раз перед главным героем открывается закулисы обычной районной поликлиники. Медицина по-русски покажет вам свое истинное лицо. Вымогательство врачей, подпольные махинации, фальшивые больничные и... круговая порука. То, о чем и не подозревают пациенты! Склиф – это не институт и не больница. Это особый мир. Доктору Данилову «посчастливилось» устроиться на работу в место, которое называют и «Кузницей здоровья», и «Фабрикой смерти, и «Главной помойкой Минздрава». Некоторые говорят, что Склиф – это нечно среднее между бойней и церковью. Сколько можно продержаться в главном институте Скорой помощи, Данилов не знал, тем более после одного страшного случая. В книгу вошел новый рассказ Андрея Шляхова «Эпидемия». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-271-40248-7

© Шляхов А. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

ДОКТОР ДАНИЛОВ В ПОЛИКЛИНИКЕ, ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	45
Глава шестая	51
Глава седьмая	58
Глава восьмая	68
Глава девятая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в реанимации, поликлинике и Склифе

ДОКТОР ДАНИЛОВ В ПОЛИКЛИНИКЕ, ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!

*«Нет у нас обязанности, которую бы мы так недооценивали, как
обязанность быть счастливым».*

Роберт Льюис Стивенсон

Глава первая НОВОЕ ПОПРИЩЕ

– Мне очень интересно – каким образом инвалид войны, умерший в прошлом году, смог пройти диспансеризацию в году текущем? Причем не у одного врача, а у нескольких! Как это объяснить? Он воскрес? На диспансеризацию приходил его призрак? Или же вы просто сляпали эту диспансеризацию ради показателей и нагрузки? А знакомы ли вы со сто пятьдесят девятой статьей уголовного кодекса, в которой говорится о мошенничестве? Учтите, что мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, наказывается строже!

Главный врач обладал довольно невзрачной внешностью, но в гневе смотрелся грозно. Кустистые брови, являвшиеся единственной растительностью на голове, были сдвинуты, а глаза метали молнии. Настоящий полковник, то есть, если уж точно – подполковник запаса. И фамилия у него была подходящая – Загеройский.

– Что самое удивительное – ваша халтура прошла через компьютер, потому что по базе наш инвалид войны тоже числился живым!

– А может, он на самом деле жив? – не очень уверенно, но довольно громко предположил курносый блондин в мятом халате.

– Он мертв, Родион Иванович, мертвее не бывает! Скончался восьмого сентября прошлого года в госпитале для ветеранов и был похоронен на Николо-Архангельском кладбище.

– Вы были на его могиле, Антон Владимирович? – удивился блондин.

– При чем здесь могила?! – окончательно рассердился главный врач. – Давайте не будем превращать общеполитическую конференцию в балаган! О том, где похоронен Егоров, мне сказала его дочь.

– Вот так люди и палятся, – послышалось за спиной Данилова. – Думаешь, что он жив, диспансеризируешь его, а он, оказывается уже коня двинул...

– Максим Павлович! Если вам есть что сказать в свое оправдание, то скажите так, чтобы все слышали! – потребовал главный врач. – И выходите сюда, не прячьтесь.

Вальяжный мужчина с несколько брюзгливым выражением на красивом лице вышел вперед. «Такому бы в кино аристократов играть, а не по участку бегать», – подумал Данилов. Он повернулся лицом к залу, огладил рукой свою припорошенную сединой шевелюру и сказал:

– Ведь специально уточнял – не помер ли? Вышло, что жив. А на диспансеризацию не приходит. Это же нехорошо – и начальство расстроится, – Максим Павлович оглянулся на

главного врача, – и проверяющие прицепиться могут. Я взял карту и провел... хм... диспансеризацию. Причем честно – ни единого рецепта не выписал...

– Это-то меня и насторожило, Максим Павлович, – перебил главный врач. – У нас все льготники только и бегают ко мне жаловаться, что им мало лекарств выписывают, а тут такое потрясающее бескорыстие. Терапевт назначает лечение и пишет: «От выписки рецептов отказался, сообщил, что имеет дома большой запас назначенных лекарств». Невропатолог и уролог пишут то же самое. Ну как тут не удивиться? Ой, думаю, интересная карта мне в руки попала, надо позвонить товарищу Егорову, узнать – не закончился ли его запас. Я и позвонил.

– Кто ж знал? – Максим Павлович развел руками. – Больше никогда не буду так делать. Заявление в страховую компанию насчет ошибочно поданных данных я написал.

– Вы должны написать заявления на мое имя! Все, кто проводил эту, с позволения сказать, «диспансеризацию», пишут заявления на мое имя, а уже мы с главным бухгалтером будем обращаться в страховую компанию! Через полчаса после окончания конференции все заявления должны лежать у меня на столе! Больше напоминать не стану – кто не успеет сегодня, будет иметь дело со следователем! И скажите мне спасибо, что я обратил внимание на эту паленую карту! Ведь рано или поздно ваш обман раскрылся бы. Надеюсь, что все вы понимаете, насколько легко притянуть врача к ответу при подаче сведений об обслуживании покойника. Не надо ничего доказывать – бери да тащи на скамью подсудимых! Кому-то хочется посидеть на скамье подсудимых? Романтика в одном месте играет?

– Антон Владимирович, можно мне сесть? – спросил Максим Павлович.

– Садитесь, – разрешил Загеройский.

Сам же он, напротив, поднялся и принялся расхаживать перед столом, за которым продолжали сидеть две его заместительницы – по медицинской части и по клинично-экспертной работе. Обе они были женщинами за сорок, только заместитель по медицинской части поражала пышностью форм и обилием ярких красок на лице, а заместитель по КЭР, напротив, была тощей и совсем не пользовалась косметикой.

– И что мне теперь со всеми вами делать? – вслух размышлял главврач. – Даже лаборатория поучаствовала – в карте есть бланки с анализами крови и мочи, сданными уже посмертно. Не знаю... Спустить на тормозах не могу, а сурово карать рука не поднимается...

Загеройский, насколько было известно Данилову, ушел в отставку пять лет назад, однако армейскую привычку расхаживать перед строем и изображать «слугу – царю, отца – солдатам» сохранил.

– На первый раз все причастные получают по выговору без занесения, – объявил главный, останавливаясь и обводя подчиненных начальственным взором. – Если повторится...

– Двуликий Янус, блин, – прошептал кто-то из женщин, сидевших в последнем ряду. – Как будто не сам заставляет план «гнать»...

– Но за счет живых, Оксан, а не мертвых, – возразила ей соседка.

– Все по уму надо делать, – добавила третья. – Но если хочешь премию, то без липовых статталонов не обойтись.

– А теперь – о хорошем! – объявил главный врач. – С сегодняшнего дня у нас снова есть физиотерапевт – Владимир Александрович Данилов! Прошу любить и не жаловаться!

Данилов встал, повернулся налево, повернулся направо и уселся обратно.

– Красавчик, – оценил женский голос.

– Владимир Александрович – врач со стажем, – продолжил главный врач. – Работал на «скорой», потом был анестезиологом, а теперь решил переквалифицироваться в физиотерапевты.

– Оно и верно, – одобрил бородач в очках. – Физиотерапевтом куда спокойнее!

– Спокойнее всего – медицинским статистиком, – ответил Данилов.

Коллеги восприняли его ответ как шутку и дружно рассмеялись.

– А как будет работать наш новый физиотерапевт? – спросила полная женщина с круглым, похожим на блин лицом.

– Мы еще окончательно не определились, – ответил главный. – Но разумеется, принимать он будет только по направлениям от лечащих врачей. Пока по живой очереди и без талонов. Если нагрузка будет очень большой – введем талончики. Разумеется, прошу учитывать, что вас, дорогие мои, много, а физиотерапевт у нас один. Так что, не наклейте и не пытайтесь с первого дня сесть человеку на шею!

– Мы будем беречь доктора, Антон Владимирович! – крикнул с места кто-то из женщин. – Не волнуйтесь, от нас он не сбежит!

– Оставить разговорчики! – совсем по-уставному гаркнул Загеройский.

– Можно мне, Антон Владимирович? – спросила заместитель по КЭР, вставая и опираясь руками на стол, словно приготовившись к прыжку.

– Конечно, Татьяна Алексеевна!

– Я хотела бы поздравить Владимира Александровича с началом работы в нашей поликлинике и пожелать ему всяческих успехов...

Данилов поблагодарил кивком.

– Вам повезло! Вам посчастливилось попасть в поликлинику, славную своими традициями и своими кадрами...

– Татьяна Алексеевна! – главный врач выразительно посмотрел на висевшие над дверью часы.

Татьяна Алексеевна тут же умолкла и села.

– Теперь снова поговорим о плохом, – известил главный врач. – К сожалению, разбор жалоб, причем жалоб, «спущенных» из департамента, уже стал еженедельной традицией. Ни для кого не секрет, что сейчас зима. Люди ходят в зимней одежде и в зимней обуви...

– Опять кто-то плохо ноги вытер или куртку не снял? – спросил очкастый бородач. – И из-за этого в департамент писать? Ну народ...

– Народ пишет туда, куда ему вздумается, и никто не может этого запретить! Помните об этом! Любое ваше небрежение чревато жалобами. Сейчас этот процесс максимально упростился – даже на конверт тратиться не надо. Зашел на сайт департамента и прямо там нажаловался. Правда, вот, жалоба, о которой идет речь, написана по старинке на бумаге...

– Конечно, на бумаге, на чем же еще?! – высокая женщина лет тридцати вскочила на ноги и потрянула рыжей шевелюрой. – У этого алкоголика Туркина не то что компьютера, у него и радиоприемника нет! Да, я не отрицаю – прошла к нему в комнату прямо в куртке и бахилы не надела! Так оно и было! Но почему? Да потому что куртку повесить было некуда, а на полу творился такой «армагеддон», что бахилы мне были ни к чему! Я порвала бы их сразу, ведь у Туркина весь пол усыпан битым стеклом и рыбьими костями! И он еще смеет жаловаться на то, что я не разделась? Вот гад!

– Не только не разделась, Светлана Владиславовна, но и обругали больного «грязной свиньей», «алкашом» и «глистой поганой», – напомнил главный врач. – Да еще при свидетелях.

– Свидетеля я вначале приняла за кучу мусора, – улыбнулась рыжеволосая Светлана Владиславовна, – Этот Туркин сам начал! Я его спрашиваю: «Зачем вызвал?», а он мне: «Давно секса не было!»

– Прямо так и сказал?! – ахнули сразу несколько человек.

– Да, прямо так, – подтвердила Светлана Владиславовна, – и еще руки распускал.

– Нет, везет же Светке! – громко восхитилась дама, очень похожая на актрису Нонну Мордюкову. – А мне вот не разу на вызове секс не предлагали. Так вся молодость пройдет не за хрен собачий...

Зал так и покотился со смеху. Не смеялся только Загеройский и обе его заместительницы.

– А Туркин дождется – я на него заявление об изнасиловании подам! – пообещала Светлана Владиславовна.

– Так он изнасиловал или только предложил? – спросил бородач.

– Кончай балаган! – заместитель по медицинской части громко стукнула ладню оп столу. – Еще одна шуточка, Борис Сергеевич, и я больше не буду ломать голову над тем, кого ставить дежурным на первое января.

– Молчу-молчу, Надежда Семеновна, – для надежности бородач зажал себе рот обеими ладонями сразу.

«Бой-баба! – подумал Данилов. – Конь с яйцами!»

– Надька нормальная тетка, – словно прочитав его мысли, сказал сосед. – Это она только с виду такая. А на деле – душевная и всегда в положение войдет, если не наглеть. Главная сукозмея...

– Кто, простите? – переспросил Данилов.

У соседа были замечательные голубые глаза – большие и яркие, и не менее замечательные густые усы пшеничного цвета.

– Сукозмея, – повторил он. – Помесь гадюки с шавкой. Так вот, главная сукозмея – это Пахомцева, зам по КЭР. Она прикидывается праведницей, но все дерьмо в поликлинике – ее розлива. Да, пора познакомиться, – сосед протянул Данилову ладонь, – Игорь Сергеич, уролог.

– Владимир.

Рука у Игоря Сергеича была словно отлитой из стали.

– Двукратный чемпион Минеральных Вод по армрестлингу! – с гордостью сказал уролог, скрещивая руки на груди. – Как мы с вами будем общаться – на «ты» или на «вы»?

– На «ты», разумеется, – ответил Данилов. – Так проще.

Укоризненный взгляд главного врача прервал беседу...

На выходе из зала Данилова поджидала секретарша главного по совместительству ведавшая кадрами.

– Владимир Александрович, мне нужен ваш диплом или его нотариально заверенная копия.

– Зачем? – удивился Данилов. – Разве при устройстве мы не соблюли все формальности?

– У вас нет личной печати. Я закажу вам печать.

– А нужна ли мне печать? – еще больше удивился Данилов. – Физиотерапевты же, насколько я понимаю, не выписывают рецептов?

– Случается, что и выписывают, – строго сказала секретарь. – Потом не исключено, что в эпидемию вас снимут с приема и бросят на участок, а там без печати никак.

– Буду надеяться, что сия планида меня минует, Юлия Павловна, но диплом вам завтра принесу.

– Не минует, не надейтесь. Как грянет гром – так всех гонят в поле, – Юлия Павловна покачала хорошенькой головкой, повернулась и пошла к себе, в приемную.

Данилов немного полюбовался ее точеной фигурой, а затем спустился по лестнице на второй этаж, где находилась отныне подведомственная ему физиотерапия. Владения эти были довольно велики – кабинет для приема пациентов, «четырёхместный» кабинет электросветолечения (токи, электрофорез, магнитотерапия, ультрафиолетовое и инфракрасное излучение), трёхместный кабинет теплолечения (озокерит, грязевые аппликации), водолечебница – две ванны и душ Шарко, крошечный кабинет лечебного массажа и небольшая комната, гордо именуемая залом для занятий лечебной физкультурой. Из инвентаря в зале были только обручи и мячи.

Всем этим хозяйством заведовали две медсестры – Оксана и Лиза. Москвичка Оксана работала в поликлинике уже седьмой год и поэтому считалась старшей. Лизу, два года назад приехавшую в Москву на заработки из Торжка, подчиненное положение вполне устраивало.

Пока в поликлинике не было физиотерапевта, больных направляли к «соседям», а Оксане и Лизе, чтобы не бездельничали, главная медсестра Светлана Георгиевна постоянно поручала все новую и новую работу, «дыры затыкала». Быть «затычкой» очень тяжело – сегодня сидишь в регистратуре, завтра едешь на вечерние уколы, послезавтра сидишь на приеме с гинекологом, а потом неделю топаешь по участкам, чтобы снова вернуться в регистратуру. Обе медсестры так обрадовались приходу «своего» доктора, что угостили его чаем с пирожными. Данилов проникся – нахваливал пирожные, вдыхал аромат чая и расточал комплименты дамам. Обе они были очень симпатичными. Оксана – этакое «налитое яблочко» в чисто русском стиле, а Лиза – изящная, слегка томная брюнетка. Обеим – чуть за тридцать, обе не замужем.

– Вы, Владимир Александрович, пожалуйста, имейте в виду наши потребности, – Оксана игриво огладила себя по груди четвертого размера. – Холостым мужчинам побольше сеансов назначайте, ладно?

– Ладно, – благодушно согласился Данилов. – А разве за пределами поликлиники подходящего мужика не найти?

– Какое там! – хором ответили медсестры, скептически переглядываясь друг с другом.

– На улице нынче знакомиться не принято, а в клубах одни придурки! – скривилась Оксана. – В Интернете – одни маньяки!

– А в театры поодиночке только импотенты ходят! – добавила Лиза.

– Расклад мне ясен, – кивнул Данилов. – Можете не сомневаться – все кандидаты в женихи будут получать физиотерапии по максимуму. Только на свадьбу не забудьте пригласить!

– Непременно! – заверили медсестры, млея лишь от одного только слова «свадьба».

Данилов был рад тому, что сразу установил хорошие отношения с подчиненными. Отношениями с начальством он никогда особо не заморачивался, руководствуясь принципом: «как сложится, так и выйдет», но вот подчиненные – совсем другое дело. С ними надо ладить, считал Данилов, тогда работа не только спорится, но и оставляет приятное впечатление. Без лишнего панибратства, конечно, но и без всей этой чванной строгости: «я начальник – ты дурак» и «упал – отжался».

Данилов открыл дверь своего кабинета. Внутри было тихо и пусто. Оксана и Лиза еще не вернулись с конференции – явно побежали в курилку, в дальнем углу подвала и официально вовсе не существовала. Подразумевалось, что в медицинском учреждении курение неуместно. Существовали на этот счет и запрещающие приказы, но курилки они словно и не касались. Приказы – приказами, а подымить-пообщаться – это святое. Тем более что курилка находилась под высочайшим покровительством начальства – дважды в день – около десяти часов и примерно в половине третьего там можно было застать главную медсестру поликлиники с сигаретой в руках. Заботясь о своем здоровье, она курила только самый что ни на есть легкий «Парламент».

Едва Данилов сел за свой стол, намереваясь осмыслить впечатления от первого рабочего дня, как дверь приоткрылась, впуская в кабинет того самого курносого блондина, который задавал вопросы главврачу.

– Вы позволите? – церемонно спросил тот, останавливаясь на пороге.

– Пожалуйста! – Данилов привстал и указал рукой на стул, предназначавшийся для пациентов.

– Спасибо, – блондин сел, поерзал немного и, найдя стул подходящим, откинулся на спинку, одновременно закинув ногу на ногу. – Значит, работать у нас будете?

– Буду, – подтвердил Данилов. – Вернее – уже начал.

– Это хорошо, – неторопливо кивнул гость. – А нож у вас есть?

Данилов не сразу нашел, что и ответить. Принюхался, но запаха спиртного от блондина не уловил. Зрочки гостя были абсолютно нормальными.

- Есть. Дома есть ножи.
- Дома у всех есть, – снова кивнул гость. – Надо чтобы и здесь был.
- Зачем?
- Колбасу резать и сыр. Это мужская обязанность на праздниках, причем принято приходить со своим ножом. А если нож плохо наточен, то нарезка выходит неаккуратной. Магазиновую нарезку мы не покупаем, она вся из просроченных продуктов. А вы покупаете нарезку?
- Иногда, – виновато улыбнулся Данилов.
- Никогда больше так не делайте, – посоветовал гость. – А штопор у вас есть?
- Завтра же будет! – пообещал Данилов. – И нож тоже.
- И стакан, – напомнил гость. – Или чашка. С посудой у нас туго. Понтырщик Башкирцев пьет из серебряной рюмки, доставшейся ему в наследство от прадеда, Межевова предпочитает небьющуюся алюминиевую кружку, а вы из чего любите пить?
- Из чашки.
- И крепкие напитки тоже?
- Я не пью крепких напитков, – ответил Данилов. – Совершенно утратил к ним вкус.
- А я, признаться, так и не приобрел этого вкуса. Но не жалею – зеленый чай нравится мне больше всего. Вы любите зеленый чай?
- Люблю.
- Он очень полезен, а с учетом моих обстоятельств – так вдвойне.
- А какие у вас обстоятельства? – с каждой минутой гость забавлял Данилова все больше и больше. – Если не секрет.
- Какой там секрет! – гость замахал руками, словно испугавшись самого этого слова. – Дело в том, что я местный рентгенолог и зеленый чай нужен мне для того, чтобы бороться с пагубными последствиями радиации.
- Что – так серьезно? – поистине сегодня Данилов только и делал, что удивлялся. – Мне всегда казалось, что облучиться больше рискуют рентгентехники, а не рентгенологи.
- Так-то оно так, – гость печально вздохнул. – Но и нам остается. Точнее – достается. Например – во время скопий.
- А средства защиты?
- Средства защиты весьма условны. Какой смысл надевать фартук, если он сам фонит? И нехило фонит. Кстати – меня зовут Родион.
- Очень приятно, Владимир, – представился Данилов.
- Рукопожатия не последовало, никто не захотел лезть к собеседнику с ладонью наперевес. Повисла пауза.
- А почему вы тогда работаете в рентгенологии? – поинтересовался Данилов.
- Тому есть много причин, – тоном былинного сказителя поведал Родион. – Во-первых, укороченный день и надбавки. Во-вторых, я не люблю слушать жалобы и принимать меры, а рентгенологу выслушивать жалобы и заниматься лечением не приходится. В-третьих. Мне нравится видеть, что у людей внутри. Это повышает мою самооценку.
- Последняя причина, должно быть, самая главная? – предположил Данилов.
- Естественно, – улыбнулся гость, именно поэтому я и назвал ее последней. – Кстати, Фантомас с вами насчет коррекции нагрузки уже беседовал? Тет-а-тет?
- Данилову не составило труда догадаться, что Фантомасом сотрудники прозвали совершенно лысого главного врача. А вот термин «коррекция нагрузки» слегка озадачивал.
- Что за коррекция?
- То, о чем только что говорили на конференции. Чтобы поликлиника не бедствовала, нагрузка должна быть соответствующей. Ну, а если она не соответствует, то приходится ее «натягивать». Вот Фантомас каждого и просит об этом. Проявите, мол, сознательность, дорогой доктор, помогите родной поликлинике, да и себя премией обеспечьте. Та же система отка-

тов, наш национальный вид спорта. Какая-то часть... забыл это прикольное слово... а! вот – какая-то часть привлеченных средств возвращается к вам в виде премии.

– Мы только что познакомились, а вы уже рассказали мне страшную тайну, – улыбнулся Данилов.

– Да бросьте вы! Тайну нашли. Это все знают и все так делают – приписывают себе нагрузку. Только, разумеется, не за счет покойников, а за счет живых. Да, вот еще что – эти живые не должны в день встречи с вами находиться в стационаре. При такой накладке спалиться, как два пальца о... осмотреть. Лучше всего собирать у докторов карты тех, кто сегодня был на приеме и добавлять туда свои записи. Короче говоря – по-любому привязывать свою запись к дате реального посещения пациентом нашей поликлиники. Это так просто.

– Учту, – пообещал Данилов. – Хотя и не уверен, что мне захочется ловчить с нагрузкой.

– А кому хочется? – Родион почесал подбородок. – Никому не хочется, но все так делают. Сегодняшний концерт в расчет не берите – у Фантомаса попросту не было другого выхода. Оставить все как было он не мог – рано или поздно обман бы раскрылся и в первую очередь попало бы ему. А так все нормально – выявил, разобрал, наказал, исправил. Никаких негативных последствий. И вдобавок поучил подчиненных уму-разуму – сначала убедись, что твой пациент жив, а потом уж его «обслуживай». Владимир, а вы женаты?

– Да, женат.

– Счастливы?

– Да.

– Не врете?

– Нет, не вру, – Данилов, которому непосредственность нового знакомого нравилась все больше и больше, еле сдерживал смех.

– Тогда я спокоен за вас. Вы не попадете под губительные чары одной местной русалки, – рентгенолог опустил ногу и медленно поднялся. – Я вам завидую.

«Забавный такой кадр», – подумал Данилов.

– А могу ли я узнать имя русалки? – спросил Данилов.

– Вы с ней только что беседовали. Это Юлия Павловна, секретарь главного врача.

«Уж не ревность ли привела тебя сюда?» – подумал Данилов.

– Очень красивая, очень умная и совершенно безжалостная женщина, – снова вздохнул Родион. – Меня гонит, других не привечает. Говорит, что обожает одиночество. Но ведь одиночество нельзя любить долго, вы согласны?

– Согласен – нельзя, – Данилов подумал, что, когда гость стоит, сидеть не очень вежливо и тоже встал.

– Заходите ко мне, – пригласил Родион, обернувшись от двери. – У меня всегда есть что обсудить. И кофе найдется. Достойный.

– У меня тоже есть кофе! – спохватился Данилов, осознав, что в роли хозяина он был не очень-то гостеприимным. – И тоже достойный.

– Значит, мы будем дружить домами, – улыбнулся Родион. – Вы, кажется, хороший человек, во всяком случае лицо у вас располагающее к общению. Здесь уролог тоже хороший человек, но он часто выпивает и тогда злится на всех, начинает считать обиды, строить планы мести. Тяжело слушать этот бред, но еще тяжелее наблюдать за тем, как человек спивается...

– К вам можно? – в дверь заглянула пожилая женщина. – Я по направлению!

– Можно, – ответил Данилов.

– Рад был познакомиться, – сказал Родион и, не дожидаясь ответа, вышел.

– Я была у невропатолога, а она сказала, что у нас, слава те, Господи, теперь есть физиотерапевт, и дала мне направление на магнитную терапию, потому что я ее делала еще в Кисловодске в восемьдесят шестом году, когда был Советский Союз и никаким бизнесом и не пахло...

– Минуточку, – Данилов прервал словоохотливую пациентку, не желая выслушивать ее биографию, совмещенную с новейшей историей России. – Присядьте, пожалуйста, и дайте мне карту и направление.

– Вот, пожалуйста, доктор. Скажите, а у вас брат на «скорой помощи» не работает?

– Нет, – улыбнулся Данилов, пытаясь вспомнить, при каких обстоятельствах они могли встречаться раньше, но так и не вспомнил.

– А то похожи, как две капли воды, ко мне «скорая» часто ездит, потому что я вся насквозь больная. А как мне не болеть, доктор, если вся моя жизнь – одни сплошные несчастья? Сорок лет проработала на одном заводе...

– Нельзя долго работать на одном месте, – сказал Данилов. – Это существенно обедняет жизнь.

Пока озадаченная пациентка осмысливала услышанное, Данилов успел бегло просмотреть карту, по толщине не уступавшую телефонному справочнику и составить впечатление. Магнитотерапия так магнитотерапия. Низкочастотная. По двадцать минут каждый день аж целых три недели с перерывом на субботу и воскресенье. С почином вас, Владимир Александрович!

В самом конце рабочего дня Данилова решил навестить Игорь Сергеич, уролог.

– Я все жду, когда меня позовут, а у вас еще конь не валялся? – Покрасневшее лицо и характерный запах недвусмысленно свидетельствовали о том, что он уже изрядно навеселе.

– Куда позовут? – не понял Данилов.

– Как куда? Или по новым правилам проставляться не положено? Или ты ничего, кроме молока, не пьешь?

– Почему же – пью. Воду, чай, кофе. Иногда даже квас.

– Кодировался? – сочувственно спросил уролог.

Данилов порадовался тому, что в кабинете не было посторонних. Только Оксана сидела напротив Данилова (столы врача и медсестры по обыкновению стояли встык друг против друга) и приводила в порядок журнал инструктажа по технике безопасности.

– Нет, просто не употребляю алкоголь.

– А с виду – вроде нормальный мужик! – уролог покачал головой и, спохватившись, добавил: – Извини, я ничего такого в виду не имел.

– Все нормально, – заверил Данилов.

– Игорь Сергеевич сегодня явно заночует в кабинете, – сказала Оксана, когда уролог ушел.

– Быстро он, однако, набрался, – заметил Данилов.

– Имейте в виду, доктор, когда приходят проверки, Игоря Сергеевича обычно прячут в водолечебнице.

Оксана потянулась еще раз, и сделала это столь упоительно, что ее халат, казалось, вот-вот разойдется по швам. Увы, старалась она напрасно – Данилова куда больше заинтересовали ее слова.

– Кто прячет? – спросил он. – Зачем?

– Ну, чтобы не попался на глаза в пьяном виде, – Оксана закончила «гимнастику» и села в позу «примерная ученица» – прямая спина, ровно сложенные на столе руки, преданный взгляд устремлен на преподавателя, роль которого отводилась Данилову. – А приводит его кто-то из замов или Светлана Георгиевна, главная сестра. Водолечебницей ведь сроду никто не интересуется.

– Интересное кино...

– Это еще не кино, – покачала головой Оксана. – У меня сестра двоюродная в КВД работает, в отделении медосмотров, вот у них там недавно было кино. Рассказать?

– Конечно, раз начала, – улыбнулся Данилов.

– У них там вечные очереди, сами понимаете. Народ еще до восьми у входа топчется. И вот однажды в кабинет к доктору, с которым моя сестра работает, входит молодой человек в белом халате со стопкой медицинских книжек и каких-то бланков в руках.

«Анна Ивановна просила, чтобы это у вас полежало до ее прихода, – говорит молодой человек. – Она через полчаса будет». Анна Ивановна – это зам. главврача диспансера, между нами – та еще ведьма, поэтому и врач, и моя сестра и не стали спрашивать, зачем эти книжки-справки ей понадобились. В начальственные дела, сами знаете, лучше не лезть, особенно если своих собственных хватает. Короче – работают они себе, и вдруг народ начинает то и дело без спросу заглядывать в кабинет и многозначительно так поглядывать на доктора. Некоторые даже подмигивают, а самые наглые интересуются, долго ли им еще ждать.

Врач, разумеется, советует всем дожидаться своей очереди и в кабинет не ломиться. Слово за слово и разгорается скандал... так что бы вы думали? Оказывается, что этот парень в незадолго до появления в кабинете врача, прошелся вдоль очереди, тихонечко предлагая народу сделать дело без очереди и даже без осмотра. Триста рублей – и ты свободен! Представляете – многие клюнули.

– А чего бы им не клюнуть – он же был в белом халате. Свой в доску, сотрудник. Да и сумма небольшая – три сотни. Собрал он, значит, деньги и медицинские книжки, на виду у всех зашел в кабинет, почти сразу же вышел из него с пустыми руками и исчез навсегда...

– И много народу он облапошил? – поинтересовался Данилов.

– Сестра сказала – человек тридцать, не меньше. А то и сорок.

– Отличная афера, – оценил Данилов. – Тысяч десять–двенадцать за каких-то полчаса, и риска никакого. Никто же не побежит заявлять в милицию из-за трехсот рублей. Поорут себе в коридоре и успокоятся.

– Так и было, доктор, – подтвердила Оксана. – Поорали и разошлись. Пора бы и нам по домам...

На втором этаже было почти пусто – окулист и эндокринолог уже закончили прием, а невропатолог Маняка уехал «на адреса», то есть – к надомным пациентам. Небольшая очередь роилась около кабинета оториноларинголога Межевой.

– Ухогорлонос быстро принимает? – волновался розовощекий мужчина в кожаных брюках и свитере нежно-голубого цвета.

– Быстро, быстро, – успокаивали его «постоянные клиенты». – Здесь, как на конвейере – раз-два и готово!

Межевова и впрямь принимала быстро, тратя на каждого пациента в среднем по три–пять минут. Заглядывала «во все положенные отверстия», быстро диктовала сестре, что выписать, черкала на листочке рекомендации и отдавала их пациенту. Так куда быстрее, чем объяснять одно и то же по сто раз, попусту теряя время.

На первом этаже набирал обороты скандал – сотрудница регистратуры в течение полчаса не могла найти амбулаторную карту старика, чей пиджак был увешан медалями так плотно, что звенел при малейшем движении.

– Я обегал все кабинеты, был у старшей сестры и у заведующей... Нигде нет моей карты!

– И у меня ее нет! Я перерыла даже соседние участки! Ищите дома!

– Что значит – дома?! У меня нет привычки держать карту дома!

– Может, вы ее в другом месте забыли, а нас обвиняете!

– Где же я мог, по вашему, забыть карту?! В магазине?!

– В психдиспансере!

– На что вы намекаете?!

– Ни на что я не намекаю! Вы спросили, где вы могли забыть карту – я вам подсказываю...

– Почему вы хамите?! Я пойду к главному врачу!

– Скатертью дорога! Номер кабинета подсказать?!

- Подскажите лучше вашу фамилию!
- Федоткина моя фамилия!
- Очень хорошо! – шумно отдуваясь, старик направился к лифту.

Лет десять назад Данилов бы подумал нечто вроде: «Двадцать первый век на пороге, а тут карты, регистратура... Как будто нельзя компьютерную базу пациентов завести, а карты вообще упразднить». Сейчас же он просто оценил состояние старика, нашел его вполне удовлетворительным и вышел на улицу, про себя удивляясь тому, почему нельзя было тихо и мирно завести дубликат взамен утерянной карты. Мы не ищем легких путей...

Глава вторая

НЕСОВПАДЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ

Идею подал Никита. Недаром сведущие люди утверждают, что истина глаголет устами младенцев. Младенцем Никиту можно было назвать с большой натяжкой – хорош младенец, совсем немного отстающий в росте от Данилова! – но тем не менее Никита был самым младшим участником вечернего чаепития.

На чай он не обращал никакого внимания, методично расправляясь с купленными Даниловым пирожными.

– Тебе плохо не станет? – поинтересовалась Елена, когда на блюде остался лежать единственный эклер.

– Нет! – без тени смущения заявил ненасытный отрок и даже имел наглость уличить мать в прижимистости: – Что ты жадничаешь, там же еще одна коробка есть!

– Я не жадничаю, но всему должна быть мера...

– Вот моя мера – еще две штучки из новой коробки и все!

– В шестом классе я съел на спор двадцать примерно таких вот пирожных, – сказал Данилов, выкладывая на блюдо сладости из второй коробки. – В буфете кинотеатра «Ташкент» перед сеансом.

– На что спорили? – деловито поинтересовался Никита.

– Не помню уже, на какую-то мелочь... Но вот на сладкое потом с полгода смотреть не мог.

– А я тоже могу съесть двадцать штук! – оживился Никита. – Даже двадцать пять. Никто не хочет поспорить?

– Кто б сомневался? – фыркнула Елена. – Ты и тридцать схочмячишь, не моргнешь.

– Растущий организм требует белков и калорий!

– Как бы у растущего организма не было гипергликемической комы! – вздохнула Елена.

– Ты больше одного пирожного не съешь, – вмешался Данилов. – Я съем парочку, не больше. На столе лежит целых пять. Так зачем портить человеку удовольствие?

– Значит, можно съесть еще два?

– Конечно! – разрешил Данилов. – Если будет мало, я, так уж и быть, дам тебе разок откусить от своего...

– Мы когда в детстве давали кому-нибудь откусить, надо было обязательно придерживать шоколадку пальцами, – вспомнила Елена, – а то были в классе крокодилы, которые за раз могли от шоколадки две трети откусить.

– Тяжелое у тебя было детство, – посочувствовал Никита, – одну шоколадку впятером ели. И мобильных у вас не было, и компьютеров...

– Что-то я не пойму – ты сочувствуешь или издеваешься? – Елена притворно нахмурилась.

– Я просто констатирую факт, – ответил Никита. – Сочувствовать нет смысла – ведь теперь у вас все это есть, а издеваться над родной матерью себе дороже.

– Это верно, – согласился Данилов. – Ты на удивление рассудителен.

– Что есть, то есть, – согласился скромный мальчик. – Недаром столько сладкого ем, глюкоза – она для мозгов очень полезна...

Данилов с Еленой рассмеялись.

– И нечего смеяться, – обиделся Никита. – Сами похвалят, а потом смеются. Я действительно хорошо соображаю. Вот, если бы я стал врачом, то я бы не работал ни на «скорой», ни в морге. Я бы занялся иглоукалыванием!

Никита не раз «примерял на себя» то одну, то другую медицинскую специальность, находя в каждой из них какую-то особую прелесть, поэтому Данилов сразу же спросил:

– Почему именно иглоукальванием?

– Потому что это востребовано, прибыльно и клиенты ведут себя хорошо – не хамят и не качают права.

– Насчет востребовано и прибыльно более менее ясно, но объясни, почему клиенты не хамят? – сказал Данилов. – Хамство, насколько мне известно, иглоукальванием не лечится.

– Лечится! Еще как лечится! Каждый клиент понимает, что не стоит злить врача. А то он выберет иголку потолще и подлиннее и как засадит ее в самую болезненную точку!

– Слушай, а это мысль! – одобрила Елена. – Не насчет иголок, конечно, а насчет физиотерапии вообще.

– Ну-у, если только допустить, что...

– Смотри. Работаешь с относительно компенсированными пациентами, это раз.

Елена подняла правую руку и загнула мизинец:

– Работа интересная, вдумчивая. Много методов, много возможностей. Это два. Никакой грязи, кроме лечебной. Это три. Нет ночных дежурств, это четыре. Работать можно где угодно, что с учетом твоего характера очень ценно. Это четыре.

– У меня такой скверный характер? – искренне удивился Данилов.

– Тебе неведомо понятие «идти на уступки», Вова. Каждый такой случай ты воспринимаешь как сделку с совестью и предательство идеалов. Скажу тебе, как администратор со стажем – ты очень неудобный сотрудник. Мина замедленного действия.

– Зато как член семьи – вполне на уровне! – вступился за Данилова Никита.

– Респект тебе за поддержку, – поблагодарил Данилов и обратился к Елене: – И ты считаешь, что это серьезная специальность?

– Это очень серьезная специальность! – Елена загнула последний, большой палец, выдержала паузу и опустила руку. – Оглянись по сторонам – скольким людям помогло правильно подобранное физиотерапевтическое лечение!

– Тебе помогало? – серьезно, без тени улыбки, спросил Данилов у Никиты.

– Если подзатыльники относятся к физиотерапевтическому лечению, то не очень, – так же серьезно ответил Никита. – Можно сказать – совсем не помогало.

– Я говорю серьезно, – по тону чувствовалось, что Елена слегка обиделась. – Можешь согласиться, можешь не согласиться, но издеваться не надо.

– Извини, Лен, я просто пошутил. Хотя, черт его знает, а вдруг...

– Учти, на всякий случай и то, что тебе не придется идти в ординатуру для того, чтобы стать физиотерапевтом. Будет достаточно трехмесячных курсов.

– Это большое преимущество, – согласился Данилов, буквально на днях оставивший ординатуру по патологической анатомии и не имевший никакого желания начинать всю эту двухлетнюю бодягу по новой. – Я подумаю...

Думать начал прямо в тот же вечер. Чтобы лучше думалось – вооружился руководством, сохранившимся у Елены еще со студенческих времен. Полистал, прочитал выборочно несколько абзацев и нашел, что в принципе это не самый плохой вариант. Прислушался к себе и понял, что Елена права – ему действительно хочется спокойной, не грязной и, при всем том, «умной» работы. Неправильно думают те, кто воспринимает врачей-физиотерапевтов в качестве диспетчеров, тупо назначающих то или иное количество процедур или манипуляций, рекомендованных лечащим врачом. Это в корне неверное представление. Врач-физиотерапевт знакомится с пациентом и его диагнозом, определяет показания и противопоказания для применения того или иного вида лечения, при необходимости вносит коррективы по ходу процесса, то есть – как и положено врачу, проводит лечение.

Через два дня Данилов снова вернулся к мысли о физиотерапии и на этот раз нашел ее если не превосходной, то вполне подходящей. Он снова взвесил все «за» и «против» и отложил окончательное принятие решения на следующий день. Сколько можно менять специальности как перчатки? Пора бы и остановиться на какой-то одной.

Стоило только Данилову сказать Елене, что он не прочь заняться физиотерапией, как та выдала ему план действий.

– Начинать следует с поликлиники, – сказала она. – С обычной городской поликлиники.

– Почему? – удивился Данилов. – А если мне хочется начать с НИИ травматологии и ортопедии?

– В НИИ травматологии и ортопедии с тобой никто не станет связываться. Там привыкли брать на работу готовых физиотерапевтов, да еще с опытом работы по специальности. А вот в поликлиниках с физиотерапевтами туговато. Да руку набить там проще, никто не будет стоять над душой и тыкать носом в собственные ошибки. Там же, кроме тебя, никто в физиотерапии разбираться не будет. А в институте – целое отделение с заведующим и более опытными коллегами...

– Ты права, – согласился Данилов.

Это только несведущие люди думают, что более опытные врачи просто спят и видят, как бы передать свой опыт врачам начинающим. В жизни же чаще всего бывает наоборот – опытные специалисты находят особое, изощренное, можно сказать, удовольствие в том, чтобы лишний раз, как выразилась Елена, тыкать новичков носом в их собственные ошибки, подобно тому, как тычут носом в лужу щенят и котят – знай, мол, свое место, салага. Данилов прекрасно понимал, что с его характером лучше набираться опыта в менее «академических» местах, но – городская поликлиника? А впрочем, почему бы и нет? Была же когда-то мысль о переходе со «скорой» на участок...

Запрыгал Данилов долго, но ездил быстро. Всего неделя ушла на поиски нового места. Вдобавок ко всему, это место оказалось удобно расположено – пятнадцать минут на одном автобусе, затем пересадка и пятнадцать минут на другом. По московским меркам – не то чтобы рядом с домом, а просто рукой подать.

– В заявлении пишите «с тридцать первого августа», – велел главный врач.

– Да я, в принципе, могу выйти хоть завтра, – ответил Данилов.

– А что я с вами буду делать больше месяца? – удивился главный врач. – А так – тридцать первого устройтесь, а первого на учебу пойдете. Путевку мы подготовим. А там уже вернетесь готовым специалистом и приступите к работе.

Хозяин – барин. Оставшееся летнее время Данилов, к радости Елены, посвятил косметическому ремонту квартиры. Побелил потемневшие потолки, поклеил везде новые обои, раскидал по нужным местам несколько розеток, избавившись от вечно мешавшихся под ногами проводов удлинителей. Заодно купил досок и, припомнив навыки, полученные на уроках труда, соорудил в комнате Никиты удобный и емкий стеллаж во всю стену. Порядка от этого у Никиты больше не стало, но Елену столярные навыки Данилова весьма впечатлили. Она сразу же потребовала сделать в спальне две полки, соединенные между собой перекладиной в виде английской буквы «зет», и расставила на них низкие глиняные горшки с какими-то неведомыми Данилову растениями. В перерывах Данилову удалось сдать квартиру матери. Жильцы – он, она и их семилетняя дочь – приехали в Москву из Мелитополя. Глава семьи был совладельцем автосервиса и мог позволить себе жить вольготно, снимая не комнату в коммуналке, а двухкомнатную квартиру с обстановкой. Он без звука дал задаток в размере месячной арендной платы и заверил Данилова в том, что будет поддерживать порядок и в том, что с ними «вообще проблем не будет». Данилов поверил – квартирант выглядел человеком, не бросающим слов на ветер. Короче говоря, располагал к доверию и общению. На предложение подписать договор квартирант ответил:

– Давайте не будем разводить бюрократию. Если не доверяете, лучше поищите других арендаторов.

Данилов не стал настаивать. По большому счету бумажка ничего не решает. Заплатил – живи, не заплатил – катись. Прихватил с собой микроволновку или телевизор – грех на твоей совести. Бежать по такому поводу с заявлением в милицию – только людей смешить...

* * *

На второй день работы Данилов, сам того не желая, нажил себе врагов. Сразу двух – участкового врача Коканову и заведующую женской консультацией Шишову.

Коканова направила к Данилову мужчину с диагнозом остеохондроза поясничного отдела позвоночника. Пациента беспокоили упорные боли в области поясницы, отдававшие книзу. Данилову предстояло решить вопрос о возможности проведения сеансов электроанальгезии, когда на область пораженных нервных корешков воздействуют током.

Данилов оглядел мужчину, одетого словно с чужого плеча, прочел на обложке карты его имя-отчество и спросил:

– В весе давно теряете, Михаил Евгеньевич?

– Да последние месяцы и теряю. Аппетит пропал. Ну, не хочу есть и все тут! Более двадцати килограммов потерял и сам не заметил как.

– А тошнота и рвота есть?

– Иногда, – поморщился Михаил Евгеньевич. – Но это уже таблетки виноваты. Я же их не пью, а просто жру пачками. А взять хотя бы тот же индометацин, так он для желудка...

– Раздевайтесь, я вас осмотрю, – предложил Данилов, вставая из-за стола.

– Зачем? – попробовал было возразить пациент. – Светлана Владиславовна меня только что осматривала.

– Я быстро, – пообещал Данилов.

Пациент нехотя разделся и дал себя осмотреть.

– Одевайтесь.

Данилов не увидел в карте записи невропатолога.

– А у невропатолога вы консультировались, Михаил Евгеньевич?

– Нет, все никак попасть не мог, – развел руками пациент. – Туда же не пробьешься просто так. А потом Светлана Владиславовна сказала, что мой случай простой, и невропатолог здесь нужен просто для галочки. Я и забил на консультацию, нельзя же каждый день с работы отпрашиваться.

Место работы и должность на карте исправлялось столько раз, что Данилову ничего разобрать не удалось.

– Кем работаете? – спросил он.

– Техником-смотрителем.

Данилов в задумчивости полистал карту и сказал:

– Подождите, пожалуйста, в коридоре. Карта пусть останется у меня.

– А что такое? – заволновался пациент. – Что-то не в порядке, а, доктор?

– Надо уточнить пару вопросов и все же проконсультироваться у невропатолога, – сказал Данилов, не желая раньше времени вдаваться в подробности.

Когда пациент вышел, Данилов нашел в списке, лежавшем под стеклом на его столе, телефон кабинета, в котором принимала Коканова, и снял трубку.

– Светлана Владиславовна? Доктор Данилов беспокоит, ваш новый физиотерапевт. Я по поводу Гераскина. Ваш диагноз остеохондроза вызвал у меня некоторые сомнения...

– С каких это пор свежее испеченные физиотерапевты сомневаются в диагнозах, поставленных врачами, проработавшими на участке более семи лет?! – огрызнулась Коканова.

– Мой врачебный стаж не меньше вашего, – Данилову все стало ясно, за свою врачебную практику он не раз убеждался в том, что стажем хвастаются только дураки; чем еще дураку хвастаться? – И мои сомнения вполне обоснованны...

– Не смешите меня! У меня полный коридор народу! – Коканова бросила трубку.

– Светочка у нас с норовом, – сказала Оксана, наводившая порядок в ящиках своего стола. – Особенно, когда с мужем поцапается. А цапаются они каждый день. Зато после, – Оксана закатила глаза кверху, – так страстно любят друг друга! До полнейшего изнеможения!

– Оксана, давайте договоримся о том, что вы не будете впредь рассказывать мне подобные пикантные подробности. Они меня совсем не интересуют.

– Как скажете, Владимир Александрович, – поспешно согласилась Оксана. – Я просто подумала – как же это здорово, когда тебя любят до полного изнеможения, так, что и пальцем пошевелить сил нет...

– Погодите, будет и на вашей улице праздник! – обнадежил Данилов, водя глазами по списку в поисках телефона невропатолога.

Невропатолог по фамилии Маняка, в отличие от Кокановой, оказался человеком вменяемым.

– Я сам сейчас к вам подойду, – сказал он, внимательно выслушав Данилова. – А то вашего Гераскина у дверей моего кабинета очередь разорвет.

И не обманул – явился через три минуты, быстро, но толково осмотрел пациента, задал ему несколько вопросов и написал в его карте, что данных за остеохондроз нет. Посоветовал сделать рентген поясничного отдела позвоночника и обследоваться у терапевта на предмет исключения онкологии.

– Спасибо, Олег Петрович, – поблагодарил Данилов доброго невропатолога и повел пациента к заведующей вторым терапевтическим отделением Ткаченко. Не к Кокановой же, в конце концов, его было вести. Еще пошлет матом от самых дверей – неловко перед пациентом будет.

Ткаченко, довольно суровая на вид, оказалась с понятием. Выслушала Данилова, расспросила и осмотрела пациента, почитала записи в его карте, а потом поблагодарила Данилова за бдительность и сообразительность. Окончательно сбитого с толку Михаила Евгеньевича оставила у себя в кабинете, сказав:

– Я вам сейчас выпишу направления на обследования...

В коридоре Данилов нос к носу столкнулся с Кокановой. Буквально – нос к носу, потому что роста они были одинакового.

– Что, уже успели Татьяне Ивановне наябедничать? – прошипела она, сверкая глазами.

Если бы не гримаса гнева, исказившая ее лицо, то Коканову можно было бы назвать симпатичной.

– Потрудитесь сменить тон, – ответил Данилов. – Я убил почти час на исправление вашей ошибки и не собираюсь выслушивать ваши упреки.

– Ошибок у меня не бывает! Запомните это, доктор.

– А как еще можно назвать длительное лечение рака прямой кишки под видом остеохондроза? – спросил Данилов.

Разговаривали они тихо, почти шепотом, чтобы не привлекать внимания посторонних, которых в коридоре хватало.

– Вы так за полчаса взяли и установили диагноз? – усмехнулась Коканова. – Может, и у онколога проконсультировали, скоропалительный вы наш?

– Я за это время показал пациента невропатологу и заведующей отделением, недалекая вы моя, – в тон ей ответил Данилов. – И оба они согласились, что не остеохондроз является причиной боли у Гераскина. Извините, мне некогда, да и у вас, кажется, очередь?

– Вскочка! – бросила вслед Коканова.

Ему очень захотелось обернуться и сказать на весь коридор пару ласковых, но Данилов сдержался. «Что она делала семь лет на участке? – подумал Данилов. – Ворон ловила?»

Тут он ошибся. Все семь, а точнее семь с половиной лет работы в качестве участкового врача ум доктора Кокановой был занят одной-единственной мыслью – как бы извлечь из своего не слишком завидного положения как можно больше выгод.

Выгоды могли быть самыми разнообразными – деньги, подарки, секс с приглянувшимся пациентом, заведение полезных связей. Жила Коканова легко, оттого и к пациентам своим относилась столь же легко – считая себя всесторонне грамотным врачом, выставляла любые диагнозы и под них уже подгоняла симптомы. Так было проще, к тому же возиться имело смысл лишь с теми, кто мог быть благодарным или полезным, от всех остальных следовало поскорее отделяться.

– Медицина, как настольный теннис, – любила повторять Коканова. – Перебросили мне шарик – я его отбиваю на фиг. И так до тех пор, пока кто-то не стукнет ракеткой посильнее и шарик не придет конец.

В поликлинике Коканову не любили.

– Светка такая же дура, как и Овечкина, – заметил непосредственный рентгенолог Сабуров. – Только Овечкина добрая дура, а Светка вздорная и колючая. Вечно всем недовольна, вечно бухтит, вечно ей все должны.

Правда, когда Сабурову после выпитого хотелось поразвлечься, он приглашал к себе не добрую и флегматичную Овечкину, которой пошел уже шестой десяток, а более молодую и куда более темпераментную Коканову. Отпускал пораньше свою медсестру Людочку, запирали дверь и вел свою «Свету-конфету» в смежную с кабинетом смотровую, где, смотря по настроению, или заваливал ее на кушетку, или усаживал в кресло. За одним наслаждением всегда следовало другое – совместный перекур прямо здесь, в смотровой, после чего Коканова уходила, если не счастливой, то довольной.

Получив у заведующей очередную нахлобучку по поводу мнимого остеохондроза, Коканова возненавидела Данилова всей душой и жаждала мести. Для начала она пообещала себе, что будет отправлять на физиотерапию только самых скандальных и кляузных пациентов. Пусть этот выскочка узнает, почему фунт лиха! О, он еще узнает, он узнает, как зарабатывать себе дешевый авторитет на чужих промахах!

Вернувшись в кабинет, Данилов сразу же услышал:

– Ну, как там дела, Владимир Александрович?

Оксана закончила наводить порядок в столе и теперь сидела, подперев щеку рукой и отчаянно скучала без пациентов.

– Нормально, – ответил Данилов, не желавший вдаваться в подробности. – Пообщался с заведующей, она меня поняла.

– Трудно ей с Кокановой, у той что ни день – не понос, так золотуха. То больничный вызовет подозрения, то на прием опоздает, да не на пять минут, а на полтора часа, то с больными поскандалит... не доктор, а наказание.

– У каждого свой крест, – заметил Данилов, усаживаясь на свое место.

В дверь постучали.

– Входите! – крикнула Оксана.

– Здравствуйте, меня к вам направила Полина Викентьевна, – пациентка выглядела ухоженной и была не только хорошо, но и со вкусом одета. – У меня хроническое воспаление придатков, и она посоветовала мне магнитные импульсы...

– Присаживайтесь, – Данилов указал рукой на свободный стул. – Можно вашу карту?

– Вот, пожалуйста, – пациентка достала из объемистой сумки карту и протянула ее Данилову. – Полина Викентьевна сказала, что курс обычно состоит из десяти пятнадцатиминутных процедур...

– Да, она права, – Данилов раскрыл карту. – Расскажите, какие сопутствующие заболевания у вас есть?

– Да ровным счетом никаких, доктор, – отмахнулась пациентка. – Вы лучше скажите – можно ли будет вместо десяти пятнадцатиминутных сеансов получить пять получасовых? А то я в следующий четверг улетаю на Кипр.

– Можно провести пять обычных пятнадцатиминутных сеансов, – ответил Данилов. – Вряд ли целесообразно увеличивать вдвое время сеанса.

– Но так будет больше пользы! – горячо возразила женщина.

– Не уверен, – Данилов покачал головой. – Лучше давать импульсы столько, сколько положено. В конце концов сроки взяты не с потолка!

– А я настаиваю...

– Бесплезно, Екатерина Андреевна, – Данилов положил карту на стол. – Поймите меня правильно – я не вредничаю, я просто следую древнейшей заповеди «не навреди».

– А мне кажется, что вы вредничаете! – пациентка схватила карту, не глядя сунула ее в сумку и встала. – В последний раз спрашиваю – вы удовлетворите мою просьбу?

– Нет, – для того чтобы подчеркнуть окончательность и незыблемость своего решения, Данилов покачал головой.

– Тогда мы с вами встретимся в другом месте! – сверкнула глазами посетительница и ушла, гордо и многозначительно-угрожающе выстукивая каблуками нечто вроде: «по-го-ди! по-го-ди!».

– Если так пойдет и дальше, то вы к концу дня перессоритесь со всей поликлиникой, – сказала Оксана.

– Не надо каркать, – попросил Данилов. – Что я могу поделать, если у вас принято делать все не так, как надо?

– Приспосабливаться к обстановке.

– А если не хочется приспосабливаться? Если не вижу смысла?

– Тогда готовьтесь к проблемам.

Вскоре зазвонил «внутренний» телефонный аппарат. Он был единственным – «городских» в кабинетах не полагалось. «Городские» телефоны были только у начальства.

– Сто процентов – Шишова по вашу душу, – предрекла Оксана.

– Данилов слушает!

– Доктор, что вы себе позволяете?! – завизжала трубка. – Вы хоть знаете, кого вы оскорбили?!

– Сегодня я еще никого не успел оскорбить, – спокойно ответил Данилов. – Простите, а с кем я разговариваю?

– Это Шишова, зав. женской консультацией! У вас только что была Ильинская, которой я рекомендовала магнитотерапию!

– Была!

– И вы ее грубо прогнали!

– Не грубо и не прогонял. Просто попытался объяснить, что увеличение времени экспозиции вдвое не пойдет ей на пользу.

– Объяснили, называется! – Шишова еще больше повысила голос. – Вы у нас человек новый и многого не знаете! Я требую, чтобы вы немедленно пришли ко мне, извинились бы перед Ларисой Юлиевной и назначили ей все, как она хочет!

– Вы бредите? – поинтересовался Данилов.

– Вы и меня оскорбили! – констатировала Шишова и отсоединилась.

– Детский сад! – Данилов бросил трубку на место. – И это только второй день работы! Мать, мать и еще раз мать!

– Привыкайте, доктор, привыкайте, – посоветовала Оксана. – Правда, к такой скандальной бабе, как Шишова, нужен особый подход.

– Особый подход врач должен порой искать к пациенту, но не к своим коллегам, – поправил Данилов.

– А если нервы сдают? – улыбнулась Оксана.

– У меня тоже есть нервы, – сказал куда-то в пространство Данилов, не глядя на Оксану. – Только я стараюсь забывать об этом на работе.

– Сейчас к нам Пахомцева прибежит! – пообещала Оксана.

Она ошиблась – заместитель главного врача по КЭР не соизволила почтить строптивного физиотерапевта своим визитом. Пахомцева позвонила по телефону и пригласила Данилова к себе, попросив прийти побыстрее.

При появлении Данилова Пахомцева под каким-то благовидным предлогом услали из кабинета сестру, предложила Данилову сесть и начала:

– Владимир Александрович, вы у нас человек новый, и уже успели так прославиться.

– Чем именно?

– Своим упрямством и своей грубостью. Ну что вам стоило назначить ей эту несчастную магнитотерапию? Ну полежала бы она там полчаса вместо пятнадцати минут, и что? Мир бы перевернулся? Солнце упало бы на Землю?

– Для заместителя главного врача вы, Татьяна Алексеевна, рассуждаете как-то странно, – ответил Данилов. – У каждой физиопроцедуры есть свои показания и противопоказания, есть регламентированное время... Если мы начнем...

– Если мы начнем со скандалов, то мы очень быстро закончим, Владимир Александрович! У нас в поликлинике принято считаться с мнением коллег!

– Что-то по поведению Шишовой я этого не заметил, – съязвил Данилов.

– Речь не о Полине Викентьевне, а о вас. Кто дал вам право грубить и оскорблять? Вы хоть знаете, кто такая Ильинская? Она журналист газеты... Впрочем, подробности неважны, важно ваше поведение.

– То есть, Татьяна Алексеевна, я должен был пойти на поводу у пациентки и назначить ей все, как она хотела? – изумился Данилов. – Удивительно!

– Ничего удивительного, Владимир Александрович! Вы так упираетесь, будто речь идет о двойной дозе дигоксина! Что такое эта магнитотерапия? Так – вспомогательная процедура. И потом, магнитные волны – это же не радиация! Вы понимаете ход моих мыслей?

– Начинаю понимать, – честно признался Данилов. – Странно только, что при таком положении вещей вам нужен в поликлинике физиотерапевт? Ведь каждый вправе назначать что ему заблагорассудится и как ему заблагорассудится. В чем тогда моя роль?

– Вот вы и выдали себя, Владимир Александрович! – лукаво улыбнулась Пахомцева. – Вам хочется постоянно подчеркивать собственную значимость, чувствовать себя в центре внимания, примерять на себя мантию благодетеля...

«И эта бредит! – с тоской подумал Данилов, – Эпидемия тут у них, что ли?»

Пахомцева говорила долго, то и дело теряя нить повествования.

Из ее речи Данилов выяснил, что он мелкое самодовольное ничтожество, осложняющее жизнь коллегам. Впрочем, Пахомцева использовала более мягкие определения, но суть ее слов сводилась именно к этому. И еще она несколько раз повторила словосочетание «несовпадение взглядов». Данилову постоянно приходилось сдерживаться – то его так и подмывало рассмеяться, то высказаться нецензурно. Оба варианта были неприемлемы.

– Я не призываю вас исправиться прямо сейчас! – пафосно закончила свою речь Пахомцева. – Я призываю вас задуматься, а к выводам вы придете сами.

– Это точно, – согласился Данилов. – Если задуматься, то выводы непременно появятся.

– Вы в бога веруете? – прищурилась Пахомцева. – В церковь ходите?

– В бога, наверное, верю, – после небольшой паузы ответил Данилов. – А в церкви почти не бываю.

– Вот! – Пахомцева погрозила ему пальцем. – Это вас нечистая сила вводит в искушение. Она же и в храм вас не пускает! Хотите, я вам духовника порекомендую?

– Спасибо, не надо, – отказался Данилов.

– Идите работать, – махнула рукой Пахомцева.

Круглое лицо в сочетании с круглыми глазами и маленьким носиком делали ее похожей на сову. Только сов принято считать умными. . .

«Ладно, ничего страшного, – подумал Данилов. – Привыкнут они ко мне, куда денутся».

К его огромной радости пациентка Ильинская не ждала его ни у дверей кабинета, ни в самом кабинете. Должно быть, она отправилась в какой-нибудь медицинский центр. Оно и к лучшему. Баба с возу – всем радость.

Данилов успел принять еще несколько пациентов, всякий раз ожидая нового скандала. Но видимо, там, наверху, сочли, что на сегодня с Данилова хватит.

Вечером позвонил Полянский.

– Как жизнь? – поинтересовался он. – Блаженствуешь?

– Не то слово, – ответил Данилов. – Не жизнь, а просто праздник какой-то! Боюсь, как бы не свихнуться от счастья.

– Что, так все плохо? – обеспокоился приятель.

– Нет, пока просто прикольно, – ответил Данилов и вкратце рассказал о скандалах сегодняшнего дня.

– Да все нормально, – подвел итог Полянский. – Ты, как и положено новичку, самоуверждаешься, а старая гвардия тебя обламывает. Такова жизнь.

– А у тебя что нового? – спросил Данилов.

– Есть кое-что, – многозначительно произнес Полянский. – Начинаю подумывать о женитьбе.

– А не рано ли? – в шутку усомнился Данилов. – Не очень ли ты торопишься с женитьбой в свои неполные сорок? И кто она, твоя несчастная избранница? Очередная студентка-аспирантка?

– Нет, она врач-стоматолог.

– Ты познакомился с ней на приеме? – продолжал ерничать Данилов. – Она, навалившись плечом на бормашину, сверлила тебе зуб, а ты в этот момент испытал оргазм и понял, что влюбился.

– Мы познакомились с ней на выставке американского плаката первой половины двадцатого века.

– Господи, Игорь, по каким значным местам ты шляешься. . . – ахнул Данилов. – Могу я узнать – возле какого именно плаката вы познакомились?

– Я уже и не помню. Мне, честно признаться, выставка не очень понравилась. Но зато я познакомился там с Мариной. . .

– А ей выставка понравилась?

– Тоже не особо.

– Все ясно, Игорь. Вам было скучно, вот вы и нашли друг друга! Когда ты меня познакомишь со своей Мариной?

– Ну, как-нибудь. . . Новый год же скоро, вот на Новый год и. . .

– Не затягивай, – строго сказал Данилов. – Знакомство со стоматологом для меня очень ценно, особенно если это девушка моего лучшего друга, что означает скидки, а то и бесплатное обслуживание.

– Я-то думал, что ты хочешь разделить мою радость, – вздохнул в трубку Полянский. – А ты. . .

– Конечно, хочу! – заверил его Данилов. – Разделять радость – это мое любимое занятие. Давай в эту субботу куда-нибудь сходим вчетвером.

– На эти выходные мы уезжаем в Ярославль.

– Ты с ума сошел! Что можно делать зимой в Ярославле?

– Ходить по заснеженным улицам и разговаривать. Разве этого мало?

– Мне все ясно, Игорь. Начинаю откладывать деньги на свадебный подарок.

– Думаю, что у тебя будет время для того, чтобы накопить на что-нибудь стоящее, – серьезно заметил Полянский. Данилову стало ясно, что отложить деньги на подарок и впрямь не помешает.

– Полянский собирается жениться, – сказал Данилов Елене, как только она вернулась домой с работы. – Пора бы и нам решиться на этот ответственный шаг.

– Что за манера – делать предложение так вот мимоходом, даже не дав своей избраннице снять дубленку и сапоги? – шутливо возмутилась Елена.

– Вас понял.

Данилов помог Елене раздеться, а пока она мыла руки, схватил в комнате горшок с цветком и замер в коридоре. Как только Елена вышла из ванной, Данилов опустился перед ней на одно колено и, протянув горшок, сказал:

– Лена, будь моей женой!

Елена взяла горшок и сказала:

– Я согласна! Накорми меня ужином и веди под венец.

– Давай завтра же подадим заявление, – предложил Данилов. – У меня прием с одиннадцати, а в загсе есть знакомая. Так что если даже будет очередь...

– То нам она не помеха, – закончила Елена. – Только давай выберем другой день. Завтра в десять я должна быть у Гучкова.

– Что-то случилось?

– Не случилось, но скоро случится. Я стану директором региона.

Подстанции московской «Скорой помощи» объединены в несколько региональных зон, управляемых директорами. Директор одновременно заведует одной из подстанций своего региона.

– Нашего?

– Пока неизвестно. Думаю, что завтра утром я все узнаю.

– Тогда мы должны пожениться как можно скорее, – сказал Данилов, – пока ты окончательно не загордилась и не решила, что я тебе не пара.

Глава третья

ПРИВИВКИ И ХОЛЕРА

Заветная тайна доктора Назарова была раскрыта случайно. С наступлением зимы в поликлинике началась очередная кампания противогриппозных прививок. Каждый участковый врач в определенный день вместо приема пациентов обходил с медсестрой организации, расположенные на своей территории, и предлагал всем желающим сделать прививку. Народ прививался слабо, считая, что без прививки грипп еще может пройти стороной, а уж если привиться, то точно заболеешь. Врачи особо не настаивали, ведь прививки – дело добровольное. Хочешь – закапаем тебе в нос вакцину, не хочешь – распишись в отказе.

В продовольственном магазинчике, принадлежавшем азербайджанцу по имени Нариман, доктора Голованову с медсестрой Юлей встретили крайне недружелюбно.

– Что за дела? – возмутился Нариман. – Разве есть такой закон, чтобы каждую нэдэлю приходиться?!

– Мы не с проверкой, а с прививкой от гриппа, – попыталась объяснить Голованова, думая, что Нариман не так ее понял. – Прививки, понимаете?

– Я все прэкрасно понэмаю! У мэнэ диплом университета! Я знаю, что такое прэвивки!

– Если у вас диплом университета, то и ведите себя культурно! – возмутилась Голованова. – Нечего на нас орать, я сама на кого хочешь наорать могу! Объясните толком, в чем дело...

Нариман рассказал, что к нему неделю назад приходил доктор из поликлиники. Доктор был суров и непреклонен.

– Я говорю – нэ надо нам прэвивки! Нам и бэз них хорошо, выручка от прививки больше не станет, да! А он говорит: «Нэ будешь дэлать, будешь иметь дело с санэпидстанция». Очень мэнэ надо имэть дело с санэпидстанция! У меня и так все в порядке!

Голованова проводила взглядом стаю тараканов, неспешно пересекавших коридор в метре от них, и невольно улыбнулась.

– Это с улицы заходят, – перехватив ее взгляд, объяснил Нариман. – Кругом грязь, только дверь откроешь – сразу лэзут, да?

– Вы давайте дальше про прививки, – попросила Голованова. – Тараканы – это не наша компетенция.

– И нэ моя тоже! – на всякий случай сказал Нариман. – Дальше что? Дальше доктор говорит: «Давай вызывай нэработающую смену, им тоже прэвивки надо». Я говорю: «Люди дома отдыхают, как их можно бэспокоить». А доктор не такой, как вы, ханум, ничего нэ слушает. Или всем прэвивки, или пойдет письмо в санэпидстанцию, и на следующей неделе чтобы я проверку ждал. Я говорю: «Давай по-хорошему», а он мне отвечает: «По-хорошему» это сколько?» Что делать, э? Немножко оказал ему уважение, все как полагается, он довольный ушел, улыбался. Думаю, все – пронесло. А сегодня смотрю – вы приходите. Опять прививки. Вы меня поймите правильно, я против того, чтобы ко мне две такие красивые женщины ходили, ничего не имею. Даже радуюсь. Но эти прививки у меня вот где сидят, – Нариман постучал ребром ладони по своей толстой шее. – При таком раскладе мне лучше один раз проверку из санэпидстанция встретить, чем постоянно вашу поликлинику подогревать. Это же бэспредел получается!

– Наверное, к вам какой-то аферист приходил, – предположила Голованова. – Прививки – дело добровольное. Не хотите делать, распишитесь, что мы предлагали, а вы отказались и живите спокойно. По этому поводу мы никаких писем никуда не отправляем.

– Какой аферист! – возмутился Нариман. – Я что, вчера родился, чтобы аферистам деньги просто так давать. Настоящий доктор приходил, я его в поликлинике видел, когда к урологу ходил. На третьем этаже он сидит, рядом с туалетом кабинет.

– С мужским туалетом или с женским? – уточнила Голованова.

– С мужским. Я как раз туда заходил, а доктор у дверей стоял.

– А как он выглядел?

– Пожилой уже, brunet, очки такие солидные с толстыми стеклами...

– Назаров, – узнала Юля.

– Назаров, – подтвердила Голованова. – А доктор один был или с медсестрой?

– Один.

В соседней парикмахерской повторилась почти та же самая история. И здесь успел побывать доктор Назаров. Причем получил с хозяйки не только деньгами, но и натурой – попросил подстричь его, разумеется, бесплатно.

– Ну, Назаров, ну, прохиндей! – возмутилась Голованова. – Как только додумался до такого?

– В тихом омуте черти водятся, – заметила Юля.

Следствие, проведенное Головановой, установило, что Назаров добросовестно окучил все мелкие объекты на ее участке, проигнорировав только стоматологическую клинику.

– А чего ему здесь ловить? – сказала Юля. – Здесь эти понты с обязательными прививками и письмом в санэпидстанцию не прокатят, народ грамотный, права свои знает. Еще и в поликлинику нажалуются.

– Я сама нажалуюсь, – пообещала Голованова. – Тоже мне – деятель. Нет, Юль, я все понимаю – хочешь подкалымить, подойди ко мне и предложи вместо нас выйти на прививки по нашему участку. Мы бы сейчас свои дела делали бы, а он свои, то есть наши. Это было бы справедливо. И плевать бы я хотела на то, с кого он что получит. Мне своих денег хватает. Но действовать вот так, за моей спиной, чтобы я потом ходила и выслушивала все эти вопли... Нет, за такое надо наказывать!

– Карать, Любовь Петровна! – поправила Юля.

– Да, верно, – согласилась Голованова. – Карать! Нет, но кто бы мог подумать...

Доктор Назаров, одинокий и оттого весь какой-то неприкаянный и неухоженный, работал в поликлинике пятый год. Администрация была им довольна – толковый, на работе не пьет, не отказывается от беготни по чужому участку, если возникает такая необходимость, пациентам не хамит. С коллегами Назаров почти не общался, в празднествах и отменах не участвовал. Пришел – отработал – ушел. Ходили слухи, что он кодировался и оттого предпочитает избегать соблазнов.

Голованова не поленилась вернуться с участка в поликлинику (новость была слишком хороша для того, чтобы дожидаться завтрашнего дня) и рассказать все заместителю главного врача по медицинской части Литвиновой.

На следующее утро доктор Назаров был вызван в кабинет главного врача, где верхушка администрации (главврач и оба заместителя) устроили ему перекрестный допрос с пристрастием. Не выдержав давления, Назаров «раскололся» и рассказал, что «внеплановую прививочную деятельность» практиковал уже три года. Вначале действовал на своем участке, затем потихоньку стал окучивать и чужие. Поначалу действовал осторожно – ходил на «левые» прививки (от самых разных заболеваний, начиная со столбняка и кончая бруцеллезом) лишь в промежутках между официальными прививочными кампаниями. В этом же году Назаров совсем потерял совесть и, совершенно закономерно, пострадал из-за своей наглости.

– Вы вот так приходили и говорили, что пришли делать прививку от бруцеллеза, и люди вам верили? – всплеснула руками Пахомцева. – От бруцеллеза же прививают только животных!

– Это мы с вами знаем, Татьяна Алексеевна, – скромно улыбнулся Назаров. – Я еще и от лихорадки Цуцугамуши прививать ходил. Какая разница? Все равно ведь никто не прививается. Все откупаются, потому что боятся заболеть от прививки...

– Как вам вообще пришла в голову такая мысль, Дмитрий Ефимович? – спросил главный врач.

– Совершенно случайно, Антон Владимирович, – Назаров явно надеялся откровенностью заслужить прощение. – Пришел я как-то на прививки в магазин, а мне там за то, чтобы я их, значит, не беспокоил, предложили колбаски копченой, брынзы и даже... э-э-э... литровую бутылку водки не пожалели. Я обрадовался, а пока домой в автобусе ехал, подумал – эх, почаше бы так. Ну и придумал всю эту затею.

– Она вам дорого обойдется, эта ваша затея, – нахмурилась заместитель по медицинской работе. – Очень дорого. Как минимум...

– Разрешите мне сказать, Надежда Семеновна, – перебил главный врач. – Дмитрий Ефимович, возьмите у секретаря бланк и напишите заявление об увольнении по собственному желанию сегодняшним числом. Затем собирайте вещи, возвращайтесь сюда за трудовой книжкой, и чтобы через час и духа вашего не было в поликлинике! Надежда Семеновна, распорядитесь, чтобы восьмой участок разделили между другими врачами.

– Хорошо, Антон Владимирович, сейчас распоряджусь...

Около полудня Надежда Семеновна появилась в кабинете главного врача и сказала:

– Вся поликлиника просто гудит, как улей, Антон Владимирович. И все, в том числе и я, восхищаются вашей добротой. Дать этому проходимцу возможность уйти по собственному желанию – это настоящий христианский поступок!

– Какая тут доброта, – усмехнулся Загеройский. – Скорее инстинкт самосохранения. Придай мы этому делу официальную огласку, так получили бы по шеям заодно с Назаровым.

– Да, конечно, – согласилась Литвинова. – Несколько лет у нас под носом творилось такое, а мы ни сном, ни духом. Спасибо Головановой.

– Я думаю, что в премию мы учтем ей это, – пообещал главный. – И попросите заведующих отделениями лучше следить за тем, что творится на участках. Чего доброго, участковые аборт на дому начнут делать, а мы с вами ничего и знать не будем.

– Насчет аборт не знаю, Антон Владимирович, но вот то, что в двести тридцать пятой поликлинике два участковых врача наркотиками торговали, это факт. Позавчера обоих арестованы.

– У Анны Федоровны доктора торговали наркотой? – удивился главный врач. – Откуда такая информация?

– От самой Анны Федоровны. Только что разговаривали.

– А что за врачи?

– Один из Рязани, а другой москвич. Никто не мог подумать, что они промышляют наркотиками.

– А про Назарова мы могли подумать? В душу ни к кому не заглянешь. Анна Федоровна переживает?

– Да нет, не особо. Они же не в поликлинике товар брали, а где-то на стороне. Правда, отделение сразу без двух врачей осталось, да еще зимой...

До Данилова история с Назаровым дошла в несколько искаженном виде.

– Один из наших докторов ходил по магазинам и представлялся сотрудником потребнадзора, – рассказала Лиза. – Проверял медкнижки, интересовался прививками, совал свой нос во все углы и без хорошей взятки не уходил.

– Интересный способ. И что теперь ему грозит, этому мнимому инспектору?

– Уволился он сегодня.

– Разумное решение, – одобрил Данилов и начал прием.

Если первые два пациента (пенсионерка с бронхиальной астмой и молодой человек с травмой голеностопного сустава) выглядели совершенно обычными, то о третьей посетительнице сказать этого было нельзя.

Молодая женщина, которой на вид нельзя было дать больше тридцати лет, вошла в кабинет, не спрашивая разрешения, уселась на стул, приставленный сбоку к столу Данилова, положила на край стола свою сумочку и заявила:

– Я очень плохо себя чувствую, а кругом такие очереди... Я увидела, что у вас никого нет, и решила обратиться к вам.

– Очень хорошо, – сказал Данилов. – Можно вашу карту?

– Я не смогла дождаться своей очереди в регистратуре, доктор. Там столько народу...

Выглядела посетительница на все сто – прямо хоть женись. Свежее лицо, которому тонкий, едва заметный макияж придавал выразительности, естественный цвет кожи, спокойная речь, размеренное, нисколько не учащенное дыхание, обычные зрачки. Данилов принял, но кроме приятного запаха духов, ничего не уловил.

«Сумасшедшая? – подумал он. – Вроде как не похожа...»

– Что же вас беспокоит? – спросил он.

– Слабость, рвота, расстройство стула, – так же спокойно ответила женщина. – Ах, да – еще небольшая температура. Не выше тридцати семи и пяти...

– Давно?

– Два дня уже. Как прилетела из Индии, так и началось... И все хуже да хуже... Ах, еле дошла до поликлиники.

– Какие еще жалобы?

– Больше никаких, доктор.

– Хроническими заболеваниями страдаете?

– Нет, не страдаю.

– Живете по нашему району?

– Да, Рязанский проспект дом двадцать, корпус один, квартира сорок.

– Лиза, запишите, пожалуйста, – попросил Данилов.

– Фамилия, имя, отчество, год рождения? – выпалила Лиза, пододвигая к себе чистый лист бумаги.

– Джуринская Инга Аркадьевна, семьдесят четвертый год рождения.

– Дата?

– Второе июня...

– Раздевайтесь, пожалуйста, Инга Аркадьевна, я вас осмотрю, – Данилов встал и достал из кармана халата стетоскоп.

– Сейчас, – томно ответила женщина.

Она встала, но вместо того чтобы раздеться, подошла к раковине и склонилась над ней:

– Меня сейчас стошнит!

Тут до Данилова дошло, что он стал участником проверки, посвященной действиям медицинского персонала при обращении больного с особо опасной инфекцией.

– Потрудитесь тошнить не в раковину, а на пол, – сказал он.

– Почему? – обернулась Инга Аркадьевна.

– Чтобы не распространять ваши холерные эмбрионы по городской канализации.

– Верно, – Инга Аркадьевна уселась обратно и попросила: – Излагайте ваши дальнейшие действия.

– Закрываем кабинет, не выходим сами, не выпускаем вас и никого не впускаем. По телефону извещаем администрацию. Для рвоты и естественных отправлений предоставляем вам ведро. Собираем эпиданамнез и подробнейшим образом переписываем всех контактных...

– Спасибо, достаточно, – женщина достала из сумочки блокнот и ручку. – Ваша фамилия Данилов и вы физиотерапевт?

– Все верно.

– Пятерка вам, – улыбнулась она. – Признайтесь, коллега, поначалу приняли меня за сумасшедшую?

– Ну... было дело.

– Ладно, всего вам доброго, – проверяющая встала. – Только не трудитесь обзванивать поликлинику с предупреждениями. Ни я, ни мой напарник, который сейчас сидит у кого-то из участковых, по другим врачам не пойдем.

– Не будем, – затрясла головой Лиза, но стоило только женщине выйти, как она тут же позвонила главной медсестре.

– Светлана Георгиевна, а нас сейчас по холере проверяли... Поставили пятерку... Гвоздицкий?.. Прямо так и сказал?.. Ужас! – Лиза положила трубку и сказала Данилову: – А Гвоздицкий прокололся – выставил проверяющего из кабинета, сказав, что блевать надо в туалете. Теперь выговор получит. Ну, да ему не привыкать к выговорам.

– Такой запущенный случай? – удивился Данилов.

– Он слишком уж равнодушен к мужчинам, – улыбнулась Лиза. – За это и страдает.

– К кому он равнодушен – его личное дело, – ответил Данилов. – С каких это пор за ориентацию дают выговора?

– Гвоздицкому их дают не за ориентацию, а за излишнюю активность. У нас работал невропатолог Горобцов, тоже гей, но тот был нормальным человеком – не путал любовь с работой. Нет, если чувство возникает между двумя сотрудниками, – Лиза лукаво подмигнула Данилову, – то это нормально, как вы считаете?

– Совершенно нормально, – согласился Данилов. – Да и между врачами и пациентами – это тоже нормально. Все зависит от случая.

– Если взаимное чувство и вообще все в рамках, то – да. Но Гвоздицкий не такой. Он реально пристает к больным во время приема. Просто домогается.

– Прямо так и домогается?

– Прямо так. Всех молодых мужиков заставляет снимать штаны и устраивает им полный урологический осмотр. Я с ним как-то, пока вас не было, сидела на приеме, так не знала куда глаза деть. Придет на прием парень с трахеитом, а Михал Михалыч ему яйца пощупает, за хобот подергает и говорит: «Ого, как тебя природа наградила! Давай мы с тобой в баньку сходим, а я тебе за это больничный на неделю продлю».

– И что дальше?

– Да ничего, – Лиза пожала плечами. – Некоторые возмутились и бежали жаловаться на четвертый этаж, двое вежливо сказали, что подумают, а один хотел морду набить прямо в кабинете... Да от него то и дело мужики бегают к Пахомцевой или Литвиновой с вопросом насчет того, почему у доктора Гвоздицкого при любой болезни осмотр ограничивается одной областью – паховой. А у Гвоздицкого одна отговорка – региональные лимфоузлы пальпирую на предмет осложнений. Как же, видела я эту пальпацию регионарных лимфоузлов! Одной рукой держит, другой поглаживает и еще мне подмигивает, оцени, мол, размер. Не знаешь, куда глаза деть.

– А вы не преувеличиваете?

– Нисколечко. Можете у его медсестры Светки Давыдовской спросить. Она уже привыкла к этой порнографии...

Данилов вспомнил доктора Жгутикова, подстанционного любителя погладить и пощупать. Правда, Жгутиков интересовался только женщинами и не на приеме, а на вызовах, но в целом его поведение ничем не отличалось от поведения врача, про которого рассказывала Лиза.

– А почему его держат на работе? – удивился Данилов. – Если все так запущено?

– Так ведь желающих идти на участок немного, – скривилась Лиза. – А у Гвоздицкого других грехов нет. Не пьет, не прогуливает, больничными и рецептами не торгует. И грамотный доктор – пневмонию с панкреатитом не путает. Тут же, в нашей конторе, какой принцип? Что имеем, тому и радуемся. А к вам Гвоздицкий еще не подкатывался?

– Да мы вообще-то и не знакомы, – признался Данилов. – Я его и в лицо-то не знаю.

– Высокий, представительный, седая шевелюра, очки в тоненькой позолоченной оправе, – описала Лиза. – Его бабки часто за главного врача принимают. Главный-то наш с виду санитар санитаром... С вами не сравнить.

Лиза снова подмигнула Данилову.

«То одна соблазнительно намекает, то другая, – усмехнулся про себя Данилов. – Не поликлиника, а какой-то питомник любви, водоворот роковых страстей!»

– Наверное, Лиза, вы слишком хорошего мнения обо мне. Я ведь старый женатый зануда, не более того.

– Обожаю старых женатых зануд, – Лиза подалась вперед всем телом. – Они такие милые.

– Может, сменим тему? – грубовато предложил Данилов, чувствуя, что Лизу начало заносить.

– Как скажете, – надулась Лиза и до конца дня общалась с Даниловым только по работе.

«Да, Владимир Александрович», «Нет, Владимир Александрович», «Хорошо, Владимир Александрович». Данилова ее напускная суровость изрядно веселила.

За делами Данилов совсем забыл позвонить Елене и узнать, чем закончилась ее утренняя встреча с начальством. В итоге Елена позвонила сама:

– А я-то думала, что тебе не терпится узнать мои карьерные новости, – сказала она.

– Да тут то проверка, то еще чего... – смутился Данилов. – Короче говоря, суета сует. А у тебя есть хорошие новости? Поставили директором региона?

– Не директором, а исполняющей обязанности.

– Один черт. Прими мои поздравления. А куда?

– На Юго-запад. Прежний директор не справился, так что мне придется приводить все в порядок. И в регионе, и на подстанции.

– Справишься, какие проблемы, – утешил Данилов. – Я в тебя верю. Как будем отмечать?

– В январе, когда приказ будет подписан, – охладила его пыл Елена. – Пока что я продолжаю работать на старом месте и делать вид, что ничего не знаю. А что у тебя за проверка на первой неделе работы?

– Не поверишь – провокация по особо опасным инфекциям. Детский сад, одним словом.

– Вечером расскажешь, – Елена отключилась...

Возле кабинета окулиста в часы приема всегда было беспокойно – шумно и как-то скандално, но сегодня на вышедшего из кабинета Данилова обрушилась настоящая лавина воплей.

– Участники войны проходят без очереди!

– Беременные тоже проходят без очереди!

– А я, например, ликвидатор, так что мне теперь по головам лезть?!

– Женщина, отойдите от дверей!

– Да какая она беременная?! У нее даже живота не видать!

– Тебе справку показать, корова старая?! Из женской консультации?

– Покажи, покажи!

– Вот тебе справка!

– Хамка!

– От хамки слышу!

– Сейчас моя очередь!

Данилов набрал в грудь побольше воздуха, чтобы призвать скандалистов к порядку, но в этот момент открылась дверь кабинета окулиста.

– Мария Сергеевна просит всех заткнуться! – сообщила выглянувшая в коридор медсестра. – Иначе она прекратит прием.

Очередь моментально успокоилась.

– Спасибо за понимание, – поблагодарила медсестра и захлопнула дверь.

«Строго у них, не побалуешь», – подумал Данилов.

– Владимир Александрович, а что, вы не спешите праздновать окончание первой рабочей недели? – спросила Лиза, только что вышедшая в коридор.

– Да что там праздновать? – удивился Данилов. – Три дня всего проработал.

– Все равно! – Лена заперла дверь на ключ и обернулась к Данилову: – Это были самые спокойные ваши денечки. Со следующей недели народ попрет косяком...

– Так это хорошо, – улыбнулся Данилов. – Скучать не придется.

– Можно подумать, что сегодня нам было скучно! – фыркнула Лиза и ушла не прощаясь, давая тем самым понять, что Данилов еще не заслужил прощения или заслужил, но не полностью.

На первом этаже Данилов встретил Пахомцеву.

– Слышала про вашу холеру, – сказала она. – Спасибо, что не опозорили поликлинику, как этот разгильдяй Гвоздицкий!

– Мне поставили пятерку, ему, насколько я понимаю, двойку, так что средняя оценка по поликлинике четверка с минусом, – улыбнулся Данилов. – Можно жить!

– Администрацию не удовлетворяют четверки с минусом! – возразила Пахомцева. – Нам нужны пятерки. Вы вот человек новый и не знаете, что в прежние времена наша поликлиника считалась лучшей поликлиникой Волгоградского района! Эту высокую репутацию нельзя терять! Нельзя ронять планку!

«Интересно, а тогда тоже говорили: «Мария Сергеевна просит всех заткнуться!» или такая простота в общении персонала и пациентов возникла уже в наше время?» – подумал Данилов.

С высокой планки Пахомцева перескочила на пользу вегетарианства, но развить эту тему не успела, потому что в кармане ее халата зазвонил телефон. Данилов мысленно поблагодарил своего спасителя и поспешил уйти.

Если физиотерапия за время учебы понравилась ему окончательно, то поликлиника не понравилась с самого начала. Данилов не видел в этом ничего страшного, в последнее время он вообще ни в чем не видел страшного. Поликлинику он рассматривал всего лишь как место для накопления опыта, не более того, а опыта здесь можно было набраться неплохо.

– Какой-то неприятный у нас физиотерапевт, – сказала Пахомцева главной медсестре, когда та на своей «шкоде» подбрасывала ее до метро. – Чувствуется, что с большим гонором, а я так не люблю высокомерных людей.

– У каждого свои тараканы, Таня, – вне поликлиники Пахомцева и Баринова обращались друг к другу без церемоний – по именам и на «ты». – Мне этот Данилов нравится. Он хоть толковый и ответственный, вон вчера из второго отделения ему не до конца ясный случай направили, так он обратил внимание, проконсультировал больного у Маняки и за руку привел его к Ткаченко. А другой бы и внимания не обратил...

– Это он себя показать хочет, – скривилась Пахомцева. – Нет в нем смирения, одна гордыня. А от таких людей все проблемы.

– Мне кажется, что ты многого хочешь...

– Разве я многого хочу? До пенсии спокойно доработать да дочери хорошего мужа наконец найти?

– Сколько я себя помню, ты его все ищешь...

– Что делать, одни алкаши кругом и такие, как наш Гвоздицкий! А с Даниловым мне будет не до спокойствия... Он мне вчера уже успел свинью подложить...

– Тебе?

– Ну, не совсем мне, а Шишовой...

– А, насчет этого я в курсе. Ничего, бывает.

– Знаешь что, дорогуша?! – взвилась Пахомцева. – Такие вот «ничего» чреваты последствиями! Странно, что ты перестала это понимать! К сотрудникам мэрии надо относиться с особой предупредительностью, мало ли чего! Шепнет такая вот недовольная кому-то там на ушко – и пойдём мы с тобой на участок! Ты же помнишь, наверное, как слетел Пробойников?

Пробойников был главным врачом сто восьмой больницы, что называется – человеком на своем месте. Больница и ее главный врач были на хорошем счету в департаменте. До тех пор, пока однажды в приемном покое не оказался один из приближенных московского мэра, которого угораздило попасть в аварию прямо напротив больницы.

Сотрудники приемного отделения быстро оказали пострадавшему помощь, но не проявили при этом должного уважения. Кто-то даже позволил себе высказывания в стиле: «побыстрее пошевеливайся!» Ну не привыкли люди обслуживать сливки общества, что тут поделывать?

Двумя днями позже Пробойников сдал дела новому главному врачу и улегся в кардиологию, переживать случившееся.

– Помню, как не помнить, – он теперь в Люберецкой городской больнице приемником заведует.

– Да ну! – не поверила Пахомцева. – Вот уж венец карьеры!

– Это не венец, а пипец карьеры, – хмыкнула Барина. – А что ему оставалось делать – в пятьдесят два года дома сидеть? Так он же еще пенсию не выслужил.

– Вот видишь, как бывает, – тон Пахомцевой стал назидательным. – А ты говоришь... Такой вот Данилов отколет номер, а мы все страдаем.

– Ну так поговори с ним, – предложила Барина.

– Я говорила, только он меня не понял, – Пахомцева вздохнула. – Не поворачивай, я немного пешком пройду.

– Как скажешь, – Барина остановила машину у кромки тротуара. – Давай, Тань, до завтра. А с Даниловым поговори еще раз, поспокойнее. Ты небось налетела на него в своей манере, вот он тебя и не понял.

– Понял, очень хорошо понял, только признаваться не захотел, – сказала Пахомцева, выбираясь из салона на тротуар. – Спасибо, что подвезла.

Сложившееся у нее мнение о новом физиотерапевте пересмотру не подлежало. Самолюбивый наглец, одержимый гордыней, не заслуживал ни понимания, ни снисхождения. От него надлежало избавиться как можно скорее, в конце концов это без зама по консультативно-экспертной работе поликлиника работать не может, а без физиотерапевта – запросто.

До этого Пахомцевой попадались правильные физиотерапевты – тихие женщины, преимущественно – предпенсионного и пенсионного возраста. Они не вмешивались в чужую работу и никому не создавали проблем, а просто назначали процедуры и вели положенную документацию.

Пахомцева решила действовать своим обычным способом – по поводу и без повода изводить Данилова придирками и не оставлять этого занятия до тех пор, пока Данилов не подаст заявления об уходе.

Данилов в это время сидел за кухонным столом и уминал яичницу, совершенно не подозревая о том, какие грозовые тучи сгущаются над его головой. Впрочем, если бы даже и подозревал, то аппетита бы не утратил, разве что поперхнулся бы со смеху.

Глава четвертая

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ГЛАВНОГО ВРАЧА

Двое хмурых мужчин в мятых костюмах способны испортить настроение прямо с утра. И от того что они ждут тебя не в темной подворотне, а в приемной, спокойствия не прибавляется. Скорее даже наоборот. От тех, что караулит по подворотням, можно откупиться наличностью из кошелька, а вот от тех, кто в приемной, такой мелочью не отделаешься.

– Вы ко мне? – спросил Антон Владимирович.

По понедельникам он приходил на работу к двенадцати, потому что в первый день недели главные врачи во всех городских поликлиниках столицы сидят на работе до восьми вечера в качестве дежурных администраторов. Таковы традиции – по понедельникам дежурит главный врач, а в остальные дни – его заместители или заведующие отделениями.

– Если вы главный врач, то к вам, – ответил тот, который выглядел старше своего напарника.

– Проходите, – пригласил Антон Владимирович, берясь за ручку двери. – Юля, десять минут меня ни для кого нет.

Последней фразой он намекнул незванным гостям на свою великую занятость.

В кабинете гости синхронно извлекли из внутренних карманов красные книжечки, отсалютовали ими и невнятно пробурчали свои должности, имена и звания. Затем, не дожидаясь приглашения, уселись за стол для совещаний и выложили на него одну за другой три медицинские книжки.

– Посмотрите и скажите – ваших рук дело?

Антону Владимировичу пришлось встать, чтобы дотянуться до книжек. Он подгрел их к себе и принялся внимательно рассматривать. Гости терпеливо ждали.

– Не наших рук это дело, – наконец сказал главный врач. – Во-первых, оттиск штампа поликлиники у нас четкий, а здесь он какой-то расплывчатый. Во-вторых, врачей с фамилиями Бугайцев и Калязина у нас нет и на моей памяти не было. В-третьих, штампик флюорографии у нас совсем другой... Нет, не у нас лепили.

– Нам надо взять образцы оттисков и опросить кое-кого из сотрудников, – сказал старший, пряча книжки в карман. – И интересно было бы узнать, как у вас обстоит дело с контролем за выдачей справок и заключений.

– Собственно говоря, основа этого контроля – люди, сидящие «на печатях», – людей «на печати» Антон Владимирович всегда подбирал лично и по рекомендации. – Валентина Митрофановна раньше работала в отделе кадров режимного предприятия, а Зельда Ароновна была секретарем у одного из моих предшественников. «На печати» она ушла только потому, что не смогла освоить компьютер – при взгляде на монитор у нее начиналась мигрень. Это очень надежные работники, не вертихвостки какие-нибудь, они не дают печати в чужие руки и не ставят их на неведомо чьи подписи. Им я могу верить, как себе.

– Скажите, а разве они никогда не болеют? – спросил более молодой.

– Конечно болеют, хоть и не часто. Но в подобных случаях «на печати» садятся или моя секретарь, она же наш кадровик, или главная медсестра поликлиники. Случайных людей на печатях не бывает никогда, это исключено. Круглая печать поликлиники хранится у меня или у кого-то из моих заместителей.

– Куда ни придешь – везде на словах полный порядок! – сказал тот, что постарше. – А чуть копнешь – столько повывлезает...

«В среду надо будет прочистить мозги народу насчет справок и книжек, – подумал главный врач. – Чтобы были в тонусе и понимали, что их ждет в случае поимки».

– У нас пока, слава богу, ничего не вылезало, – сказал Антон Владимирович. – Если ко мне больше нет вопросов, то я поручу Юлии Павловне сопровождать вас и оказывать содействие...

Оставшись в одиночестве, Антон Владимирович запер дверь на ключ, включил компьютер и проверил свои страницы на трех сайтах знакомств – нет ли где новых писем? Из дома Антон Владимирович на сайты знакомств не заходил, опасаясь непонимания со стороны законной супруги, верной спутницы жизни на протяжении вот уже тридцати лет.

Увы, за выходные было получено всего одно письмо от женщины, скрывавшейся под ником *strastnauaprelestt*. Судя по анкете, Страстная Прелесть была очаровательной чувственной толстушкой, любящей веселые компании и умеющей искренне радоваться жизни. В открытом доступе висела всего одна фотография Страстной Прелести, валявшейся в черной комбинации на смятой, вроде бы как шелковой простыне, алого цвета. Антон Владимирович выругался про себя, удалил письмо не читая, а саму отправительницу заблокировал. Видно же, что идиотка, да еще с претензиями. Идиотками с претензиями был забит весь рунет, но Антон Владимирович все надеялся на знакомство с красивой, доброй, нежной, нетребовательной и одинокой женщиной с пригодным для встреч жильем. Он верил в свою счастливую звезду и знал, что рано или поздно отыщет свой идеал.

Примерно раз в месяц ему казалось, что идеал найден, но разочарование настигало его уже на первых минутах свидания. Или по фотографиям кандидатки в идеалы хорошенько прошелся фотошоп, или она сразу же пыталась диктовать свои требования, или же честно признавалась, что приехала в Москву из Омска и живет в одной комнате с тремя подругами, а про двухкомнатную квартиру в Свиблово попросту наврала для солидности. Вдобавок буквально все кандидатки так активно интересовались финансовым положением «финансового руководителя среднего звена» (именно так представлялся Антон Владимирович), что сразу же становилось ясно – кроме денег, их ничего не интересует. А Антону Владимировичу, сохранившему в душе увядшие ростки романтики, хотелось искренних, совершенно бескорыстных отношений, основанных на родстве возвышенных душ. Сам он считал себя натурой возвышенной и даже не чуждой поэзии. При желании мог прочесть наизусть есенинское «Письмо к матери» или пушкинское «Я помню чудное мгновенье».

Когда в приемной нет секретаря, стража и помощницы, о покое можно забыть. Больше всего Антон Владимирович ценил свою Юлю за то, что она освобождала его от ненужных дел, то есть от тех, с которыми мог справиться кто-то другой. Больше всего проблем доставляли не сотрудники поликлиники, которые давно были выучены, к кому и с каким вопросом надлежит обращаться, а пациенты. В основном пациенты приходили к главному врачу с жалобами и предложениями. Жалобы большей частью были обоснованными, чего нельзя сказать о предложениях. Желая «улучшить работу поликлиники», народ вдохновенно фантазировал.

Часто предлагали заменить стандартные медицинские банкетки, расставленные в коридорах, на удобные диваны и кресла. Откуда взять деньги на закупку мягкой мебели и каким образом можно разместить ее в узковатых проходах, жаждущих перемен не интересовало. Их дело предложить и ворчать годами по поводу того, что к ним так и не прислушались.

Не менее часто предлагалось увеличить штат врачей вдвое, а то и втрое. Для чего? Ну это же ясно – чтоб очередей было бы меньше? На вопрос: «А где же они все будут помещаться?», один из «рационализаторов» ответил:

– В начале Рязанского проспекта строят огромный торговый центр. Вы бы попросили мэрию, чтобы вашу поликлинику туда перевели. Там и места всем хватит, и нам будет удобно – пришел за покупками и заодно к врачу зашел.

Когда Антон Владимирович рассказал об этом, с позволения сказать, совете приятелям, те ему не поверили. Решили, что сам сочинил.

Мысль о том, что посещение врача неплохо было бы сочетать с закупками, была очень живучей. Раза два в месяц к главному врачу приходили с вопросом – а почему бы ему не устроить в подвале поликлиники социальный магазин? А что, ценная ведь идея. Подвал простаивает, а так бы пользу приносил. Куда девать стерилизационную, склад, мастерскую поликлинического Самоделкина Петра Алексеевича и кучу других нужных помещений никого не интересовало. Даешь социальный магазин – и все тут!

Многим хотелось, чтобы участковые врачи и сестры ходили по домам не только с пачкой рецептов, но и с чемоданом, набитым лекарствами. Это же так здорово – получить рецепт и отоварить его прямо на дому! Что? Врачи с медсестрами не смогут таскать с собой такую тяжесть? Обеспечьте их автотранспортом! На крайний случай обяжите бегать в аптеку со свежевывисанными рецептами и возвращаться с лекарствами! А то социальных работников пока дождешься...

С лекарствами, то есть не с самими лекарствами, а их выпиской по льготным рецептам была жуткая морока. Да что там морока – мука, настоящая мука! С одной стороны, «льготники», требующие полного обеспечения своих потребностей, а, с другой – негласные нормы выписки (не более определенной суммы в месяц на всю поликлинику), спущенные сверху. Вот и думай, как быть. Выйдешь за рамки дозволенного – получишь нагоняй и будешь покрывать «перерасход» в следующем квартале, деньги, они ведь из воздуха не берутся. Не выпишешь склочному кляузнику какой-нибудь дорогостоящий препарат, предложив заменить его более дешевым аналогом, так он до самого президента дойдет! Начальник окружного управления здравоохранения Элла Эдуардовна Медынская будет ежедневно звонить тебе, требовать, чтобы ты «немедленно остановил этот поток грязи» и делать очень прозрачные намеки на то, что лошадь, которая «не тянет», подлежит замене.

Особая статья – открепленные из различных ведомственных поликлиник. Число подобных учреждений сокращается с каждым годом, подкидывая городским поликлиникам свой избалованный «особым отношением» контингент. Этим не нравится все – начиная с того, как оборудован гардероб, и заканчивая, разумеется, очередями. Куда, скажите на милость, идти им со своей болью? Конечно же – к главному врачу. Он на то и поставлен, чтобы не только отвечать за все, но и отвечать на все вопросы, пусть даже и самые идиотские.

Пока Антон Владимирович тянул свою офицерскую лямку, ему упоительно мечталось о том, как славно заживет он после выхода в отставку. Работа «на гражданке», в сравнении с тяготами и лишениями воинской службы, представлялась ему чем-то вроде активного отдыха. Теперь же, сравнивая городскую поликлинику с гарнизонной, он неизменно приходил к выводу – в армии было и легче, и проще, и вообще как-то спокойнее, что ли. Парадокс! Хоть обратную форму надевай!

Юлия Павловна «отсекала» от своего шефа три четверти посетителей, умело и прозорливо выбирая лишь тех, кому ни заместители главного врача, ни заведующие отделениями помочь не смогли бы. А если точнее, то тех, кого они не удовлетворили бы. Ведь главный секрет административной работы заключается в том, чтобы выше тебя не уходила бы ни одна жалоба, чтобы на тебе замыкалось и обрывалось все негативное, а наверх отправлялся сплошной позитив. Тут уже надо вникать не в суть проблемы, а в суть человека. Удовлетворится ли он, нажаловавшись на невнимательного уролога не главному врачу, а его заместителю? Или же сочтет, что его «отфутболили», «задвинули», что главный врач попросту отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Тогда – жди беды! Большой беды! Оскорбленное самолюбие возжелает мести, а как можно цивилизованно отомстить главному врачу? Ясно как – пожаловаться в окружное управление, в департамент здравоохранения, в министерство, наконец. Выжившая из ума учительница Сидорова даже уполномоченному по правам человека писала. На то и причина была веская – невнимательность участкового врача Овечкиной, не пожелавшей в сто

пятьдесят первый раз выслушивать историю горькой бабкиной жизни и попросившей перейти непосредственно к жалобам.

Пока Козоровицкая занималась с милиционерами, Антон Владимирович был беззащитен, как крепость с гостеприимно распахнутыми воротами. Слава богу, день выдался не особо кляузный, наверное, сказывалось приближение Нового года. За час с небольшим у главного врача побывало только три посетителя.

Первой оказалась активная до самозабвения общественница Изабелла Соломоновна Кобзарь, хорошо знакомая всей поликлинике. Сегодня она пришла пожаловаться на грубость сотрудниц регистратуры. Изабеллу Соломоновну следовало слушать внимательно, не перебивая и не возражая. Тогда она быстро выплескивала принесенную эмоцию и успокаивалась где-то на неделю. В противном случае, если Изабелле Соломоновне не давали выговориться, эмоция начинала бродить внутри и никто не знал, никому не дано было знать, что могло получиться в результате этого брожения. Мог получиться громкий скандал со слезами и причитаниями (Изабелла Соломоновна была актрисой, и не простой, а заслуженной актрисой Каракалпакской АССР), а могла выйти и жалоба в департамент.

– Ах, Изабелла Соломоновна, вы просто читаете мои мысли, – сказал главный врач, когда гражданка Кобзарь наконец-то умолкла. – Регистратура – это моя вечная головная боль. Нормальные люди туда работать не рвутся, на такую-то зарплату, а от ненормальных одни проблемы. Прямо и не знаю, что делать...

– А вам по должности положено это знать! – вставила вредная старуха.

– Я понимаю, – не стал спорить Антон Владимирович. – Пора мне, наверное, на пенсию. Вот как пройдет Новый год, так и скажу в управлении: «ищите мне замену и побыстрее». Вы не представляете, как я устал от всего этого! Нет, пора, пора на пенсию!

– Да что вы, Антон Владимирович! – переполошилась Изабелла Соломоновна, при всей своей склочности обладавшая добрым сердцем. – Вы мужчина в самом расцвете сил, и вдруг на пенсию! Да не обращайтесь вы внимания на эти мелочи...

– Это не мелочи, Изабелла Соломоновна!

– Мелочи, сущие мелочи! И не спорьте со мной. Я, наверное, и сама виновата, терпения следовало бы иметь побольше, не школьница ведь...

Еще пять минут взаимного рассыпания в любезностях – и Изабелла Соломоновна ушла полностью удовлетворенной на неделю вперед.

Свято место пусто не бывает – почти сразу же в дверном проеме нарисовался сердитый мужчина лет сорока, судя по костюму, выражению лица и манере держаться – из мелких начальников.

– Здравствуйте! Вы главный врач?

Интересно, а кого он ожидал увидеть за столом в кабинете, на двери которого красуется табличка: «Главный врач Загеройский Антон Владимирович»? Рентгенолога? Или подросткового врача?

– Я, садитесь, пожалуйста. Слушаю вас!

С такой публикой следовало держать себя строго официально.

– Гармазкин Илья Николаевич, ведущий специалист сектора спортивно-досуговой работы муниципалитета.

«Видно птицу по полету, добра молодца по соплям», – подумал Антон Владимирович, совершенно не впечатленный должностью Гармазкина.

– Я только что был у вашего уролога Сабурова...

Опять этот Сабуров! Антон Владимирович терпел уролога только из-за размеров ежемесячно выплачиваемой им дани. Алкаш, конечно, и грубиян вдобавок, но работать, то есть выколачивать из пациентов деньги, умеет превосходно. Что да то да.

– Он поставил мне диагноз хронического простатита и помимо прочего порекомендовал курс лечебного массажа предстательной железы. Я ответил, что ввиду своей занятости ходить на массаж не могу, тогда доктор предложил, чтобы массаж мне делала моя жена, в домашних условиях. Я был немного шокирован этим советом, но ответил, что моя жена не станет этим заниматься, так как она не имеет медицинского образования, и вообще я постеснялся бы попросить ее о чем-то подобном. Вот вы попросили бы свою жену о подобной м-м-м... услуге?

– Ну, если это нужно для здоровья, то почему бы и нет? – соврал Антон Владимирович.

– Вы, медики, как-то иначе смотрите на эти вещи. Не знаю, не знаю... Ну да ладно, дело не в этом, а в том, что дальше посоветовал мне уролог. Он сказал: «Ну раз так, то найдите себе любовника!» Вы представляете?!

– Что? – не поверил своим ушам Антон Владимирович.

– Найдите себе любовника!

– Вы не...

– Я не ослышался и не преувеличиваю! Я дословно передаю его слова! Хотите, скажу, что я услышал в ответ на требование извиниться передо мной?

– Не надо, – отказался Антон Владимирович. – Я и так могу представить. Вы не будете любезны подождать пять минут в приемной?

– Буду!

Как только ведущий специалист сектора спортивно-досуговой работы муниципалитета скрылся за дверью, Антон Владимирович снял трубку внутреннего телефона и набрал единицу, четверку и семерку – номер телефона в кабинете уролога.

– Сабуров!

– У меня сейчас сидит Гармазкин...

– Какой Гармазкин, Антон Владимирович?

– У тебя еще хватает наглости спрашивать, «какой Гармазкин»?

– А-а, этот хмырь...

– Игорь Сергеевич, слушай меня внимательно и не перебивай! – главный врач еле сдерживался, чтобы не заорать изо всей мочи. – Если ты немедленно не явишься ко мне и не расстелешься в извинениях перед Гармазкиным, то сегодня же получишь на руки трудовую книжку со статьей!

– Что, так сразу со статьей?! – попробовал возмутиться уролог.

– Почему «сразу»? – удивился главный врач. – Ты что, забыл про два строгих выговора – за пьянство на работе и за прогул? Сейчас получишь третий. И клянусь тебе чем хочешь, что я не пугаю, а просто информирую.

– Сейчас приду!

Что-что, а каяться Игорь Сергеевич умел. Исконно русскому человеку так и положено – и нагрешить от души, и каяться так же искренне.

– Простите меня, великодушно, Илья Николаевич... – басил Сабуров, прижав к груди обе ладони.

«Надо же – то якобы фамилию забыл, а тут и имя с отчеством вспомнил!» – подумал Антон Владимирович.

– ...сорвалась с языка глупая шу... рекомендация...

– Вы считаете эти слова рекомендацией? – поинтересовался Гармазкин.

– Глупостью я их считаю! Полной глупостью! Абсолютной! И умоляю меня простить! И вы, Антон Владимирович, не сердитесь, пожалуйста, подобное больше не повторится...

Насладившись унижением уролога, Гармазкин сменил гнев на милость и ушел успокоенным. Антон Владимирович завел Сабурова в кабинет и строго сказал ему:

– Ну, то что ты то и дело не можешь удержаться, чтобы не выпить на работе, я еще могу понять – это болезнь у тебя такая. Но вот какого хера ты свой язык так распускаешь, я понять

не могу. Если остроумия некуда девать – иди в цирк, клоуном работай! Если же хочешь оставаться у меня, то держи язык, где хочешь, хоть за зубами, хоть в жопе, но воли ему не давай. Вот зачем из ничего на ровном месте проблему создавать?

– Ко мне друг из Астрахани приехал, икорки черной привез, которую сейчас и не купить нигде, – улыбнулся в усы Сабуров. – Я как раз хотел спросить – вы черную икорку уважаете?

– Уважаю, если ей отравиться нельзя...

– Обижаете, Антон Владимирович! – улыбка Сабурова стала шире. – Я первым делом тещу угостил, надо же старших уважать, вчера сами ели. Никаких отрицательных эмоций – одни положительные. Завтра сами убедитесь.

– Иди, работай, – Антон Владимирович дал понять, что инцидент исчерпан.

Третья посетительница была просто душой. Как еще можно назвать человека, явившегося прикрепляться в поликлинику, не имея на руках полиса обязательного медицинского страхования?

– Я забыла его дома, в Волгограде, вы понимаете – в Вол-го-гра-де? – все повторяла она. – Что ж мне теперь за ним специально ехать? Это такие концы и немалые деньги...

Глубоко посаженные недружелюбные глаза, сжатые в ниточку губы и тяжелый подбородок выдавали в посетительнице человека, руководствующегося в жизни принципом: «а мы постоим – на своем настоим».

– Не хотите ехать – пусть вам его вышлют!

– Так некому высылать! Ну неужели в Москве, в столице нашей родины, мне никто не может дубликат выписать?

– Обратитесь в страховую компанию, которая выдала вам полис, – терпеливо внушал Антон Владимирович. – Не исключено, что в московском офисе вам выдадут дубликат...

– Там точно такие футболисты сидят, – заныла женщина. – Вы все только отфутболивать и умеете...

– Кстати, если вы работаете, то ваш полис вам и не нужен, потому что работодатель обязан получить на вас временный московский полис, по которому вы и будете получать медицинские услуги в полном объеме.

– Мой работодатель меня не оформляет. Говорит, что яйцами торговать можно и так. Вот вы когда-нибудь торговали яйцами на морозе? А?

Тут, на счастье, возвратилась Юлия, доложила, что все в порядке, милиция уже ушла, сразу же выдернула посетительницу из кабинета, доходчиво объяснила ей, что без полиса никого, никогда и ни к какой поликлинике не прикрепят, и заняла круговую оборону в приемной. Антон Владимирович вздохнул с облегчением и попросил спасительницу пригласить к нему главного бухгалтера Нину Львовну – по понедельникам у них было заведено совещаться с глазу на глаз.

– На будущий год нам нужно новое положение по надбавкам стимулирующего характера... – начала главный бухгалтер, еще не успев усесться за стол.

– Так в чем же дело, Нина Львовна? Готовьте, я подпишу.

– И объясните, пожалуйста, вашему Низматову, что воскресное дежурство праздничным не является и в двойном размере никогда не оплачивалось и не будет оплачиваться. Я его в следующий раз просто пошлю! Достал уже!

Доктор Низматов вообще был человеком со странностями. То прямо в халате уйдет из поликлиники на вызовы, то выпишет в качестве снотворного тетрациклин, то вместо «сейчас я осмотрю ваши молочные железы с целью выявления уплотнений и опухолей» попросту скажет «дай сиси потрогать» и нарвется на скандал.

– Приглашаю Джамшида Шарифовича к себе на беседу, – говорила заведующая первым отделением Воскресенская, – гоняю его по всей терапии, рассуждаю з а жизнь и нарадоваться не могу, какой умный доктор у меня работает! А только до дела дойдет – куда весь ум девается.

Увольнять Низматова заведующей не хотелось – он безропотно тянул самый дальний и самый неудобный участок номер тринадцать. Участок этот не только тянулся тонкой нитью вдоль железной дороги более чем на полтора километра (это ж сколько беготни!), но вдобавок был заселен далеко не самым лучшим в смысле побочных заработков контингентом. Люди побогаче старались убраться подальше от железнодорожного шума, обменяв квартиру с теми, кто интересовался доплатой.

– Да не вступайте вы с ним в разговоры, – посоветовал Антон Владимирович. – Отправляйте к Воскресенской. У каждого свой крест, вот он – ее крест. Персональный.

– Главное то, Антон Владимирович, что я половину его слов не понимаю! Как же он с больными-то общается?

– Разве больным от врача разговоры нужны, Нина Львовна? Рецепты им нужны и направления. С этим Низматов справляется превосходно. Его на участке даже любят...

– За что?

– Он душевный, у них в Средней Азии так принято. Всегда спросит как, мол, дети, как внуки, за жизнь поговорит. Хоть и не совсем понятно, но все же. Потому и ползает по вызовам до восьми вечера. Но он у нас единственный участковый врач, получивший в этом году письменную благодарность от пациента. Причем дед не только мне написал, но и в департамент. Хоть и небольшой, а все же плюс нашей поликлинике. Мы ведь привыкли уже, что на нас только жалуются.

– К плохому, Антон Владимирович, привыкаешь еще быстрее, чем к хорошему.

– И не говорите...

После ухода Нины Львовны в кабинет заглянула Козоровицкая.

– Звонила Дунаева, Антон Владимирович, и сказала, что будет подавать на нас в суд.

Дунаева была санитаркой, уволенной за прогулы.

– Пусть подает, Юля! У нас все правильно оформлено...

– Я знаю – оформлено идеально, – улыбнулась Козоровицкая, сама и оформлявшая увольнение по статье. – Просто я подумала, что вам следует быть в курсе.

– Верно подумала, – одобрил Антон Владимирович. – Пригласи, пожалуйста, ко мне Литвинову, Пахомцеву и Баринovu. Только не поодиночке, а скопом!

– Сейчас, Антон Владимирович.

Тема для обсуждения с заместителями (главная медсестра это ведь тоже, в сущности, заместитель главного врача) была одна – подготовка к Новому году, иначе говоря, все ли сделано для того, чтобы во время долгих праздников поликлиника работала бы должным образом, без сбоев и косяков. Когда совещание подошло к концу, Пахомцева сказала:

– Не нравится мне наш новый физиотерапевт, Антон Владимирович...

– Всем кто-то не нравится, Татьяна Алексеевна, – оборвал ее главный врач, – кому Сабуров, кому Низматов, а кому и физиотерапевт Данилов. Только мне все нравятся, и знаете почему? Да потому что у каждого из вас голова болит за свою епархию, а у меня одного – за всю поликлинику. Это же не вам звонят из округа и интересуются – решаем ли мы вопрос с физиотерапевтом, потому что есть жалобы как от населения, так и от соседних поликлиник, которые не горят желанием принимать наших больных. Это не вы чуть ли не каждый день слышите: «не можешь обеспечить, не справляешься – уходи». Это не вы отдуваетесь на окружающих и городских совещаниях...

Лицо Пахомцевой на глазах наливалось свекольным цветом.

– Так что пора вам всем наконец осознать реалии нашей работы, – демонстрируя начальственный гнев, Антон Владимирович ударил ладонью о стол, – и научиться работать с тем, что вы имеете. Учите, воспитывайте, подтягивайте, на то вы и администрация, но не бегайте ко мне жаловаться! Вы не школьницы, а я вам не добрая мамочка!

– Вы наш добрый папочка! – вставила Баринова, желая разрядить обстановку.

– Спасибо, доченька! – под взглядом главного врача Баринаова съежилась, уменьшившись в объеме чуть ли не вполовину.

Выдержав долгую паузу, Антон Владимирович сказал:

– Все свободны!

Заместителей словно ураганом вынесло за дверь.

«Распустились, – подумал Антон Владимирович. – Папочку себе нашли. Тут с двумя родными дочерьми не знаешь, что делать...»

Маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы. Старшая дочь Антона Владимировича развелась с мужем (по правде говоря, он сбежал от нее, не выдержав бесконечных придинок) и теперь страдала от одиночества. Страдала открыто, напоказ, обвиняя родителей во всех своих несчастьях.

– Ольга права, – сказал однажды жене Антон Владимирович, – это мы во всем виноваты. Все баловали, да баловали...

– Дом, это тебе не казарма! – обиделась жена и дулась несколько дней.

Если старшая дочь хотя бы потрудилась получить специальность и работала логистиком в крупной фирме, занимающейся производством упаковки, то младшая продолжала сидеть на шее у родителей. Окончила художественно-промышленную академию, бывшее Строгановское училище и уже который год самозабвенно искала свое место в искусстве. До преподавания в художественной школе или дизайнерской работы не снисходила, считая эти занятия неподходящими для себя. Сидела дома, рисовала какие-то непонятные Антону Владимировичу картины, рассуждала о засилье бездарностей, мечтала о персональных выставках в Лондоне, Париже и Нью-Йорке, короче говоря постепенно превращалась в непризнанного гения, едва ли не самую худшую человеческую ипостась.

Обстановка дома была не ахти какой, оттого-то Антон Владимирович по поводу и без задерживался на работе, жалея лишь о том, что в восемь часов вечера поликлиника закрывается, и мечтал обзавестись «тихой гаванью» – доброй и непритязательной любовницей с собственной жилплощадью. Увы, судя по всему подобные экземпляры были нарасхват и потребности знакомиться через Всемирную паутину не испытывали. А других возможностей для знакомства у Антона Владимировича не было. Не по ночным же клубам ходить, в конце концов!

Антон Владимирович посмотрел на настольные часы и вспомнил, что сегодня он еще не обедал. Пора бы уже. Он попросил Юлию сварить ему кофе и полез в холодильник за колбасой и сыром.

Обедал он всегда по-походному, сухим пайком, находя бутерброды с сырокопченой колбасой, ветчиной и сыром куда полезнее супов быстрого приготовления.

После обеда тянуло неспешно, без суеты, подумать о чем-то важном. Сегодня Антон Владимирович думал о том, какой новогодний подарок следует подарить Медынской, руководителю окружного управления здравоохранения.

Была у Антона Владимировича такая черта – дарить оригинальные, запоминающиеся, отличные от общей массы подарки. Очень полезная, надо сказать, черта, ведь если запоминается подарок, то запоминается и даритель.

Девяносто девять процентов главных врачей подарят Медынской картину (скорее всего – пейзаж) или какой-нибудь роскошный сервиз. Дальше их фантазия не пойдет. Один процент или около того, используя свою близость с Медынской, подарят ей золото – цепочку с кулоном, серьги или кольцо. Гарнитуров дарить не станут, не тот случай...

Антон Владимирович ломал над подарком голову не менее получаса, пока не придумал подарить красивую шкатулку, желательнее – малахитовую или какую-нибудь еще в этом роде. Да, шкатулка, это то, что надо! Ей всегда найдется применение, ведь у каждой женщины есть что положить в шкатулку, ее не стыдно показать гостям и, наконец, ею можно любоваться

долгими зимними вечерами... Решено – пусть будет шкатулка. К тому же в ней так естественно будет смотреться конверт со сто долларовыми купюрами.

Антон Владимирович старался поддерживать с начальством не просто хорошие, а, прямо сказать, замечательные, наилучшие отношения. Это всегда оправдывало себя. Как говорил пресловутый крестный отец, дон Вито Корлеоне: «Я верю в дружбу и готов доказать свою дружбу первым».

С подарком следовало поторопиться – до Нового года оставалось всего ничего. «Завтра же уйду с работы пораньше и отправлюсь в центр», – пообещал себе Антон Владимирович.

До пяти часов оставалось немного времени, которое Антон Владимирович уделит изучению новых анкет на сайтах знакомств. Ничего интересного – сплошное дежавю, состояние уже виденного ранее. Непомерные запросы, скрытые за маской непосредственного интереса к жизни, заезженные стихотворения, призванные раскрывать богатый (воображаемо богатый) внутренний мир, фотографии в тошнотворных интерьерах. Мать, мать, мать и еще раз мать твою! А когда-то поначалу казалось, что стоит только зарегистрироваться, как тут же поперет удача – интересные знакомства с романтическими натурами. Так и выходит, что единственная романтическая натура в Сети, это он, Антон Владимирович Загеройский, отставной подполковник медицинской службы, неисправимый идеалист и завзятый мечтатель.

На семнадцать, семнадцать тридцать и восемнадцать часов были назначены собеседования с врачами, пожелавшими работать в поликлинике. Первым шел Денис Анатольевич, кардиолог из сто пятнадцатой больницы, которому на основном месте работы не давали доступа к эхокардиографии, в просторечии – ультразвуку сердца. Антону Владимировичу как раз требовался специалист по эхокардиографии, причем – совместитель, на половину ставки, не более. Осталось определиться с личностью Дениса Анатольевича, ведь далеко не каждый врач годится для работы в поликлинике...

Денис Анатольевич оказался тем, кем надо. Молодой, вменяемый, понимающий намеки с полуслова.

– Каждый сотрудник поликлиники должен приносить ей экономическую пользу, – словно бы вскользь заметил во время собеседования Антон Владимирович.

– Разумеется, – кивнул Денис Анатольевич, – ведь зарплата платится из тех денег, которые привлек сотрудник.

– Многие любят ссылаться на нагрузку...

– Нагрузка – дело поправимое, – Денис Анатольевич отреагировал правильно и был принят на работу в качестве совместителя.

Антон Владимирович стремился к тому, чтобы его поликлиника всегда была на хорошем счету. Хороший счет это не только отсутствие жалоб, но и положительные экономические показатели. Не приписывая нагрузки, хороших показателей не достичь, только приписывать надо с умом. Не диспансеризировать покойников и не принимать лежащих в стационаре. Накладки здесь чреватые...

– Какой график вам бы хотелось? – спросил Антон Владимирович.

– Любой день, начиная с пяти часов, – ответил новый сотрудник, – а в субботу так хоть с восьми до восьми. Смотрите по своим обстоятельствам.

Хороший ответ, правильный, ответ понимающего человека. Не стоит «тянуть на себя одеяло», надо понимать, что в кабинете УЗИ работают и другие врачи, под чей график надо подлаживаться. Нет, чем дальше, тем больше нравился Антону Владимировичу новый «эхокардиографист». находка, можно сказать...

Находкой оказался и следующий соискатель, претендент на должность участкового врача. Доктор Комординцев отработал в родной Перми на участке двенадцать лет, после чего переехал в Москву, снял на паях с приятелем однокомнатную квартиру и стал подыскивать работу по специальности недалеко от дома.

– Я прирожденный участковый врач, – сказал он. – Мне в стационаре тошно и душно. Найти бы работу на участке, жену с сынишкой в Москву перевезти и можно жить!

– Вредными привычками страдаете, Борис Сергеевич? – поинтересовался Антон Владимирович.

– Исключительно во вне рабочее время! – заверил Комординцев.

«Пойдет на третий участок вместо Назарова», – решил Антон Владимирович и сказал:

– В приемной сидит наш кадровик Юлия Павловна. Идите к ней и скажите, что вы взяты на место Назарова.

– Спасибо! – обрадовался Комординцев. – Вы не пожалеете! Я вас не подведу!

– Поживем – увидим, – ответил Антон Владимирович и заглянул в ежедневник, а ну-ка, кто там у него еще?

Третий блин вышел комом. Доктор из Воронежа, двадцать восемь лет, раньше на участке никогда не работала, полгода назад вышла замуж.

«Плавали – знаем! – подумал Антон Владимирович. – Не успеет устроиться, как уйдет в декретный отпуск».

– Вот вы, Александра Викторовна, работали в приемном отделении крупной многопрофильной больницы. Что подтолкнуло вас к мысли о работе на участке?

– Эта работа ничем не хуже других! – ответила Александра Викторовна, сверкнув глазами.

«Да ты еще и с норовом!» – подумал Антон Владимирович и сказал:

– Я не могу принять вас на работу. Мне на участке нужны опытные врачи, которых не надо учить.

– А кто вам сказал, что меня надо учить? – взвилась Александра Викторовна. – Я сама кого хочешь научу!

– Учите на здоровье, только не здесь! – немного грубовато одернул ее главный врач. – Извините, у меня есть срочные дела!

Срочным делом был традиционный «вечерний обход». Антон Владимирович имел обыкновение незадолго до ухода обходить поликлинику. Заходить в кабинеты врачей, оценивать обстановку в коридорах, интересоваться, все ли вечерние вызовы обслужены дежурной службой. Он искренне верил в то, что подобные обходы дисциплинируют подчиненных, давая им понять, что главный врач где-то рядом, что его неусыпное око зорко бдит. Если бы он узнал, что эти его обходы сотрудники называли не иначе, как «пробежками Фантомаса», то очень бы расстроился. К счастью, он оставался в неведении. Почему «к счастью»? Да потому что нельзя отбирать у человека его заблуждения. Человек без заблуждений подобен дереву без корней – ему нечем цепляться за реальность. Жалок такой человек и одновременно достоин сочувствия.

После обхода Антон Владимирович вернулся к себе, намереваясь спокойно и не без приятности провести в кабинете оставшееся время – выпить чаю, побродить по Интернету. Но не тут-то было...

– Вам письмо, Антон Владимирович!

Козоровицкая с улыбкой вручила шефу продолговатый конверт без марок. На конверте ровными печатными буквами было выведено: «Главному врачу. Лично». Слово «лично» неизвестный корреспондент подчеркнул дважды.

– Кто принес? – Антон Владимирович очень не любил таких вот писем. От них так и пахло неприятностями.

– Почтенный седой джентльмен. Очень взволнованный. Отдал письмо и трижды предупредил, что оно очень важное.

«Очередная кляуза», – решил главный врач. Леди и джентльмены почтенного возраста нередко излагали свои претензии в письменной форме. В их представлении претензии, изложенные на бумаге, были куда весомее тех же самых претензий, высказанных в устной форме.

Забавы ради Антон Владимирович поиграл в Шерлока Холмса – не стал сразу вскрывать конверт, а внимательно осмотрел его со всех сторон и даже понюхал. Тщетно – никаких сведений, которые помогли бы пролить свет на личность корреспондента, ему найти не удалось. Конверт как конверт. Без отпечатков пятен, стертых ластиком надписей и прилипших табачных крошек. Подумав о том, что на этом конверте обломался бы и сам великий сыщик с Бейкер-стрит, Антон Владимирович аккуратно вскрыл конверт пластмассовым ножичком и достал из него сложенный втрое лист бумаги, исписанный мелким, довольно четким почерком.

Вначале, как и полагалось, шел перечень заслуг корреспондента. Участник подавления антисоветского мятежа в Чехословакии, член КПСС с шестьдесят девятого года, заслуженный рационализатор РСФСР, двенадцать с половиной лет руководил цехом сборки кузовов АЗЛК, председатель домового комитета, заместитель председателя Совета ветеранов...

Далее следовала история взаимоотношений с поликлиникой – сколько лет наблюдается и у каких врачей.

Где-то на середине листа Антон Владимирович добрался до сути: «...эндокринолог Шипягина попыталась сделать меня соучастником преступления, предложив мне получить по выписанным ею рецептам в аптечном пункте бисакодил и панкреатин и отдать их ей. Шипягина объяснила эту просьбу своей маленькой зарплатой и необходимостью постоянно тратиться на приобретение лекарств для больной свекрови...»

Два следующих абзаца дышали праведным гневом человека, который «никогда за свою праведную жизнь не шел на сделки с совестью». В конце письма был указан домашний телефон «для сообщения принятых мер».

«Спасибо тебе, добрый человек, за то, что ты написал мне, а не в департамент здравоохранения, – подумал Антон Владимирович. – Но Шипягина-то какова? Вот дура, так дура!»

Именно, что дура – разве умный человек позволил бы себе так рисковать ради экономии копеечной суммы? Упаковка бисакодила и упаковка панкреатина вместе не дотягивали по стоимости до ста рублей. Совершать, как принято выражаться, уголовно наказуемое деяние ради подобной выгоды, да еще и подставлять при этом всю поликлинику, накликая на нее серию внеочередных проверок? В понимании Антона Владимировича это не лезло ни в какие ворота. Неплохая зарплата, постоянные премии... разве нельзя ей было купить эти чертовы препараты? Добро бы выписала что-нибудь подороже... Хотя не исключено, что подобная практика вошла у нее в систему. Вот паразитка! И что теперь прикажете с ней делать?

От любого другого врача, совершившего подобный поступок, Антон Владимирович избавился бы немедленно, подобно тому, как избавился он от «прививочного активиста» Назарова. От любого, но не от эндокринолога.

Больные сахарным диабетом требуют огромного внимания. Неверно рассчитанная дозировка, неправильный подбор препарата, несвоевременный контроль – все это чревато тяжелыми осложнениями, вплоть до комы. Кроме диабета, занимаются эндокринологи другими тяжелыми заболеваниями. Если в поликлинике нет эндокринолога, то его работу делают участковые врачи, они крайние, им деваться некуда. Каким бы умным ни был участковый терапевт, вести эндокринологических больных на должном уровне он не может. В итоге... легко представить, что может получиться в итоге. Ничего хорошего.

Так же ничего хорошего не следует ждать, если эндокринолог недостаточно компетентен (а таких горе-специалистов Антон Владимирович повидал немало) или недостаточно опытен. На фоне неадекватного амбулаторного лечения пациенты будут то и дело «ухудшаться», впадать в комы, экстренно госпитализироваться, а то и умирать... Посредственный врач еще мог устраивать Антона Владимировича в должности подросткового врача, но не эндокринолога. Да и вообще лучше стараться не менять давно работающего в поликлинике эндокринолога, знающего свой контингент как пять пальцев, на нового, пусть даже и такого умного.

«Отдам завтра Пахомцевой, – решил Антон Владимирович. – Ей все нейдет когонибудь пропесочить, вот пусть на Шипягиной и отыграется. Тем более что врачи-специалисты в ее ведении».

Письмо оставил на столе, чтобы не забыть о нем ненароком, затем отпустил домой Юлию Павловну, никогда не уходившую не спросившись, выпил чашку крепкого чая с тремя кусочками сахара и сделал контрольный звонок домой. Дома все было в порядке, во всяком случае голос жены был спокойным, даже – доброжелательным.

– Я готовлю на ужин биточки с цветной капустой, – сообщила она. – Но ты, конечно, можешь есть свои любимые пельмени. Если захочешь.

– Да ты что! – притворно удивился Антон Владимирович. – Разве какие-то там пельмени могут сравниться с твоими биточками! В половине девятого буду за столом. Как штык!

Он жил на Рязанском проспекте в четверти часа езды от поликлиники. Очень удобно, тем более что добираться от дома до работы и обратно можно было по окольным «второстепенным» улочкам, без пробок и вообще каких-либо напрягов.

Глава пятая И ТОГДА ВЫ СКАЖЕТЕ КОМУ-ТО...

Пахомцева, по своему обыкновению, начала с предварительного следствия. Она обожала собирать сведения, сопоставлять данные и изобличать лгунов.

Пригласив к себе медсестру Казаченко, постоянно работавшую с эндокринологом, Пахомцева сделала суровое лицо и сказала:

– Не ожидала я от тебя, Надежда, подобного поведения! Никак не ожидала...

– Что такое, Татьяна Алексеевна? – забеспокоилась Казаченко. – Что я сделала?

– Ты меня *спрашиваешь*? – привычно повела допрос Пахомцева, сделав упор на последнем слове. – А я-то думала, что ты мне расскажешь!

– Что рассказывать?

– То самое! Я же вижу, что тебе есть что рассказать. Вон покраснела вся и глазки так и бегают... Давай, начинай, у меня мало времени.

– Я ничего не понимаю, Татьяна Алексеевна...

– Надежда! Не испытывай мое терпение! Рассказывай про ваши махинации с льготными рецептами! Как вы их выписываете и как пациентов заставляете получать лекарства и приносить вам! Это, между прочим, серьезное преступление, да еще и групповое! Отягчающие обстоятельства! На условный срок можно рассчитывать только в случае чистосердечного признания! Ты хорошо меня поняла?

– Поняла-а-а! – разрыдалась Казаченко. – Это вам Крюков пожаловался, да-а-а? Он у нас так развыступался-а-а... Элеонору Семеновну аферисткой обозвал!

– Успокойся немедленно! – Пахомцева выждала, пока Казаченко перестанет всхлипывать, и продолжила:

– Давно вы этим занимаетесь?

– Давно, – кивнула медсестра. – Сколько я с Элеонорой Семеновной работаю, столько и занимаемся. Но мы не часто... только когда нам что-то надо. Глупо же тратить деньги на то, что можно получить так, задаром.

– А о последствиях вы подумали?

– Так они же сами получают и сами отдают, Татьяна Алексеевна! А вы говорите групповое преступление...

– Я знаю, что говорю! Ты разве не видишь, что вокруг творится? Бобриковой за взятку в тысячу рублей два года условно дали, а у вас дело серьезнее, потому что вы в сговоре и занимаетесь этим систематически! Это ты дома мужу рассказывай, что добрые больные дарят вам свои лекарства, в суде этот бред не пройдет! Ладно, умой пока лицо, а то люди подумают, что я тебя тут пытала!

Пока Казаченко умывалась, Пахомцева позвонила эндокринологу:

– Элеонора Семеновна, сейчас же поднимитесь ко мне.

– Но у меня прием...

– Ничего страшного, это на пять минут.

Поняв по виноватому выражению лица своей медсестры, что та уже все рассказала, Шипягина не стала запираяться, а сразу же перешла к оправданиям.

– Есть такая поговорка: «Сидя у реки от жажды не умрешь», – сказала она, нагло глядя в глаза начальству. – Я просто не могу покупать то, что в состоянии выписать. Рука не поднимается.

– Как вы просто обо этом говорите, Элеонора Семеновна, – Пахомцева неодобрительно покачала головой. – Как о чем-то само собой разумеющемся.

– Да так оно и есть, Татьяна Алексеевна, это же повсеместная практика. Можно подумать, что вы, работая на участке, ничем подобным не занимались?

– Представьте себе – не занималась! – Пахомцева повысила голос. – И вообще сейчас речь идет не обо мне, а о вас. К Антону Владимировичу поступила жалоба, и он поручил мне разобраться!

– Разрешите ознакомиться? – Шипягина протянула руку.

– Знакомьтесь!

Читала Шипягина долго, перечитывая некоторые абзацы по несколько раз.

– Классическая совковая кляуза! – оценила она, возвращая письмо Пахомцевой. – Вот он, русский донос, бессмысленный и беспощадный.

– Как у вас только хватает... смелости, чтобы так шутить?

– Для этого смелость не нужна, – Шипягина улыбнулась, демонстрируя прекрасное расположение духа. – Столь эмоциональное и совершенно лживое письмо не может не вызвать желания приколоться.

– Прикалываться будете, когда станете писать объяснительную!

– Ах уж эти объяснительные! Татьяна Алексеевна, может быть, мы отпустим Надежду и поговорим с глазу на глаз?

– Хорошо, – согласилась Пахомцева. – Иди, Надя.

– Скажи очереди, что я скоро буду, – добавила Шипягина и, когда за Надеждой закрылась дверь, сказала: – В объяснительной я напишу, что предложила гражданину Крюкову, будь он неладен, вернуться ко мне, если вдруг окажется, что в нашем аптечном пункте нет бисакодила и панкреатина. Ну, чтобы выписать ему что-то из аналогов. А он то ли недослышал, то ли увлекся созерцанием Надюшкиного декольте и, в общем, понял мои слова превратно. Вот и все. Каюсь, грешна, надо было объяснять подходчивее. Готова понести заслуженное наказание.

– Пишите объяснительную и возвращайтесь на прием.

Татьяна Алексеевна повернулась к окну и стала следить за мужчиной, который с голым торсом делал зарядку на одном из балконов дома напротив. «На улице минус двенадцать, – подумала она. – А ему хоть бы хны».

– Вот, пожалуйста, – Шипягина все делала быстро – быстро писала, быстро принимала пациентов, быстро ела, быстро впадала в гнев и столь же быстро отходила. – Можно идти?

– Да, – сухо ответила Пахомцева.

На написание докладной главному врачу у нее ушло втрое больше времени, чем у Шипягиной на объяснительную. Закончив писать, Пахомцева с бумагами в руках вышла из кабинета, заперла дверь (у работавшей с ней медсестры был отгул) и пошла по коридору в сторону приемной главного врача.

Антон Владимирович прочитал оба документа, объяснительную и докладную, поиграл бровями и вышел из кабинета в приемную.

– Юлия Павловна, подготовьте, пожалуйста, приказ о строгом с занесением выговора доктору Шипягиной за... халатность, проявленную в работе с пациентами, и поступки... нет, про поступки, порочащие высокое звание врача, лучше не упоминать.

– Хорошо, Антон Владимирович.

– И когда будете ознакомливать ее с приказом, скажите от моего имени, что на полгода она может забыть о премиях. Татьяна Алексеевна, проведите профилактическую беседу с заведующей аптечным пунктом.

– Прямо сейчас и проведу, Антон Владимирович.

Пахомцева плохо представляла, о чем ей надлежит говорить с зааптекой, но переспрашивать не стала, решив, что просто расскажет о случившемся и попросит обращать особое внимание на рецепты, подписанные Шипягиной.

– На завтрашней конференции этот случай обсуждать не надо, – добавил главный врач.

У выхода на лестничную площадку Татьяна Алексеевна столкнулась с Даниловым.

– Вас вызвал Антон Владимирович? – спросила она, не без тайной надежды на то, что главный врач все же решил «проработать» Данилова.

– Нет, я к рентгенологу, – ответил Данилов.

– Какие у вас могут быть дела с рентгенологом?! Почему вы ходите к рентгенологу во время приема? И сами отвлекаетесь от работы, и людей отвлекаете!

– А если я по делу?

Новый физиотерапевт оказался настолько наглым, что позволил себе улыбнуться. Эта улыбка несказанно возмутила Пахомцеву.

– Какое у вас может быть дело, кроме приема пациентов?! – на весь этаж завопила она. – Что вы мне тут голову морочите?! Немедленно вернитесь в свой кабинет!

– У меня закончились статталоны. Главной медсестры, которая их выдает, сейчас нет на месте. Доктор Рябчиков любезно согласился поделиться со мной...

– А почему за талонами ходите вы? Что делает ваша сестра?

– Дает процедуры, а у меня как раз нет никого на приеме. Почему бы и не сходить за талонами?

Данилов говорил тихо, спокойно, и от этого для Пахомцевой его слова звучали еще более оскорбительно.

– Вам не у кого было попросить талоны на этаже?

– Сейчас принимает только окулист, но я не рискнул продираться сквозь толпу, осаждающую вход в ее кабинет.

– Пойдемте! – Пахомцева почувствовала, что вот-вот задохнется от гнева.

Она привела Данилова к себе в кабинет, вручила ему толстую пачку статталонов и проследила, куда дальше пойдет Данилов – налево к рентгенологу или направо к лестнице.

Данилов пошел направо. Не иначе как и впрямь приходил за талонами. Пахомцева не выносила, когда врачи и сестры в рабочее время бродили по кабинетам и точили лясы. В ее понимании подобное поведение было сродни разврату. Сама же она могла подолгу болтать с главной медсестрой о вещах, никоим образом не относящихся к работе, и не видела в том ничего предосудительного. То, что дозволено Юпитеру, не дозволено обычному быку.

Не дождавшись Данилова, Рябчиков сам принес ему талоны.

– Спасибо, – поблагодарил Данилов. – А меня на полпути перехватила зам. по экспертизе, наорала на меня прямо в коридоре и сама дала мне талонов, лишь бы я не отвлекал вас от работы.

– Климакс – страшная штука, – махнул рукой Рябчиков, – а климакс у дуры – страшнее всего. Не берите в голову. Лучше скажите, как вы относитесь к чебурекам?

– Хорошие – люблю, – ответил Данилов. – С плохими стараюсь не встречаться.

– Тогда, может, после работы съедим по парочке хороших чебуречков? – предложил Рябчиков. – Здесь, на углу проспекта и Козицкой, есть хорошая чебуречная. Не притон типа забегаловки, а нормальное кафе.

– Непременно попробуйте, Владимир Александрович, – вмешалась Оксана. – У них все вкусное – и чебуреки, и беляши, и хачапури. И совсем недорого, с учетом географии.

– А при чем тут география?

– Так район у нас небогатый, не Таганка и не Рублевка. Чебуреки по двадцать пять рублей, а размером они с тарелку. И никакой собачатины, можете быть спокойны!

– Да я насчет собачатины крайне спокоен, – улыбнулся Данилов. – Выдумки все это.

– Так я за вами зайду, – пообещал Рябчиков и ушел.

– Бедный Рудольф Иванович, – вздохнула Оксана и в ответ на вопросительный взгляд Данилова сказала: – Мягкий характер у человека, вот все, кому не лень, его и клюют...

Кафе располагало к себе чистотой, уютом и вкусными запахами, доносившимися с кухни.

– Предлагаю съесть первые чебуреки на брудершафт, – сказал Данилов, когда официантка принесла заказ – чебуреки и чайник с чаем.

– Это как? – не понял Рябчиков.

– Очень просто. Как съедим, так переходим на «ты».

– Договорились.

Первые чебуреки были съедены торжественно, в полном молчании.

– Откуда у тебя такое редкое имя? – спросил Данилов, разливая по чашкам чай.

– В эпоху немого кино был такой секс-символ, американский актер Рудольф Валентино, – усмехнулся Рябчиков. – А мама моя, царствие ей небесное, писала по немому кино кандидатскую. Дальше объяснять?

– Да нет, и так все ясно.

– У Шукшина в одном из рассказов говорится о том, что имя должно соответствовать фамилии. Очень верная мысль. Вот Рудольф Потоцкий или Рудольф Берг – нормальные сочетания, а Рудольф Рябчиков это еще хуже, чем Рудольф Нуриев. А вот брату моему повезло, его Анатолием назвали.

– В честь Папанова? – предположил Данилов.

– При чем тут Папанов? – слегка возмутился Рябчиков. – Я же сказал, что мама специализировалась на немом кино. В честь актера Кторов. Он и в звуковом кино играл, но блистал именно в немом.

– Не припоминаю что-то, – признался Данилов. – Я больше по современному кинематографу специализируюсь.

– Я тоже. Большею частью – для поднятия настроения. Вот сегодня приду домой, поставлю что-нибудь тупое-претупое вроде «Не грози Южному кварталу...» и постараюсь забыться.

– Есть от чего? – Данилов взял второй чебурек.

– Есть, – вздохнул Рябчиков. – Подлый Фантомас отобрал у меня маммографию и отдал ее подхалиму Барашко.

– Кто такой Барашко?

– Наш «узист». Жуткий подхалим, без мыла в задницу влезет, если надо. Совместительства ему захотелось, видите ли.

– Но маммография относится к твоей области, а не к ультразвуку.

– Совершенно верно, и маммограф стоит у меня в кабинете. Но у Барашко хренова куча специализаций – когда он только успел их набрать? – есть и эта. Короче, Фантомас сказал – наше дело выполнять. А так жаль терять полставки...

– Согласен, – кивнул Данилов. – А почему так случилось?

– Потому что Барашко подхалим! – Рябчиков с размаху поставил свою чашку на блюдце. – Он делает то, что ему говорит Фантомас и даже больше того! Фантомас сказал: «Нагрузка должна быть, иначе поликлиника недополучит причитающихся ей денег!», Барашко приписывает к реальным исследованиям еще три раза по столько. А я так не могу и не хочу, ведь это как ни крути, кража государственных денег, и случись что, то за жабры возьмут меня. Фантомасу-то что? Он в стороне. Его намеки к делу не подошьешь, а вот заполненные мною талоны – пожалуйста.

– Это так, – согласился Данилов.

– Чего ради я должен подставляться?! – продолжал кипятиться Рябчиков. – Какой у меня здесь может быть интерес?! Пятьсот рублей к премии за сознательность?! Оно мне надо?! Я вообще предпочитаю не нарушать законов. Так спокойнее.

– Конечно, спокойнее.

– А Барашко рассуждает иначе. Для него главное, чтобы Фантомас был доволен. Так, чего доброго, ему и весь рентген отдадут, а меня того... коленом под зад.

– Велика беда! – хмыкнул Данилов. – Я уверен, что работу вроде этой ты найдешь сразу же. Рентгенологи в Москве нарасхват, или я что-то не понимаю?

– Все ты понимаешь. Но есть еще одно обстоятельство личного характера – Юлия Козовицкая. Если я уйду работать в другое место, то я ее потеряю.

– Так сразу и потеряешь? – не поверил Данилов.

– Да, так сразу. Наши отношения пока еще опираются только на мой энтузиазм, впрочем, у нас и отношений-то никаких нет... Пока только хочется, чтобы они были.

– Ну так действуй.

– Я действую, только пока не очень результативно, – снова вздохнул Рябчиков. – Юлия очень сложный человек... Знаешь, из тех, про кого пел Миронов в «Двенадцати стульях». Помнишь: «И тогда вы скажете кому-то, где-то на закате ваших лет, что была, была одна минута, той любви, которой больше нет».

– К чему ты это вспомнил?

– К тому, что пусть я все это на самотек, Юлия так и не поймет, что я ее люблю, или поймет, но слишком поздно. Это ничего, что я так разоткровенничался?

– Все нормально.

– Вот и выходит, что терять свое место мне нельзя. Но насчет рентгена это я так, паникую... Куда Барашко к его полутора ставкам на УЗИ с маммографией еще и рентген? Это физически невозможно. Ну, как чебуреки?

– Вкусные, – похвалил Данилов. – Ты молодец, что затащил меня сюда.

– Сейчас еще хачапури возьмем!

– Нет, я лучше сегодня не буду изменять чебурекам, – возразил Данилов, – а хачапури попробую в следующий раз. Не стоит смешивать впечатления.

– Ты однолюб, – констатировал Рябчиков.

– Я? – переспросил Данилов. – Да, наверное. Хотя однолюб должен любить что-то одно, а я люблю и чебуреки, и хачапури, только мешать их не хочу.

Из дальнейшей беседы Данилов узнал, что Рябчиков холост, что живет он недалеко от станции метро «Авиамоторная».

– Брату удалось очень удачно разменять оставшуюся от родителей сталинскую «трешку» на две приличные «однушки».

– Твой брат тоже врач? – спросил Данилов.

– Он актер, – с оттенком гордости сказал Рябчиков. – Снимается преимущественно в сериалах, но зато снимается много. Большею частью в комедиях. Вот, например, в «Бюро медвежьих услуг» он играет Леонида.

– Я не смотрю сериалы, – признался Данилов. – Не люблю всей этой растянутости.

– Даже «Доктора Хауса» не смотришь? – удивился Рябчиков.

– Начинал когда-то, но интерес быстро пропал.

– А я думал, что все врачи смотрят «Хауса»...

– Ага, а все милиционеры смотрят «Улицы разбитых фонарей», а все водилы – «Дальнобойщиков», – поддел Данилов. – Профессиональная кинематографическая деформация.

– Кстати, о деформации, – вспомнил Рябчиков. – Сдается мне, что на завтрашней конференции тебя будут учить жизни...

– Это совершенно бесперспективное занятие, – ответил Данилов. – А если не секрет, то за что? И откуда вообще информация?

– Информацию разнесло «сарафанное» радио, других достоверных источников в нашей поликлинике нет. А учить жизни тебя будут за излишнее самомнение.

– Все ясно, – сообразил Данилов. – Ветер дует все с той же стороны.

– А он у нас с другой стороны не дует, – Рябчиков пожал плечами. – Откуда ему еще дуть? Литвинова адекватна и вменяема, может, конечно, и строгость проявить, но ее строгость

всегда соразмерна тяжести твоего проступка. А вот Пахомцеву – хрен поймешь. Докопается к какой-то мелочи и давай волну гнать... Вот, например, Башкирцева, нашего хирурга, она просто не переваривает. А за что? За то, что у него по ее собственному выражению «глаза нехорошие». Может, ты ей кого-нибудь из прошлого напомнил? Может, хотела она очаровать кого-то, похожего на тебя, а он на нее и внимания не обратил. А может, у нее просто к имени «Владимир» идиосинкразия? Это – Пахомцева! Где она, там нет места логике. Она вообще с головой не дружит. А кстати, ты при ней случайно про фэн-шуй ничего плохого не сказал?

– Нет, на эту тему мы поговорить не успели.

– И не говори! Она страстная феншуистка. Года три уже, как прониклась. Одно время все стены у нее были увешаны талисманами и колокольчиками. Потом Фантомас психанул и предложил ей «или-или» – или убрать все, или подать ему заявление об увольнении. Ах, да – у нее еще шкаф тогда стоял не у стены, а посередине кабинета. Отражал лучи зла обратно в коридор.

Глава шестая

ЭТО – ПОЛИКЛИНИКА

– Я не собираюсь никого обвинять, я просто призываю вас всегда помнить о том, что все вы врачи, – вещала Пахомцева, – что все вы – коллеги, что все вы – сотрудники одной поликлиники, медицинского учреждения, славного своими традициями...

– Прямо не поликлиника, а Преображенский полк, – негромко сказал уролог Сабуров. – Какие тут могут быть традиции, в нашем курятнике?

– Ключ ближнего, гадь на нижнего, целуй в зад верхнего, – так же негромко ответил хирург Башкирцев.

– Вот, например, на прошлой неделе произошел такой случай. Наш физиотерапевт Владимир Александрович заподозрил, что пациенту, пришедшему к нему по направлению участкового врача, был выставлен не совсем верный диагноз...

Пахомцева почти не пользовалась косметикой и оттого обычно выглядела лет на десять старше своих «паспортных» пятидесяти. «Баба Яга, – подумал Данилов. – Только вместо избушки на курьих ножках у нее кабинет».

– Если брать в целом, то Владимир Александрович поступил правильно. Он обратил внимание коллег на то, что диагноз требует пересмотра. Это, как я уже сказала, правильно, но какую тактику выбрал при этом Владимир Александрович?

Многозначительная пауза.

– Тактику он выбрал совершенно неправильную. В корне неверную, чисто популистскую, нацеленную на снискание дешевого авторитета среди пациентов...

«Вот так раз! – удивился Данилов. – Что же она дальше наплетет?»

– Он демонстративно устроил прямо у себя в кабинете консультацию невропатолога, а затем отвел, да, буквально – отвел за руку пациента к заведующей вторым отделением, хотя можно было ограничиться обменом мнениями с участковым врачом...

– Я с этого и начал, – сказал Данилов. – Но ничего не добился.

Коканова, сидевшая в первом ряду, пробормотала:

– Конечно.

– Надо было правильно аргументировать свое мнение, – нахмурилась Пахомцева. – Светлана Владиславовна не поняла, о чем идет речь. Ей показалось, что вы просто не хотите назначать пациенту процедуры. А вы сразу же рванули с места в карьер... Чему вы улыбаетесь, Владимир Александрович? Разве я говорю что-то смешное?

– Это я с непривычки, – ответил Данилов. – Просто меня никогда еще не обвиняли в намерении подставить кого-нибудь из коллег.

– Почему же тогда в нашей поликлинике вы начали вести себя именно таким образом? – с ехидцей спросила Пахомцева.

– Ничего такого я не делал. Поняв, что у пациента не радикулит, а скорее всего, онкология, я позвонил участковому врачу, которая его ко мне направила, внятно объяснил суть дела и встретил непонимание. После этого мне пришлось обратиться к невропатологу и после его консультации сопроводить пациента к заведующей отделением, чтобы лично объяснить ей суть проблемы. Если бы доктор Коканова повела себя более разумно, то я бы ограничился тем, что попросил бы пациента вернуться к ней.

– Спасибо на добром слове! – громко сказала Коканова.

Некоторые из сидящих в зале рассмеялись. Данилова их смех слегка покоробил, но он предпочел не подавать виду.

– Давайте будем с большим пониманием относиться друг к другу! – призвала Пахомцева. – Давайте будем проявлять больше уважения! Давайте начнем заботиться не только о

том впечатлении, которое мы производим на наших пациентов, но и о репутации всей поликлиники, репутации наших коллег...

– Блюдите честь мундира, короче, – прокомментировал Башкирцев.

– К Владимиру Александровичу у меня есть и еще кое-какие замечания, – продолжила Пахомцева, – но я не стану все их озвучивать, потому что не вижу в этом смысла. Вы, доктор, человек новый, вы еще не до конца адаптировались в коллективе, вы еще не сработались, не притерлись, но я прошу вас думать не только о себе, но и о своих коллегах. Договорились?

Данилов молча кивнул. Что толку спорить? Выйдет скандал и ничего больше. Умные и так понимают, что Пахомцева, попросту говоря, несет чушь, а дураков, во главе с заместителем главного врача по клинично-экспертной работе, все равно не переубедить. Лучше подождать дальнейшего развития событий – может, Пахомцева натешится, да и оставит его в покое. Внушало надежду и то, что главный врач не принимал ровным счетом никакого участия в шельмовании Данилова. Он молча дождался, пока Пахомцева усядется на свое место и сказал Бариновой:

– Прошу вас, Светлана Георгиевна.

Главная медсестра встала и сообщила, что все сотрудники, имеющие несовершеннолетних детей, могут получить у нее билеты на новогоднюю елку.

– По билету на ребенка! – строго сказала она. – Напоминаю, что взрослым билеты не полагаются.

– А где будет проходить елка? – спросили с места.

– Как всегда – в музыкальном театре Усачева, – ответила Баринова. – Билеты на Кремлевскую елку до нас не доходят.

– У Усачева елки лучше! – заявила заведующая первым терапевтическим отделением. – Они такие камерные, домашние, совсем не суматошные. И ехать недалеко. А подарок там всегда дают такой, что мои обжоры его за два дня съесть не могут...

Затем встала Литвинова и долго говорила о завершении года, сдаче всех отчетов, исправлении неправильно поданных талонов и всем таком прочем.

– В любой момент вы можете подойти к Алле Евгеньевне для сверки...

Данилов не знал, кто такая Алла Евгеньевна, но догадался, что это местный статистик. Не простой, разумеется, а медицинский, как и положено в медицинском учреждении. Медицинский статистик – это врачебная специализация.

– Повезло тебе, – сказал сидевший рядом Рябчиков. – Пришел под самый конец года, отчет с тебя требовать не будут.

– По идее, за три декабрьские недели все равно придется отчитаться, – предположил Данилов.

– Этот отчет спокойно напишет твоя медсестра. Если он вообще понадобится. А ты молодец – спокойно реагируешь на критику.

– Привык уже...

Данилов пообещал себе, что впредь станет заниматься только своей непосредственной работой, физиотерапией как таковой, и не будет обращать внимания ни на что другое. Каждому, как говорится, свое.

Однако долго не выдержал – в тот же день нарушил данное себе обещание. Произошло это совершенно случайно. Какой-то не в меру прыткий менеджер по продажам медицинского оборудования позвонил в регистратуру и, представившись сотрудником департамента здравоохранения, потребовал позвать к телефону врача-физиотерапевта. Уловка сработала – Данилова позвали, да еще всполошились немного, как же – из самого департамента звонят.

– Простите мне мою уловку, доктор, но мне надо узнать у вас потребность...

– Так вы не из департамента? – уточнил Данилов.

– Нет, я представляю фирму, – собеседник произнес длинное название похожее на «Медсантрудпросветтрейд». – Мы предлагаем самое современное медицинское оборудование...

– Молодой человек, – строго и веско сказал Данилов. – Никогда больше не звоните мне, да еще с такой помпой. Вы меня поняли?

В трубке послышались короткие гудки.

Войдя в регистратуру, Данилов сразу же подошел к телефону, не обращая внимания на то, что творится вокруг. Теперь же он увидел, что на двух сдвинутых вместе банкетках лежит полураздетый пожилой мужчина, опутанный проводами. Медсестра снимала кардиограмму на переносном кардиографе, а врач Овечкина изучала ленту сразу по выходе из аппарата.

– Ничего страшного, – успокаивающе говорила она. – Обычная ишемия. Кардиолог уже ушла, вы сейчас посидите немного, отдышитесь и ступайте домой. А завтра придете к Норе Ефимовне...

Из чистого любопытства Данилов через плечо Овечкиной взглянул на кардиограмму.

– Можно вас на секундочку, доктор?

– Вы что, не видите, что я занята? – высказалась Овечкина, но тем не менее вышла за Даниловым в коридор.

– Это не ишемия, а начало инфаркта, – сказал Данилов. – Сегмент «эс – тэ» уже попер вверх...

– Это наводка, – возразила Овечкина. – Вы, доктор, не знаете особенностей нашего аппарата.

– Зато я умею читать кардиограммы. Мужика надо госпитализировать с острым инфарктом.

– Правильно говорила про вас Татьяна Алексеевна, – Овечкина поджала губы. – Вы только и ищите повода блеснуть умом. Идите, доктор, и не мешайте мне делать мою работу. Это больной с моего участка и в услугах физиотерапевта он не нуждается!

– Дурака учить, что мертвого лечить, – сказал Данилов и чуть ли не бегом поднялся по лестнице на четвертый этаж.

Заместителя главного врача по медицинской части Данилов нашел в ее кабинете. В ответ на недоуменный взгляд – что вам здесь надо? – сказал:

– Надежда Семеновна, в регистратуре доктор Овечкина намерена отпустить домой мужчину со свежим инфарктом. Я пытался вмешаться, но она мне не поверила.

Литвинова выскочила из кабинета, даже не заперев дверь. Данилов счел свой врачебный долг выполненным и вернулся в кабинет – продолжать прерванный прием. Правда, принимать было некого – в преддверии Нового года людям было не до физиотерапии.

– Как долго вас департамент пытал, – посочувствовала Оксана. – Что им было надо?

– Да это не из департамента звонили, – ответил Данилов. – Так, идиотская шутка.

Рассказывать Оксане про Овечкину не стал, в лом было. Но в итоге рассказать пришлось, потому что минут через двадцать в кабинет вошла Литвинова.

– Оксана, не бледней, я не с проверкой, – сказала она, опускаясь на стул. – Я к Владимиру Александровичу, чтобы сказать спасибо. Вы были правы, там инфаркт. «Скорая» его уже увезла. Вы правильно поступили, что сразу же пришли ко мне.

– На следующей конференции мне снова достанется, – улыбнулся Данилов.

– На следующей конференции достанется доктору Овечкиной! – пообещала Литвинова. – Знаете, я вот сколько работаю, столько и не понимаю – почему расшифровка кардиограмм выделена у нас в отдельную специальность? Во всем мире, насколько мне известно, врачи читают кардиограммы самостоятельно, без «расшифровщиков». Вот и мучаемся. Наш кардиолог ежегодно проводит с участковыми врачами занятие по экагэ. Из года в год долбим одно и то же – признаки острого инфаркта миокарда и угрожающих жизни аритмий. И какой резуль-

тат? Нулевой! Потому что все привыкли к тому, что кардиограмму им расшифруют и поднесут на блюдечке. Эх!

– Обошлось – и слава богу, Надежда Семеновна, – сказала Оксана.

– Когда-нибудь не обойдется. Ладно, пойду к себе. Владимир Александрович, в подобных случаях, не вступая в споры, сразу же приходите ко мне. Договорились?

– Договорились, Надежда Семеновна.

– Овечкина – это ходячий анекдот, – сказала Оксана, когда заместитель главного врача ушла. – Дура непрошибаемая. Иногда даже поверить трудно, что она в институте училась. В сентябре бабку с дизентерией две недели лечила на дому от обострения хронического гастрита...

– Может, хоть колита, а не гастрита? – предположил Данилов.

– Нет, именно что гастрита. Старуха чуть лапы не склеила. Спасибо, «скорая» ее в инфекцию увезла. А по весне она не госпитализировала женщину с внематочной беременностью. Посоветовала лежать и грелку к животу прикладывать. Ничего, муж сам вечером «скорую» вызвал, спас жену, можно сказать. Потом приходил в поликлинику скандалить... А иногда на Овечкину нападает зуд госпитализации – ходит по вызовам и всех подряд в стационар кладет по «скорой». Причем диагнозы ставит самые убойные, которые без обследования не снимешь. Такое у нее дня три длится. Вот уж больным радость!

– Это уже не врач, а мина замедленного действия, – оценил Данилов. – И давно она в поликлинике работает?

– Не поверите – то ли пятнадцать, то ли семнадцать лет. Но никак не меньше пятнадцати. Ее трогать бояться, знаете, как говорят – не тронь, вонять не будет. Если ее уволить, то всей администрации придется увольняться следом, потому что Вера Владимировна затрахает кляузами во все инстанции. Причем писать она будет со знанием дела, не с потолка факты брать. Кому ж охота связываться? Вот и работает наша Вера Владимировна. Медсестры от нее бегут, потому что она обожает на дому уколами лечить. Ну я понимаю, когда при пневмонии антибиотики колют – тут уж деваться некуда, но чтобы всем бабкам по кругу инъекции витаминов назначать – это уже разврат! Сейчас к ней Тоню Лисицыну посадили, до очередного запоя...

«Не поликлиника, а какой-то приют грешников», – подумал Данилов.

В его представлении, врачей, не умеющих диагностировать инфаркт и рекомендующих теплую грелку при «необследованных» болях в животе, следовало лишать диплома.

– В первом отделении тоже хватает клоунов, – продолжала Оксана. – Один Низматов чего стоит. А Лебедев? Вот уж тормоз, так тормоз! Одного больного по часу принимает, что там час можно делать? Представьте себе, с какой скоростью он по вызовам ходит... Многие спать ложатся не дождавись, а на завтра жалобы пишут. Вызовы, если брать по уму, должны быть обслужены в часы работы поликлиники, то есть до восьми вечера, а не в полночь-за полночь. Но зато Лебедев – очень заботливый муж. Жене по пять раз в день с приема названивает: «Катюша, не забудь надеть теплые штанишки, сегодня холодно», «Катюша, не забудь взять шарф», «Катюша, не задерживайся на работе». Лизка разок удивилась, как с таким тормозом вообще жить можно, а я ей сказала, знаешь, подруга, если он и главное дело так же надолго растягивает, то только с ним и жить!

– Нет ли желания написать историю двести тридцать третьей поликлиники? – поинтересовался Данилов, поняв, что по собственному почину Оксана не замолчит. – При такой-то осведомленности...

– Я вам, доктор, помогаю освоиться, – обиделась Оксана, – в курс дела ввожу, что да как. А то вот вы, к примеру, в присутствии кардиолога скажете что-нибудь про участкового терапевта Ханину и наживете себе сразу двух врагов, потому что Нора Ефимовна и Тамара Ефимовна – родные сестры.

– Вот это полезная информация, – одобрил Данилов. – Надо запомнить. А кто еще из сотрудников состоит в родстве друг с другом.

– Больше никто. Но вам не помешает знать, что доктор Коканова крутит роман с урологом, а то мало ли, вдруг она вам нравится.

– Скорее всего мы оба взаимно не нравимся друг другу.

– Оно и к лучшему, – одобрила Оксана. – Коканова ужасно приставучая...

Через полчаса Данилову уже казалось, что он работает в двести тридцать третьей поликлинике чуть ли не со дня ее основания. Чужим мнением и сплетнями руководствоваться, конечно, не следует, но представлять, кто тебя окружает, просто необходимо. Хотя бы для того, чтобы вести себя правильно с каждым из коллег. Собственный опыт, он, конечно, лучший из учителей, но в процессе его накопления можно испортить отношения со всей поликлиникой.

Под конец Оксана осмелела настолько, что дала Данилову совет. Как ей казалось – хороший.

– Вот с Пахомцевой у вас не сложились хорошие отношения, доктор, но все можно поправить. Возьмите коробку конфет подороже, купите бутылку «Мартини» и поздравьте ее с наступающим Новым годом. Татьяна Алексеевна любит, когда ей оказывают уважение.

– Это уже не уважение, а «пресмыкание», – заявил Данилов. – Спасибо за непрошенный совет, конечно, но он мне не подходит. Не мой стиль.

– Дело хозяйское, – не стала настаивать Оксана. – Только учтите, что с Пахомцевой лучше жить в мире.

– Со мной, представьте себе, тоже, – ответил Данилов. – При случае можете передать это Татьяне Алексеевне.

– Я из этого кабинета ничего наружу не выношу! – заявила Оксана.

«Так я тебе и поверил», – подумал Данилов.

– Ну и как впечатления от поликлиники? – спросила вечером Елена.

– Чем дальше, тем больше начинаю ценить «скорую помощь», – ответил Данилов. – Это же не работа была, а сплошной праздник. Начальство видел только по утрам, минут десять, а после сутки работал сам по себе.

– Кто мешает вернуться?

– Это уже пройденный этап. Да и не хотелось бы всю жизнь провести в разъездах... А потом мне нравится то, чем я сейчас занимаюсь. Правильно подобранная физиотерапия приносит людям реальную и очень ощутимую пользу. Приятно, черт возьми. Я вот интуитивно чувствую, что все мои метания из специальности в специальность закончились. Все, побаловались и будет!

– А все-таки зря ты не стал продолжать карьеру на «скорой», – вздохнула Елена. – У тебя к этому были все предпосылки...

– Никаких предпосылок не было! Я не администратор, а практик. И в глубине души убежденный анархист. Работать люблю, а подчиняться – нет!

– Ты знаешь, я это давно заметила, – рассмеялась Елена.

– Тогда зачем заводить разговор о моей вероятной карьере на «скорой»? Лучше расскажи о своих перспективах. Или они еще не прояснились?

– Прояснились, – на лице Елены не было и тени радости. – Гучков считает меня паровозом, способным «вытянуть» отстающих. Сперва мне дали одну из худших подстанций, теперь дают самый разболтанный регион.

– Я всегда думал, что самый разболтанный регион – наш.

– Зря ты так думал.

– А в чем там проблемы? Конкретно?

– Частая смена заведующих подстанциями в последние два года, необоснованное благодушие директора региональной зоны... Знаешь, как бывает – все недочеты считаешь мело-

чами, которые утрясутся сами собой, а когда поймешь, что все плохо, уже и не знаешь, что делать. Как следствие – резкое падение дисциплины. На той подстанции, которой я буду заведовать попутно с директорством, две бригады в полном составе отправились на нарвы за торговлю наркотиками, один врач избил на вызове пациента, да так, что тот чуть не умер...

– Причина?

– Нахамил якобы. Да разве в причине дело? Все, хватит. Одним словом – там полная задница. А перспективы у меня такие – если за полгода изменю ситуацию, то из исполняющей обязанности стану «полноценным» директором региональной зоны, самой молодой в истории, заметь себе!

– А если не изменишь?

– Останусь заведовать подстанцией. Уж одну подстанцию я до ума доведу, есть опыт. С той только разницей, что на работу придется ездить куда дальше.

– А когда-нибудь... – Данилов мечтательно закатил глаза.

– Главным врачом «скорой помощи» я не стану, – оборвала его Елена. – Можешь не надеяться. Не тот у меня калибр!

– На мой взгляд, калибр у тебя тот что надо! – серьезно сказал Данилов. – Самый лучший калибр. Я, правда, не совсем понимаю, как можно оценивать женщин по этому параметру, но то, что ты лучше всех – знаю наверняка!

– Боже мой! – всплеснула руками Елена. – Какой закрученный комплимент! Это тебя в поликлинике так обтесали?

– Меня там могут только обломать! – вырвалось у Данилова.

Сказавши «а», надо говорить и «б», поэтому пришлось рассказать Елене о трениях на новой работе.

– Змеиное гнездышко, – высказалась Елена, когда Данилов замолчал. – Своих покрываем, не совсем своим ставим подножки. Знакомая ситуация... Жаль мне эту вашу зама по экспертизе.

– Почему?

– Доведешь ты ее до ручки. Она еще плохо понимает, с кем связалась.

– Я миролюбивый, покладистый, даже немного застенчивый и всегда готов идти на уступки.

– Рассказывай тем, кто помоложе и поглупее. Меня не проведешь. Я тебя так давно знаю...

– Кстати, насчет «так давно», – спохватился Данилов. – Когда мы подаем заявление?

– Давай в первые же рабочие дни нового года, – предложила Елена. – Чтобы у нас с тобой это дело не переходило бы с одного года на другой. Я не слишком суеверна, но мне почему-то так хочется.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – согласился Данилов. – Но больше – никаких отсрочек!

– И учти, что как только мы подадим заявление, тебе нельзя будет меня домогаться...

– Почему?

– Потому что жених и невеста должны поддерживать исключительно платонические отношения, – Елена подмигнула Данилову и показала ему язык. – А то можно пресытиться и передумать жениться.

– Если я не пресытился тобой за все эти годы, то уж из-за одного месяца можешь не волноваться, – Данилов так же подмигнул в ответ, но язык показывать не стал. – К тому же я могу задействовать личные связи и попросить, чтобы нас расписали сразу же. Разживусь в поликлинике справкой о твоей беременности и...

– Нет! – Елена покачала головой. – Никаких липовых справок! Я не хочу начинать официальные отношения с обмана и потом... мне же нужно время, чтобы проверить свои чувства и разобраться в них.

– Ну раз так... – Данилов развел руками, демонстрируя отсутствие возражений. – Поступай как знаешь. Сама же первая нарушишь хрупкий «платонизм» наших отношений!

– И обвиню во всем тебя! Скажу, что ты меня соблазнил и обесчестил!

– Дай бог памяти, в каком это году... – сказал Данилов и тут же получил довольно увесистый подзатыльник.

За что – так и не понял. Уточнять не стал, просто счел его своеобразным, очень оригинальным выражением любви.

Глава седьмая

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРЕДНОВОГОДНИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Первым, кого увидел Данилов в поликлинике в последний рабочий день старого года, был Рябчиков. Рудольф Иванович стоял у окошка аптечного пункта и обменивался любезностями с аптекаршей Таней, за свои необъятные размеры прозванной Крошкой.

– Есть, есть высшая справедливость! – воскликнул он, устремляясь с протянутой рукой навстречу Данилову.

– Тебя назначили главврачом? – спросил Данилов, пожимая руку Рябчикова.

– Еще лучше! – объявил Рябчиков. – Подлый Барашко низвергнут и маммография остается при мне.

– «Король Лир», трагедия Шекспира, акт второй, – прокомментировал Данилов.

– Пойдем к тебе, я там все расскажу! Это долгая история!

Долгая история уложилась в десять минут – время, оставшееся до начала приема. Кроме Данилова, ее с удовольствием выслушала Оксана. Медсестра Лиза тоже бы не отказалась послушать Рябчикова, но она, использовав скопившиеся отгулы, еще вчера укатила на свою историческую родину – праздновать Новый год с родителями и семьей брата.

Врач-«узист» Барашко год назад женился. Его избранница была чуть ли не вдвое младше него – двадцать три против сорока двух. Разумеется, молодая жена требовала затрат, и немалых. Помимо основной работы в поликлинике и всех примыкающих к ней совместительств, Барашко пристроился делать УЗИ в один из небольших медицинских центров где-то в районе Таганки. Там с него тоже требовали нагрузку, причем в денежном выражении, то есть ничего приписать, как в поликлинике, было нельзя. К тому же от сумм, внесенных в кассу его клиентами-пациентами, Барашко официально имел двенадцать процентов личного дохода. Если клиент пер косяком, то выходило очень прилично. Даже с учетом высоких потребностей молодой жены.

Очень скоро Барашко начал «перебрасывать» пациентов из поликлиники в медицинский центр. Делалось это просто. Всякий, производивший мало-мальски платежеспособное впечатление, слышал от доктора по завершении «осмотра»:

– К сожалению, этот аппарат не позволяет провести исследование с большой точностью. У меня остались кое-какие сомнения. Вот если бы у вас была возможность прийти ко мне на другой работе, где в моем распоряжении гораздо более лучшая техника, то...

– Найдем возможность! – обещали доверчивые пациенты и интересовались адресом.

– Нижняя Старгородская двенадцать, вход с торца под вывеской «Медицинский центр», – отвечал Барашко и добавлял: – Только это частная клиника, и обследование там платное.

Все, как один, соглашались. Барашко имел очень представительную внешность (высокий рост в сочетании с дородной комплекцией, умные глаза за стеклами очков, вальяжные манеры) и вообще умел, если надо, быть убедительным.

«Погорел» он, когда одна, не в меру внимательная пациентка, бухгалтер по профессии, обратила внимание на то, что оба аппарата для ультразвукового исследования, что в поликлинике, что в медицинском центре, похожи друг на друга как две капли воды. Они и впрямь были совершенно идентичными, одна и та же модель, никакой разницы. Можно представить себе степень негодования пациентки, понявшей, что ее просто «развели» на второе, точно такое же исследование, только платное. Было с чего превратиться в злобную фурию.

Скандалом в медицинском центре злобная фурия не ограничилась – настрочила жалобу в департамент здравоохранения. Оттуда ее переслали главному врачу поликлиники и велели

разобраться и доложить. Главный врач вызвал Барашко на ковер и наорал на него, угрожая выгнать по статье, за поступки, несовместимые с высоким званием врача. Барашко то ли психанул, то ли испугался, но в итоге написал заявление об увольнении по собственному желанию.

– Поделом ему, негодяю, – радовался Рябчиков.

– Как будто он один этим занимается! – фыркнула Оксана. – Вон Лебедев всех богатых буратин посылает в клинику, где его жена заведует лабораторией.

– Лебедев не пытается отнять у меня маммографию, и поэтому меня не волнуют его шалости, – ответил Рябчиков. – Но конечно, рано или поздно, а он на этом погорит. В нашей конторе тайное быстро становится явным.

– Сабуров то и дело повторяет: «Чувствую себя, как Штирлиц в фашистском окружении», – сказала Оксана.

– Если бы Штирлиц бухал, как Сабуров, то его сразу же разоблачили бы, – сказал Рябчиков. – Арийцы на работе не нажирались.

– Зато он веселый, – заступилась за уролога Оксана. – И как мужчина активный.

– Очень активный, – согласился Рябчиков, – как начнут они с Кокановой «мебель двигать», так у меня все их возвратно-поступательные движения слышны. Но он тоже не претендует на маммографию и потому...

– Имеет право жить так, как ему хочется, – закончил фразу Данилов.

– Вот именно! – подтвердил Рябчиков. – Хоть с Кокановой, хоть с Пахомцевой.

– Последний день года без новостей никогда не обходится, – сказала Оксана. – И без геморроев тоже.

– Не надо каркать! – Рябчиков умоляюще поднял ладони. – Нам всем надо одно – спокойно доработать и начать праздник праздновать. Столько дней свободы подряд – это же превосходно! Это самый лучший подарок. А то порой чувствую себя говорящим придатком к рентгенаппарату. Поставил, вышел, включил, выключил, проявил, описал... Разве ж в этом мое высокое предназначение?

– А в чем же? – улыбнулся Данилов.

– На этот вопрос сразу так не ответишь, – озадачился Рябчиков, – но уж точно не в том, чем я занимаюсь.

Тут в кабинет вошла первая за день пациентка и интересный разговор пришлось прекратить.

Оксана накаркала верно – в последний рабочий день уходящего года поликлиника пережила еще два потрясения – угрозу судебного иска и нападение на участкового врача.

– Где тут ваш Назаров?! – громко спросила женщина в норковой шубе и норковой же шапке у охранника. – Я пришла в глаза его бесстыжие посмотреть!

Охранник имел богатый жизненный опыт и прекрасно представлял себе, что «посмотреть в бесстыжие глаза» всегда, ну, или почти всегда, заканчивается если не дракой, то хорошим скандалом.

– Назаров уволился, и нам неизвестно, где он теперь работает!

– Тогда я поговорю с главным врачом! – благодаря более чем двойному преимуществу в весе женщина легко оттеснила охранника плечом и пошла вперед.

– Шубу в гардероб сдайте! – закричал охранник, помня свой долг. – Нельзя в медучреждение в верхней одежде!

– Вот тебе! – посетительница показала охраннику кукиш. – Чтобы я в ваш сраный гардероб свою шубу сдала, а вы ее сразу же украли?! Не дождетесь такого счастья!

– Нужна нам твоя шуба! – мгновенно отреагировала гардеробщица. – Люди, посмотрите-ка на эту хабалку! Явилась в поликлинику, чтобы своей шубой похвастаться, и еще хамит! Да нужна нам твоя шуба! Видали мы и получше! Ты лучше скажи, каким местом ты ее заработала?! Или поносить взяла?!

– Заткни пасть! – посоветовала хозяйка шубы. – Оттуда воняет!

Она совершила большую ошибку, вступив в перепалку с гардеробщицей Валентиной Павловной. Никто в поликлинике, включая и главного врача, никогда бы не позволил себе подобной оплошности. Валентина Павловна никогда не лезла за словом в карман, не признавала никаких авторитетов, кроме давно умершего товарища Сталина, и никогда не замолкала первой – хоть два часа с ней пререкайся. Она была не просто мастером слова, но мастером слова художественного, и к тому же великой выдумщицей, легко, не на ходу, а прямо-таки на лету, придумывавшей своим оппонентам различные грехи.

Вот и сейчас Валентина Павловна вышла из-за прилавка, чтобы ее было лучше видно, скрестила руки на груди и громко сказала:

– Это от твоей шубы воняет, тварь, потому что ты ее с мертвого человека сняла!

– С какого мертвого человека?! – выпучила глаза соперница.

– С какого?! – хмыкнула Валентина Павловна, обводя глазами зрителей. – Она еще спрашивает – «с какого»? Да со своей свежеснятой ты ее и сняла! Представляете? Из-за шубы человека отравить! Да еще пожилого! Эх, народишко... Тьфу!

У соперницы хватило ума ничего не отвечать. Она поспешила к лифту, а Валентина Павловна с гордо поднятой головой вернулась к себе, как следует хлопнув откидной частью прилавка. Раздавшийся звук был для нее чем-то вроде победного залпа из всех орудий.

– Ну, тетя Валь, у тебя язык, что бритва! – восхитился охранник. – Как ты ее, а?! Наповал!

– Пусть скажет спасибо, что я при исполнении! – сказала Валентина Павловна. – Попадись мне такая в автобусе – по потолку бы размазала. Ишь ты, шубу она мне не доверит! Да я такое говно в свой гардероб не повешу, даже если меня на коленях умолять будут!

Заместитель главного врача по медицинской части к шубе цепляться не стала. И так, по заплаканному, раскрасневшемуся лицу видно, что не с добром человек пришел. Не стоит подливать масла в огонь.

– Вот, смотрите! – посетительница достала из сумочки несколько бумажек и положила их перед Литвиновой. – Это анализы моей матери Чуйкиной Марии Ивановны, проживающей по Второму Лермонтовскому проезду, дом два, квартира тридцать девять!

Дом номер два по Второму Лермонтовскому проезду пользовался в поликлинике недоброй славой. Самые скандальные-прескандальные люди жили в этом доме, построенном в начале девяностых годов прошлого века. Не проходило и недели, чтобы этот дом не напомнил о себе в поликлинике какой-нибудь неприятностью, зачастую и крупной.

Бумажки оказались анализами крови на сахар. Четыре анализа, взятых у Чуйкиной Марии Ивановны в этом году с промежутком в месяц-полтора между ними.

– Вы видите?! – Посетительница села на один из свободных стульев и расстегнула шубу – Везде сахар повышен, и значительно, причем от анализа к анализу все выше и выше!

– У эндокринолога консультировались? – спросила Литвинова, возвращая анализы.

– В том-то и дело, что нет! – Женщина убрала бумажки обратно в сумку. – Доктор Назаров наблюдал маму на дому. Несколько раз назначал ей кровь на сахар, тоже на дому, потому что мама никуда не выходит...

– Почему вас волновало содержание сахара в крови? Были какие-то предпосылки?

– Маму беспокоила сухость во рту, сильная жажда, слабость. Назаров назначал анализ, спустя неделю я звонила ему и слышала в ответ, что сахар в пределах нормы и что в сухости виноваты новые зубные протезы. Если помните, года полтора назад я брала у вас справку, что мама по состоянию здоровья нуждается в стоматологической помощи на дому.

– Нет, не припоминаю.

– Это неважно. Важно то, что все четыре анализа были повышенными, а Назаров не обращал на это внимания! – Женщина начала заводиться. – Талдычил все одно и то же – про

зубные протезы. Позавчера маму в коме увезла «скорая»! Она теперь лежит в реанимации! А вчера мой муж получил у медсестры вот эти анализы!

– У какой медсестры?

– Он заезжал не в нашу смену – работало другое отделение, и медсестра, сидевшая в назаровском кабинете, нашла ему эти анализы. Но почему-то не сказала, что Назаров уже не работает! А то бы я сегодня и не пришла! Мне хотелось поговорить именно с Назаровым!

«Какое там «не пришла», – подумала Литвинова. – Конечно же пришла бы. Вот же, узнала, что Назаров уволился, а до меня добралась. Медсестер, конечно, надо будет снова предупредить, чтобы не давали никакой информации людям с чужих участков. Все беды отсюда, от лишней самостоятельности...»

– К сожалению, доктор Назаров у нас больше не работает.

– «К сожалению»? Да вы радоваться должны, что избавились от такого раздолбая! Впрочем, Назарову я просто хотела в глаза посмотреть и спросить, как же он так мог? И ведь терпели его, интересовались, чувствовали, что дело неладно! Вот как так можно? Разве это нормально?

– Нет, конечно. Если бы Назаров продолжал бы работать у нас, то мы непременно наказали бы его...

– В первую очередь наказывать нужно вас! – заявила посетительница. – Рыба тухнет с головы, не так ли. Вы – администрация, и вы должны обеспечить нормальную работу ваших сотрудников! Это вы должны интересоваться, не завалились ли где у врачей анализы!

– Мы интересуемся...

– Плохо же вы интересуетесь! Сидите тут себе и чай гоняете. А меня, между прочим, сейчас на входе оскорбила гардеробщица! Ладно – что взять с некультурной старухи! А вот на вас, на поликлинику, я подаю в суд! В следующий раз мы с вами встретимся в зале суда и не исключено, что вы, вместе с главным врачом, лишитесь не только своих мест, но и свободы!

Окинув Литвинову с ног до головы взглядом, полным презрения, женщина ушла, забыв закрыть за собой дверь.

«Напугала ежа голый задницей!» – усмехнулась Литвинова. Она закрыла дверь, заодно по пути посмотрелась в зеркало, висевшее над раковиной, уселась обратно и позвонила в регистратуру:

– Надежда Борисовна, найдите мне карту Чуйкиной Марии Ивановны, Второй Лермонтовский, два, тридцать девять.

– Сейчас найду и принесу, Надежда Семеновна!

Амбулаторная карта, как и ожидалось, требовала доработки. Надежда Семеновна нашла в органайзере мобильный телефон Назарова и позвонила ему.

– Але!

Судя по сонному голосу Назаров был дома или где-нибудь еще, но только не на работе.

– Все пьянствуем? – не здороваясь, поинтересовалась Литвинова.

– Надежда Семеновна! – узнал ее Назаров. – Какими судьбами? С наступающим вас!

– Взаимно! А вы еще на свободе?

– Что такое?! – всполошился Назаров. – При чем тут моя свобода?

– При том, что у меня только что была дочь Чуйкиной с твоего бывшего участка. Помнишь такую?

– Помню...

– И не одна, а со следователем, – Назарова следовало хорошенько впечатлить, чтобы он немедленно приехал переписывать карту Чуйковой. – Ты у Чуйкиной своевременно не выявил диабет, она впала в кому и... ничего хорошего, если коротко.

– Старуха умерла? – дрожащим голосом спросил Назаров.

– Собирается, – ответила Литвинова. – Короче – одевайся и пулей ко мне. Перепишешь кое-что в ее карте и тогда, может быть, останешься на свободе.

– Лечу, Надежда Семеновна! – завопил Назаров. – Всего лишь час, и я у ваших ног.

«Судиться ты с нами будешь! – злорадно подумала Литвинова. – Судись, судись, все равно ничего не добьешься. Видали мы таких. Только зря на адвоката потратишься и кучу времени потеряешь».

Надежда Семеновна повидала на своем начальственном веку таких судов. Все они заканчивались ничем, если, конечно, заранее были приняты соответствующие меры. Профилактика, она, как ни крути, основа основ. Болезнь лучше и легче предупредить, чем лечить. Предусмотрительность – залог победы.

Надежда Семеновна позвонила главному врачу, который с утра собирался заехать с поздравлениями в окружное управление здравоохранения, и сообщила ему новость.

– Я уж этого Назарова! – пообещал Антон Владимирович. – Не доктор, а горе.

– У нас таких половина поликлиники, – заметила Надежда Семеновна. – Вы-то как там, к нам сегодня заглянете?

– Конечно, мне же еще коллектив поздравлять.

Поздравление коллектива традиционно проходило в конференц-зале, где на столе, за которым обычно сидела администрация, накрывался фуршет по типу сборной солянки – кто что принес. Администрация традиционно не жаловала крепкие спиртные напитки, поэтому они прятались по углам под креслами и извлекались оттуда по мере необходимости. Завхоз Мария Осиповна приносила большой пластиковый мешок для мусора и в начале каждого праздника объявляла:

– Пустые бутылочки прошу не растаскивать по кабинетам, все равно ведь по вам видно, что шампанским вы не обойдетесь, а складывать в мешок.

Это был праздничный подарок санитаркам Нине и Алле, убиравшимся на третьем и четвертом этажах.

– А вы, доктор, собираетесь на сабантуй? – в половине третьего спросила у Данилова Оксана.

– Нет, наверное, – ответил Данилов, – меня никто не удосужился предупредить заранее, и я ничего не принес.

– А что предупреждать? – удивилась Оксана. – Я думала – вы в курсе того, что люди на работе отмечают Новый год. А насчет «ничего не принес» все еще можно поправить. Магазин через дорогу и сто метров вперед.

«А что? – подумал Данилов. – Новичку нельзя отрываться от коллектива. Зазнайкой сочтут».

Он вышел в коридор, убедился в том, что там никого нет, и, вернувшись в кабинет, стал расстегивать халат.

– Оксана, прикройте меня, если что.

– Не волнуйтесь, – заверила Оксана. – сама распишу процедуры, если кто-то припрется. Но это навряд ли. В ближайшие дни населению будет не до лечения. Вот начиная числа с четвертого – это да, толпой повалят. Но и то не к нам, а к участковым.

– Что лучше взять? – спросил Данилов.

– Портвейна и торт. Это всегда в струю.

Данилов, давно уже не употреблявший алкоголя, вернулся с двумя тортами, двумя литровыми пакетами апельсинового сока и пачкой овсяного печенья.

– Куда-то пропало овсяное печенье с изюмом, – сказал он. – Пришлось перейти на обычное.

– Пойдет за милую душу, – одобрила Оксана. – У нас всегда так, с выпивкой перебор, а закуски не хватает. А вы, что Владимир Александрович, совсем ничего не пьете? Даже шампусика.

– Даже шампусика, – подтвердил Данилов. – Хватит, я свою норму выпил.

– Вот ведь горе, – вздохнула Оксана. – Как только попадается непьющий и даже некурящий, положительный во всех смыслах мужчина, так он обязательно занят! А на свободных взглянуть тошно – сплошная пьянь.

– Хотите совет? – спросил Данилов и, после утвердительного кивка, продолжил: – Чем больше о чем-то думать, тем меньше шансов, что оно сбудется. Это как сон – пока думаешь, как бы заснуть, ни за что не заснешь. Как отвлекся – так и не заметил, как уснул. Задвиньте подальше этот ваш крик души насчет замужества и, я уверен, вы сразу же встретите подходящего во всех смыслах мужчину.

– А то я не задвигала, – Оксана вздохнула и махнула рукой. – Природа берет свое, на нее не задвинешь.

– Тогда меняйте место работы, – посоветовал Данилов. – В поликлинике подходящих вам мужчин редко встретишь. Идите хотя бы в какой-нибудь фитнес-клуб. Я одно время подрабатывал врачом в подобном заведении. Там контингент вполне для вас подходящий. Тем более у вас, кажется, корочки массажиста есть?

– Есть, – подтвердила Оксана. – И кое-какой опыт работы имеется.

– Так в чем же дело?

– Тяжела я на подъем, – призналась Оксана. – К новым людям с трудом привыкаю. А так ведь я еще и курсы парикмахеров окончила. Я тут полполиклиники стригу, учтите на будущее. Беру по-божески.

– Был у нас на подстанции доктор с очень подходящей врачу фамилией Могила... – вспомнил Данилов.

– Хороша фамилия.

– Однажды к нему на вызове пристали с вопросом: «чем вас отблагодарить?». Он и сказал – отблагодарите по-божески, если есть такое желание. Рассчитывал, конечно, на денежку или на бутылку приличного конька, раз уж сами набиваются. А в ответ услышал: «Хорошо, доктор. Будем за вас молиться».

– Нет, мне лучше деньгами, – рассмеялась Оксана. – Вам как непосредственному начальнику скидка пятьдесят процентов.

– Я учту, – пообещал Данилов.

В четыре часа дня все сотрудники, кроме двух, оставшихся на приеме участковых врачей и их медсестер, а также Надежды Борисовны из регистратуры, собрались в зале. Расставили на столе и по углам принесенные припасы и чинно расселись в ожидании главного врача.

Антон Владимирович был по-военному краток.

– С наступающим Новым годом вас, дорогие коллеги! – сказал он. – Каждый год мы надеемся на то, что все плохое останется позади, а впереди будет только хорошее. Желаю всем нам, чтобы эта надежда наконец-то сбылась. И пусть следующий год будет для нас спокойным и благоприятным. Не знаю, как вы, друзья, а я уже просто... задолбался жить в эпоху перемен!

Все дружно рассмеялись.

– Хочется спокойно жить и работать! Хочется счастья! С наступающим!

Под бурные аплодисменты, которым позавидовал бы и сам Леонид Ильич Брежнев, а уж он-то понимал толк в аплодисментах, Антон Владимирович ушел в свой кабинет переодеваться. Дома его сегодня ждали к девяти часам, а в пять у него была назначена весьма многообещающая встреча с тридцатипятилетней (если не врет) вдовой, выступавшей под ником Черная Лилия. Ее так и звали – Лилия. Опять же – если не соврала. С фотографии, присланной по электронной почте, на Антона Владимировича смотрела привлекательная брюнетка с

манящим взглядом огромных карих глаз и великолепными формами. Лилия сфотографировалась на фоне памятника Первостроителям Зеленограда. Сам памятник был типичным примером архитектурной безвкусицы, но зато недвусмысленно подтверждал относительную свежесть фотографии, поскольку был установлен недавно.

Антон Владимировича буквально достали особы (или, может быть – особи), привлекавшие мужчин фотографиями двадцатилетней давности.

В своей анкете Лилия сообщала, что ищет не спутника жизни и не спонсора, а чуткого и понимающего друга для редких, но запоминающихся встреч. Не женщина, а мечта! Мечта женатого мужчины. Чутким и понимающим другом симпатичной женщине готов стать каждый. Чуткость – это не спонсорство, она никаких трат не требует, а вознаграждается порой очень хорошо. Антон Владимирович отправился на встречу, полный самых радужных надежд...

Вскоре после ухода главного врача вечеринку покинули и остальные представители администрации. Тогда и началось самое веселье, с каждой минутой все больше и больше принимавшее характер разнузданного – народ накачивался алкоголем со страшной силой.

– У нас всегда так, – сказал Рябчиков.

Данилов волей-неволей прибил к малолюдной непьющей компании, состоявшей из Рябчикова, Козоровицкой, невропатолога Гаспаровой и окулиста Юнусовой. С одноразовыми тарелками (одноразовую посуду на все праздники обеспечивал хирург Башкирцев, жена которого работала в компании, эту самую посуду выпускавшей) они уселись в дальнем от орущего проигрывателя углу и вели светскую беседу.

С подачи невропатолога, заговорившей о сериале «Доктор Хаус», беседа съехала на вечную тему – разницу между отечественной и зарубежной медициной.

– Вы заметили, что там нет врачей, которые плохо разбираются в пограничных областях? – спросила невропатолог.

– Кино есть кино, Аида Ашотовна, – улыбнулась Козоровицкая. – «Доктор Хаус» – это сериал о гении и кандидатах в гении, которые работают у него под началом.

– Но они подаются не как гении, а как обычные врачи, умеющие делать спинальную пункцию, проводить эндоскопию, разбирающиеся как в болезнях крови, так и в эндокринологии, и в токсикологии.

– Если они не будут во всем этом разбираться, то не будет и сериала, – сказал Рябчиков. – Хотя в целом вы правы, требования к врачам там и здесь разнятся очень сильно. Это можно понять хотя бы при сравнении зарубежных руководств по специальности с отечественными. Там, кстати, и рентгенологов как таковых уже не осталось. Снимки делают техники, даже не медики, а оценивают их врачи, заказавшие снимок. Заключение рентгенологов там не нужны, так же, как и не нужны врачи, расшифровывающие кардиограммы. Если для снимка или скопии надо ввести контрастное вещество – это делает кто-то из лечащих врачей. Рентгенологи в странах капитализма давно стали радиологами.

– Там и подход к больному другой, – подала голос окулист. – Если вы обратите внимание, то ни в одном американском медицинском сериале не собирают анамнез так, как это принято делать у нас.

– Ой и не говорите, – поддержала Гаспарова. – Как вспомнишь в институте: «анамнез, анамнез, прежде всего анамнез», аж тошнит! У каждого больного описываешь подробный анамнезис витэ (anamnesis vitae – анамнез, или история жизни больного), затем идет анамнезис морби (anamnesis morbi – история болезни)... Напишешь меньше, чем на два листа, – профессор демонстративно разорвет их и вернет историю со словами: «учитесь слушать больных». А что там слушать? Нет, конечно, в диагностически сложном случае надо выпытывать у больного все подробности, чтобы, оттолкнувшись от них, поставить верный диагноз. Но когда перед тобой хроник с установленным в клинике диагнозом и совершенно ясным течением заболевания, нужен ли тут подробнейший анамнез?

– Разумеется – не нужен, – поддержал Данилов. – Все должно быть по уму. Насколько я понимаю – собирать подробнейший анамнез у нас принято от бедности. Чтобы после расспроса пациента обследовать его не полностью, а избирательно, в одном, наиболее предпочтительном направлении. В тех же Штатах пациенты обследуются куда шире. По тем сериям «Доктора Хауса», которые я видел, можно составить представление об их общем методе. Выявлен симптом, берем все заболевания, при которых он встречается, и начинаем проводить дифференциальный диагноз, обследуя пациента по каждому направлению. Этот метод более результативен, но и более дорог.

– «Помочь ничем не можем, так хоть поговорим», любил повторять один наш профессор, – сказал Рябчиков.

– Слово лечит, – добавил Данилов. – Особенно – если сказано от всего сердца.

– За словами, сказанными от всего сердца, сразу же следуют жалобы, – сказала Козоровицкая. – Чемпион нашей поликлиники – Сабуров, на втором месте – Башкирцев, а на третьем – наша пострадавшая Виктория Анатольевна.

– Букина?! – удивилась Гаспарова, обводя глазами зал. – А чем она пострадавшая? Слушай, а вправду – ее тут нет. Что случилось?

– Я думала, вы знаете, – Козоровицкая округлила глаза и сообщила: – Ее сегодня с вызова госпитализировали! По «скорой»! С сотрясением головного мозга!

– Бедная Вика! – всплеснула руками Гаспарова. – Куда только мэрия смотрит? На улицах худо-бедно лед чистят, а во дворах – как придется!

Данилову невропатолог Гаспарова напоминала наседку – невысокая, полная, подвижная и все время чем-то озабоченная. Полной ее противоположностью была окулист Мария Сергеевна – высокая, худая, спокойная до полной непробиваемости. Правда, пациентам удавалось и ее вывести из себя. Но нечасто – раза два в неделю, не больше.

– Там не лед виноват, Аида Ашотовна, а какой-то придурок, – продолжила рассказ Козоровицкая. – Пьяный в дребадан вызвал, чтобы получить больничный, а когда Букина ему отказала, набросился на нее с кулаками.

– Ой!

– Хорошо хоть ей удалось вырваться и выбежать на лестничную площадку. Так он и там ее бил, пока соседи не вмешались. Хотел с лестницы спустить.

– Вот сволочь! – высказала общее мнение Гаспарова. – Сажать таких надо!

– Надо, обязательно, – согласилась Козоровицкая. – В милицию его, во всяком случае, забрали, посмотрим, чем закончится. А Букину увезли в сто пятнадцатую больницу. Она звонила из приемного, мобильник у нее разбился. Хочет домой, кому охота Новый год в больнице встречать. Говорит, что уже ничего себя чувствует, как она выражается: «проблевалась и оклемалась». Невропатолог смотрел, травматолог смотрел, ждет, когда поведут на рентгенснимок черепа.

– Слава богу, что ничего серьезнее не случилось! – Гаспарова перекрестилась, Козоровицкая последовала ее примеру. – Я вообще удивляюсь – почему врачам не дают средства самообороны. Хотя бы травматические пистолеты.

– Ими надо уметь пользоваться, – сказал Данилов. – Даже баллончик со слезоточивым газом требует навыков, а уж травматические пистолеты...

– Да, Аида Ашотовна, – поддержала окулист. – Представьте себя с кобурой под мышкой. И на раз-два вам надо вытащить пистолет, прицелиться и выстрелить.

– Боже упаси! – отмахнулась Гаспарова. – Я хоть по квартирам не хожу. У нас все надомные выезды Маняка делает. Ему доплачивают, он рад, а я еще больше рада. Тут на приеме сидишь – и то людей боишься.

– Да, к вам самые нервные и идут, – посочувствовал Рябчиков. – Впрочем, все они психи.

– А я думаю, что если считаешь всех пациентов психами, то в медицине делать нечего, – сказала Козоровицкая.

– Юлия Павловна! – невропатолог чуть не подавилась только что откушенным куском торта. – Уж вам ли не знать, что представляет собой наше население. Они же все чуть что – сразу к вам бегут, правды искать! Здоровые на голову по поликлиникам не ходят, им работать надо. Так, раз в год придут за справкой или больничный по радикулиту откроют. А девяносто процентов ходят сюда, как в клуб. Выговориться, поскандалить, таблетками затариться. У моей подруги недавно свекровь умерла, инвалид второй группы. Так после нее огромная тумбочка лекарств осталась. Четыре здоровых ящика, набитые битком – капотен-мапотен, пирарцетам-мирарцетам... Короче говоря, подруга все это наследство собрала и к своей знакомой аптекарше подкатилась. Не выкидывать же. Та, конечно, взяла за треть цены, но восемь тысяч с чем-то подруге заплатила. Как раз пригодилось на поминки. А в коридорах только и скулят – врачи жадные, мало выписывают, мы таблеточки пополам делим, чтобы до новой выписки дотянуть... Можно подумать, что мы это от жадности. Я один раз бабушке, которая на дачу уезжала, выписала таблеток на полтора месяца, вошла, называется, в положение, так меня Пахомцева потом месяц мурыжила...

– Она умеет! – вставила окулист.

– «Как вы могли? Это же перерасход! А если она умрет за это время?». Я не выдержала и спросила: «А если я сейчас тут умру, Татьяна Алексеевна, тогда что? Вам не стыдно будет, что из-за трех копеечных рецептов вы мне уже который день мозг сверлите?» А ей хоть бы что! «У меня работа такая!» – вот ее ответ. Работу, между прочим, каждый сам себе выбирает и каждый сам для себя решает, останется он на этой работе человеком или собакой станет. Юлия Павловна, ничего, что я при вас, секретаре главного врача, критикую его заместителя.

– Критикуйте на здоровье, – улыбнулась Юлия Павловна. – Во-первых, я не наушничаю, здесь и без меня есть кому это делать. Во-вторых, светлая личность Татьяны Алексеевны даже у Антона Владимировича вызывает подобные эмоции, и это ни для кого не секрет. В-третьих, мы же уже не на работе, не так ли? Давайте поговорим о чем-нибудь праздничном! Например, о том, как кто планирует провести новогодние каникулы...

– Мой школьный товарищ зовет меня в Карелию, – сказал Рябчиков. – Лесной пансионат, зимняя сказка, настоящее Берендеево царство. А воздух какой... И пансионат не совковый, а новострой, со всеми полагающимися современными прибабасами. Только вот он с женой едет, а мне одному как-то не в кайф. Вот если бы было с кем, то я бы поехал.

Увы, его прозрачайший намек, да еще подкрепленный пламенным взором, пропал втуне – Козоровицкая и бровью не повела.

– Я дома буду сидеть, – усмехнулась Гаспарова. – Для меня это не каникулы, а каторга. Гостей встретить, гостей накорми, гостей проводи. И все я одна, у меня ни дочерей нет, ни невесток – только два сына-оболтуса. Слава богу, хоть за продуктами их с собой брать можно, чтобы сумки самой не таскать.

– А я на дачу уеду, с мужем, – сказала окулист Юнусова. – Отдохнем денька три от цивилизации, в баньку ходим, может быть, рискну в прорубь нырнуть.

– А я еще ничего так и не решила, – сказала Козоровицкая, старательно избегая взгляда Рябчикова, чтобы он не принял ее слова за намек на согласие. – Первого проснусь и решу. Спонтанно. А вы, Владимир Александрович, чего молчите? Или у вас жутко секретные планы на отдых?

– У меня, как и у вас, Юлия Павловна, нет никаких планов, – ответил Данилов. – Для меня понятия отдых и планы несовместимы.

Он на самом деле не знал, как именно проведет «каникулы». Знал только, что проведет их хорошо. Вместе с семьей.

Полностью дошедшая до кондиции основная масса сотрудников нестройно запела:

«Хэппи нью еа
Хэппи нью еа
Мэй уи ол хэв э вижн нау энд дэн
Оф э уоглд уэйг эвери нейбор из э фрэнд...»

– Какой прогресс! – восхитился Рябчиков. – В поликлинике на окраине Москвы сотрудники поют на английском!

– Нам пора, – Козоровицкая встала и одернула халат. – Скоро начнется оргия.

Глава восьмая ЭПИДЕМИЯ

– Владимир Александрович, вас ждет Надежда Семеновна! – сказала Лиза, стоило Данилову появиться в кабинете.

– Что, прямо так вот сразу? – удивился Данилов и пошутил: – Я в этом году еще ни дня не работал и, кажется, провиниться не успел.

– Не волнуйтесь, – Лиза приняла его слова всерьез. – Дело не в вас, а в эпидемии, которую объявили с сегодняшнего дня. Когда только успели?

– И что теперь?

– Участковые терапевты формально работают каждый день на час меньше, хотя это ни у кого не получится, но выходят в полном составе по субботам. А некоторые врачи-специалисты, такие как вы и ревматолог Воронова, отправляются на участок. На все время эпидемии. Приема у вас не будет, только вызовы.

– И все субботы тоже?

– Нет, у вас будет только одна рабочая суббота в месяц. Можете считать, что вам повезло, если по двадцать вызовов в день с трех участков можно считать везением.

– Переживем! – бодро сказал Данилов. – Как отдохнула-то?

– Прекрасно, – не слишком-то радостно ответила Лиза.

Данилов переоделся, переобулся и пошел к Литвиновой за инструкциями.

– Вы, Владимир Александрович, в терапии, конечно, разбираетесь?

– Вроде как да, – Данилов пожал плечами. – Как-никак на «скорой» работал.

– Вот и я так же думаю. Возьмите у Юлии Павловны свою личную печать, инструкцию по выписке больничных листов, инструкцию по выписке льготных рецептов и правила поведения при экстренных ситуациях на вызовах. Порядок экстренной госпитализации из дома вам известен?

– Конечно. Выписать направление и получить наряд на «ноль-три».

– Ну да, вы же со «скорой». Тогда, значит, к Юлии Павловне за печатью и инструкциями, а потом к Ирине Станиславовне. Она введет вас в курс дела. На время эпидемии вы прикрепляетесь к первому отделению. Настроение боевое?

– Рабочее, Надежда Семеновна.

– Вот и хорошо. Идите. Удачи вам.

– Спасибо.

Козоровицкая уже подготовила для Данилова отдельную папку с копиями инструкций.

– Распишитесь в журналах, где галочка, что вы ознакомились, чтобы потом не подниматься...

Данилов расписался.

– Получите печать, – Юлия Павловна вручила Данилову печать в плоском заворачивающемся металлическом футляре. – Штемпельную подушку вам лучше купить за свой счет. В поликлинике выдают кусок губки и флакон самой паршивой штемпельной краски. На вызовах – крайне неудобно, перепачкаете все, что только можно.

– Подушка не проблема, – заверил Данилов.

За печать пришлось расписаться аж в двух местах.

– Приказ на вас уже подписан, вы выходите на участок с завтрашнего дня. Сегодня входите в курс дела, запасайтесь всем необходимым, знакомьтесь с нюансами участковой службы. Отдохнули хорошо?

– Да, очень качественно. Хоть на лыжах от души накатался. А вы?

– Так себе, – поморщилась Козоровицкая. – Всегда хочется как лучше, а получается как всегда...

Заведующая первым отделением встретила Данилова радостно:

– Заходите, Владимир Александрович! Садитесь поудобнее и начнем. Вот вам бумага, может, что записать пожелаете.

Данилов сел за свободный стол, за которым обычно сидела старшая медсестра отделения, и приготовился слушать.

– Больничные листы получите в «Больничных листах». Берите не по двадцать, а по сорок, чтобы на день точно хватило...

«Ух ты!» – подумал Данилов, прикинув ожидаемую нагрузку.

– Инструкцию по выписке прочитали?

– Еще нет.

– Я скажу вам то, чего там нет. Во-первых, выдавайте больничные по порядку, по возрастанию номеров, так как они идут в подшивке. Один сверху, второй снизу – не проходит. Навлечете на себя заведомые подозрения в том, что выдали больничный задним числом и напускаете туману. Мысль ясна?

– Ясна.

– Одну подшивку закончили, перешли к другой. Корешки сдаете в «Больничные листы» и сами расписываете в журнале кому и когда их выдали. Не сделаете этого, новой подшивки не получите. Вот... Выдавайте всем сразу на пять дней, на три дня мы в эпидемию стараемся не выдавать, чтобы не увеличивать и без того растущую нагрузку. Торговать больничными не советую – нынче это очень опасно. Не начало и середина девяностых, когда доктора разве что преysкурантов на дверях не вывешивали. По больничным все. Остальное прочтете в инструкции. Да, не забывайте давать каждому направления на общий анализ крови и общий анализ мочи, а при необходимости, и на флюорографию. Бланки получите у старшей сестры, Ларисы Николаевны, вместе с рецептами, льготными и обычными. И запаситесь направлениями. Пропечатайте их заранее, вообще все лучше заранее пропечатать, чтобы быстрее работалось. Я не быстро говорю?

– Нет.

– Льготные рецепты выписывайте согласно перечню, который вам даст Лариса Николаевна. Выписывайте не больше, чем на три недели. Три-четыре рецепта на больного, не больше. Контроль у нас очень строгий. Номера рецептов и что именно по ним выписано, непременно записывайте в карту. Кроме того, у нас в поликлинике каждым врачом ведется такая форма, как «журнал учета льготных рецептурных бланков». Кому, когда, что именно... Лариса Николаевна даст вам журнал. Дневники я советую писать прямо на вызовах, не откладывая на потом, – в конце дня в голове будет каша. Каждое утро вы приходите в поликлинику к девяти часам, расклеиваете записи по картам, отчитываетесь в использованных больничных, восполняете бланки... Если выписываете больничный или льготный рецепт, то карту подаете мне на проверку. Перед выпиской льготных рецептов непременно проверяйте документ, дающий право на льготу. На слово не верьте. У нас любят новым врачам лапшу на уши вешать...

Инструктаж затянулся на час.

– Одежда и обувь должны быть удобными. На вызове обязательно раздеваться, но никогда не разуваться. Это утомительно и опасно – можно ногу поранить или грибок подцепить. Лариса Николаевна даст вам одноразовые бахилы, на каждом вызове их, разумеется, использовать не надо, не тем количеством мы располагаем, но в случае, когда больной или родственники начинают вопить насчет ковров или если в квартире есть маленькие дети – то надевайте. Что касается мытья рук, то скажу сразу – если делаю двадцать – двадцать пять вызовов в день, вы на каждом вызове помоеете руки, то ваши руки не спасет никакой крем. Смотрите по ситуации. У нас вообще работа такая, что нужно смотреть по ситуации.

Из кабинета Воскресенской Данилов позвонил к себе в кабинет и услышал от Лизы:

– Всем уже объявлено, что вы на участке. Так что мы делаем то, что уже было назначено, а если возникает какой-то экстренный случай, то обращаемся к Пахомцевой. Теперь она за вас, Владимир Александрович.

– Прекрасно, – Данилов отправился к старшей сестре.

– Я прослежу, чтобы вам давали вызовы по совести, – пообещала Лариса Николаевна.

При этом она буквально поедала его глазами, демонстрируя столь выраженный женский интерес, что привыкший ко всему Данилов почувствовал некоторое смущение.

– «По совести» – это как?

– Не больше, чем с двух участков в день, чтобы вам не бегать по всему району, и поровну с остальными врачами, то есть не поровну, а вдвое больше, вы ведь на приеме не сидите.

Лариса Николаевна доверительно склонилась к Данилову, предоставляя ему великолепную возможность заглянуть в вырез ее халата. Данилов демонстративно отвел глаза в сторону.

– Сегодня уже все, словно с цепи сорвались, вызов за вызовом, вызов за вызовом. А все телевидение виновато. Постоянно твердят: «Не выходите из дома, не разносите заразу, вызывайте на дом...»

– А каков порядок получения вызовов?

– Утром, как закончите с бумажками, зайдете в «вызов на дом» и получите первую часть. Как сделаете – с последнего вызова звоните и получайте новые. В три часа – последний звонок. Остальное уже пойдет на дежурную службу. Посмотрите вечером карту района, а лучше купите себе атлас с номерами домов. Тонومتر с фонендоскопом у вас есть?

– Да, фонендоскоп свой, а тонометр Барина выдала, как только приступил к работе.

– Хорошо, тогда вот, получайте все остальное...

Потом Данилов спустился на первый этаж за больничными листами, заодно пропечатал все свои рецепты и направления на госпитализацию. Ставить личную печать было немного непривычно. Оставшееся время посвятил изучению инструкций и перечня лекарств, которые можно было выписывать льготникам. Перечень захватил с собой, чтобы продолжить изучение дома. Ушел с работы с головной болью, но в целом – подготовленным для работы на участке. Очень интересно было сравнить «скоропомощные» впечатления с «участковыми». Интуиция подсказывала, что, несмотря на отсутствие ночной работы, работать на участке будет тяжело.

«Зато для здоровья полезно – весь день в движении, – подумал Данилов. – И временем в каких-то пределах можно распоряжаться по своему усмотрению».

Работа на участке началась с приятного события – подачи заявления в ЗАГС. Данилов трезво рассудил, что в первый день, пока еще не за что отчитываться и нечего расклеивать по амбулаторным картам, можно явиться в поликлинику и попозже. Елена тоже могла позволить себе опоздать на работу.

– Надо сделать это, пока я еще работаю на старом месте, – сказала она, в ответ на даниловское: «А пошли завтра в ЗАГС?» – Потом времени не будет.

В подаче заявления не было ничего торжественного – обычная бюрократическая процедура, связанная с заполнением анкет, но тем не менее настроение у Данилова было приподнятым.

Оно оставалось таким до первого вызова – Белополянская, дом три, корпус два, квартира семь, первый подъезд, второй этаж. Повод – женщина, девятнадцати лет, боль в горле, температура.

На первый взгляд – ничего особенного. Обычное московское интеллигентное семейство из небогатых. Обилие книжных полок, мебель середины восьмидесятых, тяжеловесная хрустальная люстра. Из современного – компьютер с жидкокристаллическим монитором.

Пациентка томно лежала на диване, укрытая всеми имевшимися в доме одеялами. Данилову стало ее жаль – перегрев и здоровые организмы переносят плохо, а уж про больные и говорить нечего.

– Она со вчерашнего дня на строжайшем постельном режиме! – докладывал отец, провоя Данилова в ванную – мыть руки. – Мы так боимся осложнений.

– Не паникуйте преждевременно, – ободрил его Данилов.

На первый взгляд заботливый папаша производил хорошее впечатление. Интеллигентного вида, обходительный и полотенце доктору подал чистое, а не «вот то, что слева висит, им почти не пользовались».

Дочь, изнемогавшая под грудой одеял, покорно показала Данилову горло, дала себя выслушать и осмотреть, но при этом не проронила ни слова – на все вопросы отвечал отец. В этом не было ничего неестественного – когда в горле дерет, словно наждаком, разговаривать не очень-то хочется.

– Вам больничный или справку? – спросил Данилов по завершении осмотра.

– Справку, доктор, – засуетился отец. – Машенька учится в училище имени Гнесиных. Вы, доктор, знаете, что такое училище имени Гнесиных?

– Имею представление, – сухо ответил Данилов, которого немного покоробил вопрос.

Он даже знал, что Гнесинка находится на Поварской улице, примерно посередине между станциями метро «Арбатская» и «Баррикадная».

– Машенька – будущий золотой голос России, – заявил папа.

Будущий золотой голос России простонал что-то невнятное.

– Она интересуется прогнозом, – «перевел» отец. – Я тоже им интересуюсь.

– Прогноз как прогноз, – ответил Данилов. – Фолликулярная ангина лечится не менее десяти дней. Постельный режим, антибиотики, полоскания, обильное питье как домашнее средство детоксикации. Я вам сейчас выпишу рецепты и напишу режим лечения.

– Спасибо, доктор, но... – отец больной замялся, словно подыскивая нужные слова.

– Я вас внимательно слушаю, – подбодрил его Данилов.

– ...Достаточно ли у вас квалификации для того, чтобы лечить данное заболевание у вокалистки?! – собравшись с духом, выпалил отец.

– Думаю, что достаточно, – ответил Данилов. – Но это не мешает вам проконсультироваться у любого другого врача. Через недельку можно будет посетить отоларинголога в поликлинике...

– Но это только через неделю, доктор, а что нам делать сейчас?

– Я вам все расскажу. Только вот выпишу рецепты.

– Доктор, извините мне мою настойчивость, но вы уверены, что назначите правильное, адекватное лечение?

– Уверен, – ответил Данилов, заполняя графы в первом рецепте. – Дайте мне паспорт и полис, пожалуйста.

– Вот, прошу вас. А вы, доктор, проходили какую-то специализацию по голосовым связкам? – не унимался заботливый папаша.

– Нет, не проходил.

«Спокойно, Вольдемар, – сказал себе Данилов. – Будь у тебя дочь певицей, да еще и кандидаткой в золотые голоса России, ты бы точно так же изводил докторов. Все нормально».

Нормально-то, нормально, но виски и затылок понемногу наливались тяжестью.

– Но вы считаете себя достаточно подготовленным и компетентным?

– Да, конечно.

– А у вас есть категория? Ну, хотя бы первая?

– В настоящее время нет. И кандидатской степени у меня нет.

– Со степенью никто по участку бегать не будет, – заявил отец будущего золотого голоса. – Но вы уверены, что назначили правильное лечение?

– Уверен, уверен. Если можно, я просил бы не отвлекать меня от выписки рецептов.

– Да-да, конечно. Машенька, принести тебе чаю?

Машенька кивнула, и отец ушел на кухню, дав Данилову возможность спокойно закончить с писаниной.

– Вот рекомендации, я расписал их по дням, – сказал Данилов, когда отец вернулся. – Вот рецепты. . .

– А вы, простите, давно работаете врачом? – спросил отец.

«Твою мать! – выругался про себя Данилов. – Что мне теперь, диплом с трудовой книжкой с собой носить?»

Даже в первый год работы на «скорой помощи» никто не приставал к нему с подобными расспросами. Или на участке так положено?

– Если у вас вызывает сомнения моя компетенция, то вы вправе пригласить другого врача, – терпеливо ответил Данилов. – Если вам кажется, что перед вами самозванец, то позвоните в поликлинику и поинтересуйтесь – действительно ли врач Данилов Владимир Александрович там работает. . .

– Нет, нет, ну что вы?! – замахал руками отец. – Это я просто спросил.

Зачитав вслух свои рекомендации, Данилов поинтересовался, все ли понятно.

– Все-все! – заверил отец.

– Тогда всего хорошего. Справка пока на пять дней. Завтра к вам зайдет кто-либо из врачей, посмотреть, как дела. Не исключено, что это буду я.

Ангину положено наблюдать на дому в течение трех дней с момента обращения, чтобы не пропустить осложнений. Вызов врач записывает себе сам, и такой вызов называется «активным».

В прихожей Данилову задали очередной нескромный вопрос:

– А вы, простите мое любопытство, какой вуз заканчивали?

– Разве это имеет значение? – поинтересовался Данилов.

– Конечно, имеет, – подтвердил Машенькин отец. – Но вы, если честно, на московского врача не похожи. . .

– Совершенно верно, – кивнул Данилов. – Я учился в Средней Азии, в городе Учкудуке. Про него еще песня такая была. . .

– «Учкудук – три колодца».

– Верно, три колодца и один медицинский институт.

– Так вы же там небось ни одной ангины не видели за все время учебы! Там же зимы нет!

– Совершенно верно – ангинами там не болеют. Все больше дизентерией да сальмонеллезом. Всего доброго!

Не дожидаясь ответа, Данилов вышел на лестничную площадку. Его терпение почти иссякло и на следующий вопрос, касающийся профессиональной компетенции, он мог дать нецензурный ответ. Честно говоря, Данилову не хотелось начинать работу на участке со скандала.

– В жизни попадаются совершенно уникальные человеческие экземпляры, – пожаловался Данилов кошке, сидевшей на перилах.

Кошка ничего не ответила. Не наши, мол, кошачьи, это проблемы. Разбирайтесь сами.

Следующий вызов был в доме напротив, тоже на втором этаже. Женщина, двадцать пять лет, температура, кашель.

– У вас двусторонняя пневмония, – сказал Данилов, выслушав влажные хрипы в нижних долях обоих легких.

– Я и чувствую, что дышать тяжело, – призналась пациентка. – Надеялась на ногах переболеть, но вот как оно вышло...

От госпитализации она отказалась наотрез. Данилов оформил письменный отказ и пометил себе, что здесь тоже следует записать «актив» на завтра.

– Сейчас позвоню мужу, он купит лекарства, а уколы мне будет делать соседка.

– Если состояние будет ухудшаться – вызывайте «скорую» и поезжайте в больницу.

– Хорошо, доктор, так и сделаю.

На прощанье пациентка попыталась засунуть в карман даниловской куртки тысячерублевую купюру, но Данилов мягко отвел ее руку в сторону и посоветовал:

– Лишние деньги лучше потратить на мед и лимоны. Малиновое варенье тоже пригодится.

Пациентка сделала вывод, что доктор недоволен суммой, и достала из кармана махрового халата еще одну тысячерублевку.

Данилов покачал головой.

– Тогда, может, хотя бы кофе выпьете? – предложила сознательная девушка.

– Спасибо, в другой раз, – ответил Данилов и ушел на следующий вызов к женщине семидесяти трех лет с ухудшением общего самочувствия.

Сверившись с атласом, Данилов решил, что ближе будет пройти дворами, но на полпути уперся в сплошную сетчатую ограду, на карте, разумеется, не обозначенную. Пришлось топтать по улице, в обход. Оно бы и ничего, только вот погода испортилась – повалил мелкий, колючий снежок.

«На машине, конечно, мотаться по городу сподручнее, – заключил Данилов и, верный привычке рассматривать любое явление всесторонне, добавил: – Зато на участке в пробках стоять не приходится».

Женщина семидесяти трех лет сначала долго не пускала Данилова в квартиру, а потом столь же долго искала удостоверение инвалида второй группы. Во время осмотра дважды высказывала недовольство тем, что к ней пришел «кто-то с улицы», а не «своя» участковый терапевт Малярчук.

– Анна Дмитриевна, она все мои болячки наизусть знает, а вам всего сразу и не расскажешь.

– Так вы же вызвали только для того, чтобы выписать циннаризин и эналаприл! – не выдержал Данилов. – Какая разница – кто вам их выпишет, я или она?

– Так-то оно так, но если по правде, то совсем не эдак, – поджала губы старуха.

«Хорошее выражение, надо будет запомнить», – подумал Данилов.

На следующем вызове даже раздеваться не пришлось.

– Вот, я молилась, чтобы мужчина пришел, и бог меня услышал! – обрадовалась неопрятная девица в тесном и коротком халате, открыв Данилову дверь.

Лицо у девицы было припухшим, а еще от нее крепко пахло спиртным.

– Какая разница? – Данилов вошел в прихожую и расстегнул молнию на куртке.

– Денег у меня нет, – девица развела руками, – но за больничный готова отработать натурой без всякой халтуры.

Она потянула за свободный конец пояса, которым был подвязан халат.

– Всего хорошего, – Данилов повернул вертушку замка и распахнул дверь, намереваясь уйти.

– Доктор, а ведь я куда захочешь согласная! – девица попыталась схватить Данилова за руку, но он увернулся и, не отвечая на соблазнительное предложение, вышел на лестничную площадку.

– Одни импотенты кругом!

Дверь с оглушительным шумом захлопнулась. Данилов представил себе, какого удовольствия он лишился, и рассмеялся. Да, что-то, а скучать на участке не приходится.

На следующем вызове Данилова попытались втянуть в дискуссию о преимуществе пояса из собачьей шерсти и барсучьего жира перед антибиотиками.

– Я в этом вопросе некомпетентен, – честно признался Данилов. – Решайте сами. Рецепты и схему лечения я вам оставил.

Звонок в поликлинику принес богатый урожай – еще семь вызовов. Народ успел окончательно проснуться и требовал внимания.

На следующем вызове Данилова ждал симулянт – студент академии управления.

– У меня с утра насморк, слабость, потливость и голова кружится. Температуру сбил аспирином, была за тридцать восемь...

Из носа у парня действительно подтекало, и довольно сильно.

Данилов внимательно осмотрел его, не забыв ни про лимфоузлы, ни про горло, и, невзначай так, спросил:

– Клей-то еще остался?

– Больше половины... – машинально ответил симулянт и осекся, поняв, что его раскололи, как ребенка. – У меня пересдача, доктор, а я не успел подготовиться...

– Давайте паспорт и полис, – вздохнул Данилов, садясь за стол. – Выпишу вам справку на три дня.

– Спасибо! – оживился студент. – А... сколько я вам буду должен?

– стакан крепкого чая без сахара, – назвал цену Данилов. – Только чай, без всяких там сладостей, но быстро, пожалуйста.

– Одну минуту!

На чай студент не поспешил – заварил не из пакетика, а листовой, душистый. Сплошное удовольствие, а не чай.

– Скажите, пожалуйста, а как вы догадались, что я... использовал клей? – спросил студент, осмелев при виде благодушного выражения на лице Данилова.

– Очень просто, – Данилов не стал скрытничать. – Предъявляешь впечатляющий насморк, а крылья носа не красные. Подозрительно. Надо было их платочком натереть.

– Учту на будущее, – улыбнулся студент.

– Потом – говоришь, что сбил температуру, а майка и постель у тебя совершенно сухие. Невозможно поверить в то, что прямо перед моим приходом ты затеял смену постельного и нательного белья. Больным обычно не до этого. Ну майку уж ладно, а постель слегка водичкой sprysnut' не мешало бы. Ну и табаком обычно в подобной ситуации от больных не пахнет. Не до курения им как-то.

– Ясно.

– А что у вас за тумбочка? – прищурился Данилов, делая очередной глоток. – Где таблетки, где недопитый стакан с чаем? Где градусник, в конце концов? Обстановку надо продумывать тщательно, до мельчайших деталей. Тогда и результат будет! Сразу госпитализировать вас захочется, поскольку не возникнет никаких сомнений в тяжести вашего заболевания. И забудьте вы это неверное мнение насчет того, что сам факт вызова врача на дом уже автоматом свидетельствует о вашей болезни.

Парень внимательно слушал, разве что не конспектировал.

Дальше косяком потянулись ветераны и инвалиды с выпиской рецептов. Большинство из них были людьми сознательными. Зайдет врач в комнату, а ему на столе уже приготовили удостоверение, медицинский полис и списочек лекарств. На одном из вызовов Данилова угостили вкусными пирожками с мясом и с капустой, что, в сочетании с уже выпитым чаем, сошло за сносный обед.

За делами время пролетело незаметно. В половине четвертого Данилов получил последнее на сегодня вызовы. Всего на сегодня получилось двадцать три вызова. Если откинуть особу, предлагавшую заплатить за больничный натурой, которую и за вызов считать нельзя, то получилось двадцать два. Неплохо для первого раза. Настоящее боевое крещение, особенно если учесть, что бегать приходилось по двум участкам.

Когда не обслуженными оставались всего два вызова, Данилов совершил неблагоразумный поступок. Позвонил Елене, сообщил, что через полтора, ну, максимум, два часа собирается быть дома и сразу же начнет готовить праздничный ужин – надо же отметить подачу заявления.

Ага, разбежался, наивный. Недаром же умные люди утверждают, что загад не бывает богат.

На предпоследнем вызове дали ошибочный адрес. Пришлось перезванивать в поликлинику и бежать в соседний корпус. Но это еще полбеды – у мужчины семидесяти лет были налицо все признаки нарушения мозгового кровообращения, и Данилову пришлось вызывать «скорую».

– Да он у нас всегда какой-то пришибленный! – повторяла соседка по коммунальной квартире. – Зачем ему в больницу?

– Надо! – отвечал Данилов.

Бросить не вполне вменяемого деда на попечение придурковатой соседки Данилов не мог. Пришлось дожидаться «скорую», хорошо хоть та приехала быстро. На пятнадцатиминутную задержку с учетом вечернего «пробочного» времени и роста вызовов, вызванного эпидемией, можно было не обращать внимания. Однако, если считать в целом, вышел Данилов с вызова через час десять минут после того, как вошел.

На последнем вызове Данилова ждала, если верить поводу, женщина тридцати двух лет с повышенной температурой. Данилов поглядел на часы и решил, что если не будет тормозить, то опоздает домой не так уж и сильно.

Все было бы так, как он рассчитывал, если бы у пациентки при осмотре не выявился бы менингеальный синдром. Классический, как по учебнику, полный набор полагающихся симптомов – выраженная головная боль, рвота, никак не связанная с приемом пищи, сопротивление шейных мышц при попытке пассивного сгибания головы в положении лежа, так называемая ригидность, появление боли в пояснице и ноге при попытке произвести разгибание в коленном суставе, повышение чувствительности к громким звукам...

Данилову пришлось долго объяснять не слишком образованному мужу, работавшему бригадиром в гипермаркете, что его жену следует немедленно госпитализировать. Сама больная мало что соображала, поэтому последнее слово оставалось за мужем. Тот наконец перестал бубнить свое: «да ладно, что там, полежит – денька три да оклемается» – и начал собирать вещи. Данилов вызвал «скорую» и стал консультировать мужа, объясняя ему, что непременно надо взять с собой в больницу, а без чего там вполне можно обойтись. Пока консультировал, приехала «скорая», бывшая на вызове на соседней улице. Бригада оказалась фельдшерской и состояла из одной худенькой невысокой девушки. Данилов по собственному почину задержался, чтобы помочь водителю и мужу спустить пациентку в машину. Грузового лифта в доме не было, поэтому транспортировку проводили на «мягких» брезентовых носилках, а вдвоем с ними управляться очень тяжело, в отличие от обычных, жестких.

Короче говоря, скромный праздничный ужин, приготовленный Еленой (стейки в сырной оболочке с гарниром из шампиньонов), успел остыть к приходу Данилова.

– Вовка! – ахнула Елена. – Да на тебе лица нет! Ты так сильно переживаешь подачу заявления?

– Нет, просто я еще не адаптировался к работе на участке, – ответил Данилов и услышал в ответ.

– Главное – не отдать концы раньше, – заметила Елена. – Мне не хотелось бы овдоветь накануне свадьбы.

Глава девятая

ЭПИДЕМИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Выспался Данилов плохо – всю ночь он ходил по вызовам и попадал в какие-то невероятные ситуации. Сказалась новизна впечатлений вкупе с их обилием.

Завтрак Данилова был подобен обеду – глазунья из четырех яиц, два бутерброда с ветчиной и один с сыром и маслом. Было бы глупо ожидать, что его каждый день станут угощать на вызовах пирожками, а на обед в кафе могло не остаться времени.

На вклейку листочков с записями в амбулаторные карты у Данилова ушло более получаса. Виной тому была расторопность сотрудниц регистратуры. Надежда Борисовна, как и полагалось, отобрала карты тех, к кому ходил Данилов, и положила их на подоконник. Десятью минутами позже Клавдия Петровна разложила их обратно по своим местам – навела порядок. Сбирать карты по новой пришлось Данилову – у окошка регистратуры собралась не очередь, а целая толпа, и обе сотрудницы буквально сбивались с ног. При этом они успевали обмениваться друг с другом последними новостями:

– Мария Осиповна опять на бобах осталась!

– Что так?

– Да вот, нашла дочке приличного мужика, в мебельном на Соперникова заместителем директора работает, а эта шалава встретила с ним пару раз и сказала, что он ее не удовлетворяет.

– Да ее удовлетворить – целый полк нужен! Одно слово – непутевая. Бедная Мария Осиповна.

– И не говорите, Клавдия Петровна. Наградил же бог дочерью... А вы видели, каким гоголем наш новый доктор с третьего участка ходит? Даром, что из Сибири, а всегда при галстук...

– Поначалу все так фасон давят, думают – столица. А как поймут, что тут у нас деревня деревней...

– Ой, и не говорите! Сплошное бескультурье. Вчера сижу у окошка и слышу, как одна соплюшка Валентине Павловне говорит: «Быстрее шевелись, старая кляча, не видишь – сколько народу собралось!»

– Вот нахалка! А Валечка что?

– А то вы не знаете нашу Валентину Павловну! Она ей все, как есть, и сказала! И родителей вспомнила.

– С такими только так и надо...

Клавдия Петровна оказалась настолько любезной, что помогла Данилову донести карты, подлежащие проверке, до кабинета Воскресенской.

– Ну и как вам на участке? – улыбнулась Ирина Станиславовна.

– Нормально, – ответил Данилов. – Но если когда-то давно у меня и появлялись мысли о возможной работе участковым терапевтом, то после вчерашнего...

– Ну это аврал, а так у нас очень даже неплохо. Летом – так вообще не жизнь, а праздник. Народу на приеме мало, вызовов три-четыре. Район у нас зеленый, идешь на вызовы, как на прогулку... Аж вспомнить приятно. А сейчас, конечно, тяжело. У нас еще и Низматов заболел, успел уже заразиться. Завтра еще кто-нибудь заболеет, и что тогда?

– Дадут еще кого-нибудь на усиление.

– А кого еще-то? Окулиста или ЛОРа? Инфекционисту Александре Алексеевне возраст не позволяет по домам бегать, подростковый врач с пожилыми людьми общаться не может. Ее лет пять назад попробовали в эпидемию послать на участок, так сразу же столько жалоб посыпалось...

– Почему?

– Вы слышали, как Галина Григорьевна с подростками общается? «Встань! Повернись! Раздевайся! Одевайся! Помолчи, не мешай!» Подростки это еще терпят, а вот взрослые на такое обращение реагируют крайне негативно... Кардиолога если послать – так она на второй день больничный возьмет, эндокринолога – нельзя, она у нас незаменимая. Вот и остаются для усиления одни заведующие отделениями, мы с Татьяной Ивановной. Ну а уж когда совсем немоготу, то сажают на машину Пахомцеву и вперед! Скорость у нее невероятная, хоть пятьдесят вызовов дай, к семи вечера все переделает! У вас вчера никаких чепэ на вызовах не было?

– Никаких, Ирина Станиславовна. Прикол был – одна дама предлагала расплатиться за больничный любовью, – улыбнулся Данилов.

– Какой адрес? – сразу же спросила Воскресенская. – Я таких беру на заметку.

– Белополянская, девять, дробь четыре, квартира двадцать, – вспомнил Данилов.

– А-а, Коноплянникова... – вспомнила заведующая. – Эту я знаю, ее вся поликлиника знает и весь район... На Белополянской в доме семь-один, квартира четырнадцать есть еще одна красавица по фамилии Рябоконт, имейте в виду. Она часто вызывает на дом с похмелья. Упаси бог с ней связаться, – Воскресенская улыбнулась. – Джамшид Шарифович не устоял перед ее обаянием, так от нас с Пахомцевой получил как следует за то, что выдал больничный, и две недели к Сабурову на промывания ходил.

– Я устою, – пообещал Данилов. – Можете не волноваться.

Воскресенская открыла одну из карт, принесенных Даниловым, прочитала оставленную им запись и одобрительно сказала:

– Пишете вы хорошо, разборчиво и по делу. Статталоны уже написали?

– Да.

– Тогда идите работать, я вас больше не задерживаю. Да, кстати, такой совет, вернее – маленькая хитрость на время эпидемии. При ангине положено делать два актива подряд...

– Я в курсе.

– На первый идите, и если там все хорошо, то завтра просто позвоните и узнайте, как дела. Если – нормально, то и ходить незачем. Но в карте запись о посещении должна быть...

С актива к «будущему золотому голосу России» Данилов и начал.

– А, это опять вы, доктор! – Данилову показалось, что отец Машеньки даже обрадовался его приходу. – Заходите. Мы вчера приглашали специалиста из Центра оториноларингологии, и он одобрил назначенное вами лечение.

– Я счастлив, – ответил Данилов, снимая куртку.

– Вы уж извините, что я вчера приставал к вам с расспросами...

– Ничего страшного, я понимаю ваше состояние.

– А последний вопрос можно?

– Можно, – разрешил Данилов, проходя в ванную.

– В Учкудуке нет медицинского института. Я смотрел в Интернете...

– Да в Москве я учился, – улыбнулся Данилов. – И родился в Москве. И всю жизнь работаю в Москве. Только вот таких прицельных расспросов я не люблю и, собственно, отвечать на них не обязан. Если я официально работаю в медицинском учреждении, то это означает, что я обладаю всеми требуемыми знаниями и навыками.

– Да-да, совершенно верно, – смутился отец Машеньки...

Следующий вызов был к пенсионерке, инвалиду второй группы. Причина шаблонная – выписать лекарства, ну и заодно измерить давление. Когда Данилов дописывал последний рецепт, пациентка вдруг спросила:

– Доктор, а можно я вам подарочек сделаю?

– Нельзя, Вера Федоровна, – ответил Данилов, не отрываясь от дела. – Подарочки здесь совершенно излишни.

– Я не о бутылке говорю, – Вера Федоровна, кажется, слегка обиделась. – Я имею в виду хороший подарок, которого вам хватит до конца жизни.

– Все равно не надо, только скажите мне, о чем шла речь? Вы меня просто заинтриговали.

– Я лучше покажу!

Вера Федоровна открыла левую дверку трехстворчатого полированного шкафа, стоявшего в комнате, и достала оттуда сложенный в несколько раз отрез белой материи.

– Вот, это простыня, которой нет сноса!

Данилов пощупал уголок простыни. Материя и впрямь была плотной, хоть палатку из нее шей.

– Вы не думайте, доктор, они у меня неиспользованные. Тридцать лет лежат, ждут своего часа.

Почтенный возраст ткани выдавала легкая желтизна.

– Чистый хлопок! У меня все по полным гарнитурам, как полагается – простыня, пододеяльник, наволочка...

– Спасибо огромное, но у меня достаточно постельного белья. Кстати, а что за материя, никогда такой не встречал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.